

ISSN 2712-9519

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Том 5 №2

2025

LINGUISTICS & EDUCATION

Volume 5 №2

2025

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Электронное издание сетевого распространения

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Астраханский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Основано в 2020 году

Сетевое издание входит в перечень изданий РИНЦ

2025

Том 5 №2

Председатель редакционной коллегииПоройский С.В. – и.о. ректора ФГБОУ ВО
Астраханский ГМУ Минздрава России, доктор
медицинских наук, доцент**Заместитель председателя редакционной коллегии**Сорокина Э.А. – доктор филологических наук,
профессор (г. Москва)**Главный редактор**Маджаева С.И. – доктор филологических наук,
профессор (г. Астрахань)**Редакционная коллегия**Багана Ж. – доктор филологических наук, профессор
(г. Белгород)Бекишева Е.В. – доктор филологических наук, доцент
(г. Самара)Гагарина Е.Ю. – кандидат филологических наук,
доцент (г. Астрахань)Голованова Е.И. – доктор филологических наук,
профессор (г. Челябинск)Гринев-Гриневич С.В. – доктор филологических наук,
профессор (Республика Польша, г. Сувалки)Дроздова Т.В. – доктор филологических наук, доцент
(г. Астрахань)Зубкова О.С. – доктор филологических наук,
профессор (г. Курск)Иванчук О.В. – доктор педагогических наук, доцент (г.
Астрахань)Кислякова Е.Ю. – доктор филологических наук, доцент
(г. Волгоград)Косова М.В. – доктор филологических наук, профессор
(г. Волгоград)Лукоянова Т.В. – кандидат филологических наук, доцент
(г. Астрахань)Маслова В.А. – доктор филологических наук, профессор
(Республика Беларусь, г. Витебск)Михайлова М.Е. – кандидат исторических наук, доцент
(г. Астрахань)Мишланова С.Л. – доктор филологических наук,
профессор (г. Пермь)Нагзибекова М.Б. – доктор филологических наук
(Республики Таджикистан, г. Душанбе)Никулина Е.А. – доктор филологических наук,
профессор (г. Москва)Сатретдинова А.Х. – кандидат филологических наук,
доцент (г. Астрахань)Сорокина Э.А. – доктор филологических наук,
профессор (г. Москва)Суюнбаева А.Ж. – кандидат филологических наук
(Республика Казахстан, г. Актобе)Штрекер Н.Ю. – доктор педагогических наук, профессор
(г. Калуга)**Научный редактор**

Гречухина З.Р. – кандидат филологических наук

Ответственный секретарь

Дьякова Е.М.

Материалы представленных статей рецензируются

Свидетельство регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-79816 от 07 декабря 2020 г.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 27.03.2024

Сайт <http://lobrj.ru/ru/nauka/>Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть преобразована в электронный вид, воспроизведена любым способом без предварительного согласия с издателем. Выпуски сетевого издания «Лингвистика и образование» доступны на сайте <http://www.elibrary.ru>

© ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России, 2025

16+

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN
FEDERATION

LINGUISTICS & EDUCATION

Online edition

Founder:

Federal state budgetary educational institution of higher education "Astrakhan state medical university" of the Ministry
of Health of the Russian Federation

Founded in 2020

Online edition is included in the list of publications of the RSCI

2025

Volume 5 №2

Head of the Editorial Board

Poroisky S.V. – acting rector of the FSBEI HE Astrakhan
SMU MOH Russia, doctor of medicine, associate professor

Ivanchuk O.V. – doctor of pedagogy, associate professor
(Astrakhan)

Deputy Chairman of the Editorial Board

Sorokina E.A. – doctor of philology, professor (Moscow)

Kislyakova E.Yu. – doctor of philology, associate professor
(Volgograd)

Kosova M.V. – doctor of philology, professor (Volgograd)

Lukoyanova T.V. – candidate of philology, associate
professor (Astrakhan)

Editor-in-Chief

Madzhaeva S.I. – doctor of philology, professor
(Astrakhan)

Maslova V.A. – doctor of philology, professor (Republic of
Belarus, Vitebsk)

Mikhailova M.E. – candidate of history, associate professor
(Astrakhan)

Editorial Board

Bagana J. – doctor of philology, professor (Belgorod)

Bekisheva E.V. – doctor of philology, associate professor
(Samara)

Mishlanova S.L. – doctor of philology, professor (Perm')

Nagzibekova M.B. – doctor of philology (Republic of
Tajikistan, Dushanbe)

Gagarina E.Yu. – candidate of philology, associate
professor (Astrakhan)

Nikulina E.A. – doctor of philology, professor (Moscow)

Satretdinova A.Kh. – candidate of philology, associate
professor (Astrakhan)

Golovanova E.I. – doctor of philology, professor
(Chelyabinsk)

Sorokina E.A. – doctor of philology, professor (Moscow)

Suyunbayeva A.Zh. – candidate of philology (Republic of
Kazakhstan, Aktobe)

Grinev-Grinevich S.V. – doctor of philology, professor
(Republic of Poland, Suwałki)

Shtreker N.Yu. – doctor of pedagogy, professor (Kaluga)

Drozdova T.V. – doctor of philology, associate professor
(Astrakhan)

Scientific editor

Grechukhina Z.R. – candidate of philology

Zubkova O.S. – doctor of philology, professor (Kursk)

Executive Secretary

Dyakova E.M.

The materials of represented articles are reviewed.

Certificate of mass media registration EI № FS77-79816 dated 07.12.2020

The journal is included into «**The index of peer reviewed academic journals and publications that must publish the main academic results of candidate's degree theses and doctoral degree theses**» that came in force on March 27, 2024

Website <http://lobrj.ru/ru/nauka/>

All rights are protected. No part of this publication can be converted into electronic form or reproduced in any way without preliminary agreement with editor. Issues of the online publication "Linguistics & education" are available on the website <http://lobrj.ru/ru/nauka/>

© Publisher FSBEI HE Astrakhan SMU MOH Russia, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Балашова А.Ю. Генезис и лингвистические особенности англоязычных терминов нейропсихологии (на материале терминов нейропсихологии детского возраста)	6
Богинская О.А., Качков Н.В., Петров А.С. Категория оценки в академическом дискурсе: междисциплинарный анализ	19
Бочарова Э.А. Южноафриканский вариант английского языка индийцев: морфологические манифестации	31
Вишнякова Н.М. Акциональная основа метафорического переноса в современном поэтическом тексте	48
Демкина Ю.А. Концепт «испорченность» в англоязычной литературе второй половины XIX и XX веков	60
Кёпке К. Современные подходы к исследованию мультимодальности	74
Кульпина В.Г. Термин, номен, символ – метаязык музыки и проблемы его лексикографической фиксации	90
Сивова Т.В. Цвет анемона в репрезентации сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка	102
Тагаева Т.Р. Репрезентация эмоционального концепта “sadness” (печаль) в английском языке на материале британского национального корпуса (British national corpus)	118
Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Пугач В.С., Лазарева Н.А. Национально-культурные особенности фразеологизмов с компонентом натуроним в английском языке	136
Якушкина П.И., Рулевская Е.С. Особенности формирования англоязычной lean-терминологии	148
Требования к оформлению статьи	166

CONTENT

LINGUISTICS

Balashova A.Yu. Genesis and linguistic features of English neuropsychological terms (on the material of child neuropsychology)	6
Boginskaya O.A., Kachkov N.V., Petrov A.S. Assessment category in academic writing: a interdisciplinary analysis	19
Bocharova Je.A. The South African version of Indian English: morphological manifestations	31
Vishnyakova N.M. Actional basis of metaphorical transference in a modern poetic text	48
Demkina J.A. The concept “depravity” in english literature of the second half of the XIX and XX centuries	60
Köpke K. Current approaches to the investigation of multimodality	74
Kulpina V.G. The term, nomen, symbol – metalanguage of music and problems of its lexicography fixation	90
Sivova T.V. Anemone colour in the representation of a segment of the Russian colour conceptosphere of the floral space	102
Tagaeva T.R. Representation of the emotional concept “sadness” in English based on the British national corpus	118
Chekulay I.V., Prokhorova O.N., Pugach V.S., Lazareva N.A. National and cultural features of phraseological units with a naturonym component in the English language	136
Yakushkina P.I., Rulevskaya E.S. Formation features of English lean-terminology	148
Requirements for article arrangement	174

ЛИНГВИСТИКА

Лингвистика и образование. 2025. Том 5. №2. С. 6-18
Linguistics & education. 2025. Vol. 5. No. 2. P. 6-18

Научная статья

УДК 811.11-112

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-6-18> (английский)

ГЕНЕЗИС И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ НЕЙРОПСИХОЛОГИИ (на материале терминов нейропсихологии детского возраста)

Анна Юрьевна Балашова

Российский университет транспорта, Москва, Россия

a.hatyushina@yandex.ru

Аннотация. Развитие и становление современных научных отраслей знания порождают возникновение новых терминологических единиц, что играет важную роль для международного медицинского сотрудничества и обмена опытом. Изучение формирования и функционирования терминов детской нейропсихологии направлено на унификацию и стандартизацию специальных лексем данной предметной области для лучшего понимания происходящих изменений и появляющихся инноваций. В статье представлены результаты проведенного многоаспектного анализа с точки зрения этимологии, функционирования и структуры англоязычных терминов детской нейропсихологии. Сделан вывод о преобладании полилексемных терминов в нейропсихологии как одной из ведущих тенденций в терминологии современных наук. Использованы следующие методы лингвистических исследований: количественный, этимологический, сравнительный и компонентный анализ. Изучение терминологии в области нейропсихологии позволяет выявить перспективные направления ее исследования и развития.

Ключевые слова: нейропсихология, терминология, медицинское сотрудничество, терминологические единицы, детская нейропсихология

Для цитирования: Балашова А.Ю. Генезис и лингвистические особенности англоязычных терминов нейропсихологии (на материале терминов нейропсихологии детского возраста) // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – №2. – С. 6-18. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-6-18>

Original article

GENESIS AND LINGUISTIC FEATURES OF ENGLISH NEUROPSYCHOLOGICAL TERMS (on the material of child neuropsychology)

Anna Yu. Balashova

Russian university of transport, Moscow, Russia

a.hatyushina@yandex.ru

Abstract. The development and formation of modern scientific branches and disciplines lead to the emergence of new terminological units. It is particularly important for the international medical cooperation and a mutual exchange of experience. The study of neuropsychological terminology is aimed at the unification and standardization of special scientific units for the better understanding of current changes and appearing innovations. The

article presents the results of the carried out multidimensional analysis concerning etymology, functioning and structure of English child neuropsychological terms. The conclusions concerning predominance of polylexemic terms in neuropsychology are made. Methods of statistical, component, comparative and etymological analyses are used. The analysis of terminology in the field of neuropsychology allows researchers to identify promising areas for its research and development.

Keywords: neuropsychology, terminology, medical cooperation, terminological units, child neuropsychology

For citation: Balashova A.Yu. Genesis and linguistic features of English neuropsychological terms (on the material of child neuropsychology), *Linguistics & education*, 2025. – Vol. 5 – No. 2. – Pp. 6-18. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-6-18>

Введение

Нейропсихология – научная дисциплина, исследующая взаимодействие мозга и психики [1]. Как правило, нейропсихологию относят к нейронаукам, занимающимся изучением мозга. Основными задачами данной науки является решение вопроса механизмов функционирования мозга как аппарата, отвечающего за психику [2, с. 4].

Предметом нейропсихологии являются закономерности протекания высших психических функций и исследование нарушений данных функций при патологии мозга [2, с. 6].

Нейропсихологию можно считать относительно молодой наукой, имеющей междисциплинарный характер и вобравшей в себя термины, заимствованные из психологии, психиатрии, анатомии, физиологии и многих других наук [3, с. 15].

Как новый раздел науки нейропсихология сформировалась во второй половине XX века и была связана с работой канадского физиолога и нейропсихолога Д. Хебба, который одним из первых в 1949 г. занялся разработкой теории взаимосвязи головного мозга и мыслительных процессов, возникающих на основе нейронных структур, так называемых ансамблей клеток (*cell assemblies*) [4].

Этимология термина «нейропсихология» восходит к греческому слову *neuron* (нерв) + *psycology* (психология), что свидетельствует о тесной связи нейропсихологии с психологией.

Отечественным основоположником нейропсихологии считается А.Р. Лурия, разработавший теорию системной динамической локализации высших психических функций человека [5, с. 73].

С 70-ых годов XX века нейропсихология меняет ориентир с описания синдромов и постановки диагноза на нейровизуализацию, что обусловлено внедрением компьютерной томографии (*Computerized Axial Tomography (CAT)*), а затем функциональной магнитно-резонансной томографии (*functional magnetic resonance imaging*) и позитронно-эмиссионной томографии (*positron-emission tomography*).

На сегодняшний день существует шесть основных направлений в нейропсихологии:

- клиническая нейропсихология (*Clinical Neuropsychology*)
- экспериментальная нейропсихология (*Experimental Neuropsychology*)
- нейропсихология дифференциальных различий (*Comparative Neuropsychology*)
- когнитивная нейропсихология (*Cognitive Neuropsychology*)
- нейропсихология детского возраста (*Child neuropsychology*)
- нейропсихология старческого возраста [6, с. 10] (*Neuroherontopsychology*) [7].

Так как наука *нейропсихология* охватывает разные возрастные категории, в данном исследовании остановимся на рассмотрении лингвистических особенностей и основных понятий нейропсихологии детского возраста (*Child neuropsychology*) [7].

В настоящее время большое количество детей страдает различными психическими и неврологическими заболеваниями. В практической сфере постоянно ведется поиск и разработка методов диагностики всевозможного вида патологий у детей с целью нейропсихологической коррекции отклонений развития психических функций.

Изучение терминологических единиц данного научного знания особенно важно сегодня, когда возрастает потребность в

высококвалифицированных специалистах и обмене опытом на международном уровне, в условиях ускорившегося развития науки и техники, что обуславливает постоянное возникновение новых понятий и терминов. Это определяет актуальность предпринятого исследования.

Новизна данного исследования заключается в детальном изучении механизмов формирования терминологии и создании комплексной характеристики терминосистемы детской нейропсихологии, находящейся на этапе активного развития и становления.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в обнаружении и фиксации терминов детской нейропсихологии в английском языке, описании способов формирования и пополнения их терминологического фонда. Выводы, сделанные на основании данного исследования, позволят уточнить теоретические представления о возникновении и перспективах развития современных терминосистем, а также внесут вклад в изучение проблемы терминологической синонимии.

Практическая ценность определяется систематизацией терминов детской нейропсихологии, что поможет облегчить понимание и усвоение английских терминологических единиц носителями других языков, связанных с данной областью деятельности. В медицинской сфере это особенно важно.

Цель исследования – изучить лингвистические особенности терминологии детской нейропсихологии, описать данную терминологию, уделяя особое внимание способам ее формирования и функционирования в медицинском дискурсе, и на этом основании сделать выводы о ведущих тенденциях развития данной терминологической лексики на современном этапе.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- провести отбор терминологических единиц, относящихся к области детской нейропсихологии;

- выявить ведущие способы пополнения терминологического фонда нейропсихологии;
- исследовать основные модели образования данных терминов;
- выявить отличия полисемантических терминов от свободных словосочетаний в терминологии нейропсихологии;
- систематизировать термины детской нейропсихологии;
- провести сопоставление терминов нейропсихологии в русском и английском языке с целью выявления общих тенденций терминообразования в медицинской науке в настоящее время.

В качестве методов исследования лексического материала использованы следующие: количественный, компонентный, аналитический, описательный метод, сравнительно-сопоставительный и этимологический анализ.

Анализ материала

Эмпирическим материалом анализа послужила терминология детской нейропсихологии, полученная методом сплошной выборки. Для сбора языкового материала использованы письменные источники: тематические материалы с медицинских сайтов типа *psychologytutorial.com* [7] и других американских нейропсихологических ассоциаций; текст работы *Neuropsychology From Theory to Practice* [8] издательства *Psychology Press*; справочник по детской клинической нейропсихологии под редакцией Сесил Р. Рейнольдс, Элейн Флетчер-Янзен / *Handbook of Clinical Child Neuropsychology by Cecil R. Reynolds, Elaine Fletcher-Janze* [9]. Всего было отобрано около 300 специальных лексем, относящихся к терминологии детской нейропсихологии.

Нейропсихология, как относительно молодая наука, не имеет устоявшегося общепринятого наименования. В английском языке существуют два термина *neuroscience* и *neuropsychology*. Первый термин *neuroscience* (нейронаука) можно считать эквивалентом русского термина лишь при добавлении уточняющего определения *behavioral* (поведенческий)

как поведенческая неврология. Следовательно, термин *neuropsychology* в данном случае будет более точным, отражающим основную задачу данной медицинской отрасли, а именно взаимодействие мозга и психики. Термин *neuropsychology* имеет более частотное употребление и используется как в американской, так и европейской научной литературе, благодаря прозрачности его значения.

Результаты

Исследование показало, что, как и во многих современных науках, в детской нейропсихологии преобладают полилексемные, многокомпонентные термины, состоящие из двух и более элементов. В количественном соотношении обнаружено 112 монолексемных терминов и 188 полилексемных наиболее употребительных терминов в проанализированных текстах. Из них 95 (50,5%) лексических единиц являются двухкомпонентными терминами, 60 (32%) – трехкомпонентными и 33 (17,5%) термина включают в свой состав 4 и более элементов.

Таблица 1. Распределение терминов по количеству входящих в них элементов

Количество элементов	% от общего количества	Пример	Перевод
2	95-50,5 %	neurodevelopmental disorders	нарушение развития нервной системы
3	60- 32%	traumatic brain injury (ТБИ)	черепно-мозговая травма
4 и более	33-17,5%	battery of neuropsychological tests	ряд нейропсихологических тестов

При сопоставлении англоязычных и русскоязычных терминов была отмечена тенденция к более сложным и многокомпонентным терминам в русском языке. Так, например, двухкомпонентные лексемы в английском языке зачастую переводятся трехкомпонентными в русском языке (*speech delay* – задержка речевого развития (ЗРР), *oral impairment* – общее недоразвитие речи (ОНР), *mental retardation* – задержка психического развития (ЗПР)). Следует также отметить, что в англоязычных двухкомпонентных терминах активно используется модель образования полилексемных терминов путем присоединения уточняющего существительного “N+N” (существительное+существительное), где первое

ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2025. Том 5 №2(18) 11

существительное выполняет функцию определения (*speech delay*), что свидетельствует о тенденции к аналитизму. Исходя из примеров, можно сделать вывод, что и в русском, и в английском языках в результате многокомпонентности терминов имеет место аббревиация.

С точки зрения функционирования терминов детской нейропсихологии в медицинском дискурсе была проведена классификация терминов по их тематике.

Таблица 2. Классификация терминов согласно их категориальной принадлежности

Тематика терминов	Пример	Перевод
Причины, вызывающие нейропсихологические проблемы	Low birth weight (LBW)	Низкая масса тела при рождении
	Hematomas	Гематомы
	Traumatic brain injuries (TBIs)	Черепно-мозговая травма
	Cerebral palsy	Церебральный паралич
	Brain tumor	Опухоль головного мозга
	Brain stroke	Инсульт головного мозга
	Hypoxia	Гипоксия
Проблемы, вызванные нейропсихологическими расстройствами	Hypertension	Гипертония
	Attention deficit	Дефицит внимания
	Hyperactivity disorder	Гиперактивность
	Epilepsy	Эпилепсия
	Behavioral disorders	Поведенческие расстройства
	Mental retardation	Умственная отсталость
	Autism / spectrum disorders	Расстройство аутистического спектра
	Bipolar disorder	Биполярное расстройство
	Neurodevelopmental delay (NDD)	Задержка развития нервной системы
	Speech delay/language delay	Задержка речевого развития (ЗРР)
	Oral impairment	Общее недоразвитие речи (ОНР)
	Mental retardation	Задержка психического развития (ЗПР)
	Muscular dystrophy	Мышечная дистрофия
	Alalia	Алалия (недоразвитие или отсутствие речи в результате поражения головного мозга)
	Aphasia	Афазия (недоразвитие речи, связанное с нарушениями восприятия речи)
Agnosia	Агнозия (нарушение	

		зрительного/ слухового восприятия при нормальном функционировании органов чувств)
Процедуры исследования	Battery of neuropsychological tests	Перечень нейропсихологических тестов
	Computerized Axial Tomography (CAT)	Компьютерная томография
	Functional magnetic resonance imaging	Функциональная магнитно-резонансная томография
	Positron-emission tomography	Позитронно-эмиссионная томографии
	Auditory Brainstem Response (ABR)	Коротколатентный слуховой вызванный потенциал (КСВП)

Приведенные примеры свидетельствуют о преобладании полилексемных терминов со значительным количеством аббревиатур (CAT, NDD, TBIs, LBW и т.д.), что характерно для терминологий новых наук, для краткости и простоты передачи информации между посвященными в данную научную область специалистами. Как видно из примеров, в терминологии детской нейропсихологии преобладает инициальная аббревиация.

Для классификации многокомпонентных лексических единиц, относящихся к детской нейропсихологии, на полилексемные термины и свободные терминологические словосочетания был использован метод субституции. Данный метод предполагает замену одного или нескольких элементов в словосочетании, если при этом смысловое значение нарушается, то можно считать данное выражение полилексемным термином. В качестве примера можно обратиться к следующим полилексемным словосочетаниям: *Auditory Brainstem Response (ABR) test; procedure in Auditory Brainstem Response (ABR); protocol for Auditory Brainstem Response (ABR)*. Дополнения в терминологических словосочетаниях могут присоединяться справа или слева, но сами они не входят в состав полилексемного термина, термин *Auditory Brainstem Response (ABR)* остается неизменным по форме и значению.

В терминологии детской нейропсихологии можно выделить несколько групп терминов, взятых из смежных наук: медицины, анатомии, психологии, дефектологии, психиатрии, техники и инженерии:

1) медицинские термины, заимствованные калькированием в английский язык из греческого языка, относящиеся к простым моноксемным словам: *agnosia* (агнозия) (греч. а- – без + *gnosis* – знание) – неспособность идентифицировать объект с помощью одного или более чувств; *epilepsy* (эпилепсия) (греч. *epilepsia* – схватывание, эпилептический припадок) – хроническое нервно-психическое и полиэтиологическое заболевание; *apraxia* (апраксия) (греч. а- – без, не + *praxis* – действие) – нарушение целенаправленного действия при сохранности необходимых движений и процессов мышления [10];

2) заимствования из латинского и греческого языков: *cerebellum* (лат. – мозжечок) со значением “*a small brain*”; *myelinated fibres* (миелиновые волокна) (от греч. *myelos* «мозговое вещество; мозг, внутренняя часть») [10];

3) из психологии заимствованы термины *perception* (восприятие) (от лат. *percipiō* – понимание); *attention* (внимание) (ст. франц. *attencion* со значением «прислушаться к чему-либо»), *memory* (память) (ст. франц. *memoire* – воспоминание), *cognition* (мышление) (лат. *cogniciō* – акт познания) [10];

4) из дефектологии термины, связанные с методами поведенческой коррекции у детей – *sensory processing* (сенсорная интеграция) (от лат. *sensory* – чувство); *integrated learning* (интегрированное обучение) (от лат. *integratus* – объединять/включать в себя) [10];

5) термины техники и инженерии, связанные с методами исследования, диагностики и лечения нейропсихологических нарушений: *Computerized Axial Tomography (CAT)* (компьютерная томография); *positron-emission tomography* (позитронно-эмиссионная томография); *functional magnetic resonance imaging* (функциональная магнитно-резонансная томография); *Thomatis therapy* (Томатис терапия)

– метод нейросенсорной стимуляции на основе специально обработанного звука [11].

б) термины психиатрии, обозначающие психические заболевания. Одним из таких является термин *autism* (аутизм) (греч. *autos* – сам – погружение во внутренний мир с потерей контакта с действительностью) [10].

Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин отмечают, что одним из требований к «идеальному» термину является его однозначность. Однако, как утверждают исследователи, во многих терминологиях встречаются случаи, когда разные словоформы, выражают одно общее значение [12, с. 54]. По мнению З.Р. Гречухиной это происходит «ввиду того, что терминология – языковое явление, практическая деятельность, связанная с коммуникативной функцией языка в данной области, зачастую нарушает установленные правила или вносит коррективы в нормативные требования использования медицинской терминологии, формируя варианты существующих терминов» [13, с. 20]. Синонимия связана с наполнением смысловыми значениями семантической структуры слова. Присутствие синонимии в отраслевых терминологиях определяется формой и отражается протяжённостью синонимических рядов. Синонимия может быть представлена по внешней форме бинарными рядами (двухкомпонентная синонимия, например, *офтальмолог – окулист, невролог – невропатолог, стоматолог – дантист*) и протяжёнными рядами (трёхсловная синонимия, многокомпонентная синонимия) [14, с. 27].

Так, в качестве примера многокомпонентной синонимии, можно рассмотреть синонимический ряд к медицинскому термину нейропсихологии «аутизм»: аутизм – инфантильный аутизм (англ. *infantile autism*) – детский аутизм (*childhood autism*) – ранний инфантильный/детский аутизм (*early infantile/childhood autism*) – синдром Каннера – аутизм Каннера (*Kanner's autism*) – аутистическое расстройство (*autistic disorder*) [15, с. 18].

Можно сделать вывод, что наличие такой многокомпонентной синонимии в терминологии детской нейропсихологии затрудняет процесс

профессионального международного общения и требует от специалистов знание всех возможных вариантов данного явления.

Заключение

Исследование генезиса и анализ лингвистических особенностей терминологии детской нейропсихологии показал, что специальная лексика, принадлежащая рассматриваемой науке, соответствует лингвистическим тенденциям новых наук, где преобладают полилексемные термины. В процессе изучения данной терминологии обнаружено 188 полилексемных единиц, что составляет 63% от общего количества проанализированных терминов. Наибольшую группу представляют двухкомпонентные термины, образованные путем присоединения уточняющего существительного, 50,5% от общего количества полилексемных терминов. Установлено, что в терминологии детской нейропсихологии существуют еще неустоявшиеся терминологические единицы с вариативностью формы и значения (*neuropsychology/neuroscience*). Нейропсихология как междисциплинарная наука совмещает в себе термины многих смежных наук, включая терминологические единицы, заимствованные из разных областей научного знания. Терминологический фонд детской нейропсихологии является многоаспектным и многофункциональным. Терминология нейропсихологии постоянно пополняется новыми языковыми единицами в результате стремительного развития науки и техники. Английская терминология детской нейропсихологии состоялась как отрасль научного знания, имеет собственную терминологическую базу и продолжает активно развиваться и совершенствоваться.

© Балашова А.Ю., 2025

Список источников

1. Нейропсихология. Большая Российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/neiropsikhologiia-dbfdb0> (Дата обращения: 04.12.2024).
2. Основы нейропсихологии: учебно-методическое пособие. Уральский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации; Уральский государственный педагогический университет; автор-составитель А.Д. Курлапова (Алдушина); под редакцией А.Д. Курлаповой (Алдушиной). – Электрон. дан. – Екатеринбург: УрГПУ, 2023. – 1 CD-R. – Текст: электронный

3. Хомская Е. Д. Нейропсихология: 4-е издание. – СПб: Питер, 2005. – 496 с.
4. URL: <https://art-terapy.ru/nejropsihologicheskij-slovar> (Дата обращения: 03.12.2024).
5. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. Учебное пособие. – М.: МГУ, 1973. – 382 с.
6. Баранская Л.Т., Павлова Е.В. Нейропсихология. Учебное пособие. – Екатеринбург: УГМУ, 2020. – 115 с.
7. URL: <https://psychologytutorial.com/what-is-neuropsychology/> (Дата обращения: 30.11.2024).
8. Andrews D. Neuropsychology from theory to practice. Psychology Press/ – 2015. – с. 716
9. Handbook of Clinical Child Neuropsychology by Cecil R Reynolds, Elaine Fletcher-Janze. [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-0-387-78867-8> (Дата обращения: 04.04.2025).
10. URL: https://www.etymonline.com/word/integrate#etymonline_v_9377(Дата обращения: 02.12.2024).
11. URL: <https://www.medaid.ru/logopedy/tomatis/>(Дата обращения: 01.12.2024).
12. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. – Горький, 1987. – 105 с.
13. Гречухина З.Р. Субстантивация прилагательного в медицинской терминологии (на примерах из латинского, французского и русского языков) // Лингвистика и образование. – 2022. – Т.2. – №1(5). – С. 19-27.
14. Сорокина Э.А., Носович Я.Ф. Особенности присутствия явления синонимии в медицинских терминологиях // Терминология: становление, развитие, функционирование. Коллективная монография. Астрахань, изд-во Астраханского ГМУ, 2019. – 404 с. – С. 187–209.
15. Балашова А.Ю. Особенности терминологий новых наук (на материале английской терминологии перфузиологии): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 5.9.6. / Анна Юрьевна Балашова. – Мытищи, 2024. – 24 с.

References

1. Neyropsikhologiya [Neuropsychology]. Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://bigenc.ru/c/neiropsikhologiiia-dbfdb0> (Data obrashcheniya: 04.12.2024).
2. Osnovy neyropsikhologii: uchebno-metodicheskoe posobie [*The foundations of neuropsychology*]. Ural'skiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet Ministerstva zdravookhraneniya Rossiyskoy Federatsii; Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet; avtor-sostavitel' A.D. Kurlapova (Aldushina); pod redaktsiey A.D. Kurlapovoy (Aldushinoy). – Ekaterinburg: UrGPU, 2023. – 1 CD-R
3. Khomskaya E.D. Neyropsikhologiya [Neuropsychology]: 4-e izdanie. – SPb.: Piter, 2005. – 496 p.
4. URL: <https://art-terapy.ru/nejropsihologicheskij-slovar> (Data obrashcheniya: 03.12.2024).
5. Luriya A.R. 5. Osnovy neyropsikhologii [*The foundations of neuropsychology*]. Uchebnoe posobie. MGU, 1973. – 382 p.
6. Baranskaya B.N., Pavlova E.V. Neyropsikhologiya. Uchebnoe posobie. [Neuropsychology]. Ekaterinburg : UGMU, 2020. – 105 p.
7. URL: <https://psychologytutorial.com/what-is-neuropsychology/> (Data obrashcheniya: 30.11.2024).
8. Andrews D. Neuropsychology from theory to practice. Psychology Press/ – 2015. – с. 716

9. Handbook of Clinical Child Neuropsychology by Cecil R Reynolds, Elaine Fletcher-Janze. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-0-387-78867-8> (Data obrashcheniya: 04.04.2025).

10. URL: https://www.etymonline.com/word/integrate#etymonline_v_9377(Data obrashcheniya: 02.12.2024).

11. URL: <https://www.medaid.ru/logopedy/tomatis/> (Data obrashcheniya: 01.12.2024).

12. Golovin B.N., Kobrin R.Yu. Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh [Linguistics basis of terms' study]. Gor'kiy, 1987. – 105 p.

13. Grechukhina Z.R. Substantivization of the adjective in medical terminology (using examples from Latin, French and Russian languages) // Linguistics and Education. – 2022. – Т.2. – No. 1(5). – Pp. 19-27.

14. Sorokina E.A., Nosovich Ya.F. Osobennosti prisutstviya yavleniya sinonimii v meditsinskikh terminologiyakh [The features of synonymy presence in terminological texts]// Terminologiya: stanovlenie, razvitie, funktsionirovanie. Kollektivnaya monografiya. Astrakhan', 2019, izd-vo Astrakhanskogo GMU, 404 p. – Pp. 187-209.

15. Balashova A.Yu. Osobennosti terminologiy novykh nauk (na materiale angliyskoy terminologii perfuziologii). Avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk [The features of new sciences terminology (on the material of perfusiology)]. Mytitsi, 2024. – 24 p.

**Балашова
Анна Юрьевна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика»,
Российский университет транспорта, Москва, Россия
a.hatyushina@yandex.ru

**Balashova
Anna Yuryevna**

candidate of philology, associate professor of the department of Linguistics,
Russian university of transport, Moscow, Russia
a.hatyushina@yandex.ru

Научная статья

УДК 81'1

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-19-30>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная
лингвистика

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ

Ольга Александровна Богинская¹, Никита Владимирович Качков², Алексей Сергеевич Петров³

^{1,3} Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

² Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

¹olgaa_boginskaya@mail.ru

²nktkachkov@gmail.com

³practicum2013@mail.ru

Аннотация. Взаимодействие автора и читателя является важной стратегией академического дискурса, реализуемой с привлечением метадискурсивных ресурсов. Целью настоящей статьи является сравнительный анализ разновидностей и частотности маркеров оценки как метадискурсивных средств взаимодействия в корпусе русскоязычных статей российских авторов, представляющих технические и юридические науки. Результаты анализа показали, что представители инженерного знания преимущественно выражали оценочное отношение к самому исследованию и его результатам, в то время как в юридических статьях чаще встречались маркеры оценки предметной области. С целью выражения оценки авторами использовался набор лексических средств, представленный прилагательными, существительными, наречиями и глаголами. В ходе исследования было обнаружено, что, в то время как авторы, представляющие технические науки, отдавали предпочтение прилагательным и существительным, юристы использовали оценочный потенциал прилагательных и наречий. Результаты анализа сходств и различий в употреблении маркеров оценки в текстах научных статей по двум областям знания могут быть использованы в процессе обучения академическому письму. Результаты также могут стать ориентирами для начинающих авторов в процессе написания научных текстов с соблюдением принятых в дискурсивном сообществе норм академического письма.

Ключевые слова: метадискурс, взаимодействие автора и читателя, маркеры оценки, научная статья

Для цитирования: Богинская О.А., Качков Н.В., Петров А.С. Категория оценки в академическом дискурсе: междисциплинарный анализ // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – №2. – С. 19-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-19-30>

Original article

ASSESSMENT CATEGORY IN ACADEMIC DISCOURSE: INTERDISCIPLINARY ANALYSIS

Olga A. Boginskaya¹, Nikita V. Kachkov², Alexey S. Petrov³

^{1,3} Irkutsk national research technical university, Irkutsk, Russia

² Baikal state university, Irkutsk, Russia

¹olgaa_boginskaya@mail.ru

²nktkachkov@gmail.com

³practicum2013@mail.ru

Abstract. The interaction between the author and the reader is one of the crucial aspects of academic discourse realized mainly with the use of metadiscourse resources. The purpose of this article is to compare the types of frequencies of attitude markers as metadiscourse devices used in research articles by Russian writers representing engineering and legal sciences. The analysis showed that engineering writers mainly expressed attitudes to their research and its results, while legal writers predominantly evaluated the subject area explored in their study. In order to express attitude, the authors used a whole range of lexical items represented by adjectives, nouns, adverbs, and verbs. The study found that while engineering writers preferred adjectives and nouns, lawyers exploited the evaluative potential of adjectives and adverbs. The analysis of similarities and differences in the use of attitude markers in the research articles in the two fields of knowledge presented in the article can be used in teaching academic writing. The results can also serve as a guideline for novice writers making their first attempts to produce academic texts in compliance with the disciplinary-specific norms of academic writing.

Keywords: metadiscourse, author-reader interaction, interactional metadiscourse, attitude markers, academic writing, research article

For citation: Boginskaya O.A., Kachkov N.V., Petrov A.S. Assessment category in academic writing: a interdisciplinary analysis, *Linguistics & education*, 2025. – Vol. 5 – No. 2. – Pp. 19-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-19-30>

Введение

Использование метадискурсивных элементов, таких как оценочные суждения и средства усиления или смягчения категоричности, позволяет читателю верно интерпретировать намерения автора и его точку зрения. Данные элементы способствуют вовлечению читателя в диалог с автором, стимулируют мышление и критическое осмысление информации, играя ключевую роль во взаимодействии участников академического дискурса. Интеракционный аспект научной коммуникации привлекает внимание исследователей уже на протяжении нескольких десятилетий. Изучается широкий спектр академических дискурсивных практик с целью выявления языковых средств и дискурсивных стратегий взаимодействия автора и читателя, способствующих повышению эффективности коммуникации и достижению прагматического эффекта речи. Основываясь на определении академического дискурса как о социальной и коммуникативной интеракции, проводятся исследования различных жанров академического письма, указывающих на его межличностный характер [1; 2; 3]. В них подчёркивается, что следы взаимодействия с читателем можно найти на

протяжении всего научного текста: автор вводит читателя в тему исследования, сообщает об авторских интенциях, представляет полученные результаты, обосновывает их валидность, указывает на ограничения, с которыми пришлось столкнуться, предвидит возражения со стороны читательской аудитории, несогласие с представленным подходом, предлагает потенциальные направления для будущих работ.

Данный аспект академического дискурса изучается главным образом в рамках метадискурсивного анализа. Роль метадискурса в процессе установления и поддержания эффективных отношений автора и читателя признается большинством исследователей [2; 4] и изучается в целом ряде работ [5; 1; 6; 7] преимущественно на материале научных статей, как в межкультурной, так и в междисциплинарной перспективе.

В настоящей статье изложены результаты исследования разновидностей и частотности маркеров оценки в научных статьях российских авторов, представляющих технические и юридические науки. Цель работы – сравнить предпочтения в использовании маркеров оценки исследователями-инженерами и исследователями-правоведами и определить их частотность в каждой из групп. Кроме того, ставится задача выявить наиболее частотные лексико-грамматические категории, используемые авторами для вербализации оценочного отношения в академическом дискурсе и показать возможность применения опыта метадискурсивного анализа в процессе исследования категории оценки в жанре научной статьи с использованием количественного и интерпретативного методов.

Материалом исследования послужили 24 научные статьи по техническим наукам и 24 научные статьи по юридическим наукам, опубликованные в 2022-2024 гг. на официальных вебсайтах российских научных журналов, входящих в перечень ВАК Минобрнауки РФ. Ниже приведен перечень данных журналов: *IPolytech* (8 статей), *Вестник ТГУ. Управление. Вычислительная техника и информатика* (8 статей), *Металлург* (8 статей), *Журнал конституционного правосудия* (8 статей), *Актуальные*

проблемы российского права (8 статей), *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия право* (8 статей).

48 научных статей были отобраны методом сплошной выборки из выпусков данных журналов и распределены по двум корпусам: K1 – корпус статей по техническим наукам; K2 – корпус статей по юридическим наукам. Количество слов в каждом корпусе составило 63 676 и 72 243 соответственно.

Основная часть

Всякий дискурс есть не только набор пропозиций, но и среда взаимодействия с характерной для нее динамикой межличностных отношений. Он всегда вплетен в сложную ткань отношений между участниками. Каждая фраза, каждое слово несут в себе не только информацию, но и выражают отношение говорящего к слушающему, статус и цели говорящего. Подход, определяющий дискурс как среду для взаимодействия между говорящим и слушающим, дает возможность исследовать не только эксплицитное содержание высказываний, но и отношения между участниками, их намерения и коммуникативные цели. Данный аспект дискурсивных практик получил название метадискурса.

Хотя термин «метадискурс» был введен в научный оборот еще в 1959 году З.С. Харрисом, внимание лингвистов он привлек лишь в 1980-х годах. Ранние трактовки метадискурса были довольно расплывчатыми или узкими. Метадискурс трактовался как дискурс о дискурсе [2], либо как совокупность приемов текстовой организации [8]. Более емкую дефиницию предложили К. Хайленд и П. Це, которые определили метадискурс как приемы, используемые авторами для организации текста, привлечения внимания читателя и выражения отношения к содержанию высказываний и к адресату [9]. Данный подход охватывает текстовые и межличностные аспекты дискурсивной деятельности.

К. Хайленд выделил две группы метадискурсивных средств: интерактивные и интеракциональные [10]. Интерактивные средства

выполняют функцию коннекторов, связывая высказывания в логически выстроенный текст и помогая адресату ориентироваться в нем, а интеракционные средства позволяют сконструировать эффективный диалог с адресатом и эксплицировать отношение автора к пропозиции. К интеракционным маркерам К. Хайленд отнес хеджи – лексические средства, смягчающие иллокутивную силу высказывания с целью уменьшения нежелательных эффектов коммуникативного поведения говорящего и обеспечения успешности коммуникации; бустеры – лексические средства, способствующие увеличению иллокутивной силы высказывания, эксплицируя уверенность говорящего/пишущего в истинности выдвигаемых положений; маркеры оценки, эксплицирующие аффективное состояние говорящего/пишущего; маркеры самореференции, обозначающие присутствие говорящего в дискурсе; маркеры взаимодействия, используемые для вовлечения адресата в диалог.

Остановимся более подробно на маркерах оценки, которые являются объектом настоящего исследования. Согласно определению К. Хайленда и П. Це, маркеры оценки представляют собой интеракционные средства, указывающие на аффективное отношение автора к пропозициональному содержанию [8]. Другими словами, автор использует маркеры оценки, чтобы привлечь внимание читателя и выразить отношение к тому или иному аспекту своего исследования. Помимо конструирования эффективного диалога с читателем, маркеры оценки также помогают автору поместить свое исследование в контекст предметной области и сравнить с предыдущими исследованиями, продемонстрировав тем самым его научную значимость и новизну.

Вслед за П. Тетела в данной работе маркеры оценки будут рассмотрены в рамках двух категорий – маркеры оценки исследования (МОИ) и маркеры оценки предмета исследования (МОПИ) [11]. Оценка, ориентированная на исследование, напрямую связана с исследовательской работой, ее целью и результатами, либо результатами, полученными в предыдущих

исследованиях. Маркеры оценки, ориентированные на предмет, связаны с областью, описанной в исследовательской работе, используются для выражения отношения к своему исследованию [там же]. Другими словами, данная классификация отражает разницу между автором, «наблюдающим исследование», и автором, «наблюдающим мир».

Типы и частотность маркеров оценки, обнаруженных в корпусе научных статей, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Типы и частотность маркеров оценки

Типы маркеров	К1		К2	
	Исходные данные	На 1000 слов	Исходные данные	На 1000 слов
МОИ	163	2.6	177	2.5
МОПИ	112	1.8	309	4.3
Всего	275	4.4	496	6.8

Как видно из таблицы, исходные и нормализованные данные существенно различаются в анализируемых корпусах. Если в технических статьях было обнаружено 275 маркеров оценки, то в корпусе юридических текстов их было почти в два раза больше – 496. Представители технических наук наиболее часто оценивали собственное или предыдущие исследования, в то время как юристы использовали данные маркеры для оценки предметной области.

Ниже приведены результаты анализа наиболее частотных лексико-грамматических категорий оценки в технических и юридических текстах. Как показано в Таблице 2, чаще всего с этой целью используются прилагательные, за которыми следуют наречия в К2 и существительные в К1.

Таблица 2. Лексико-грамматические категории оценки и их частотность в корпусе текстов

Лексико-грамматические категории	К1		К2	
	Исходные данные	На 1000 слов	Исходные данные	На 1000 слов
Прилагательные	102	2.5	213	2.9
Наречия	56	0.9	117	1.6
Существительные	72	1.1	98	1.4
Глаголы	45	0.7	68	0.9

Ниже рассмотрим примеры из корпуса, которые иллюстрируют использование маркеров оценки собственного или предыдущих исследований и предметной области.

Проведенный анализ позволил установить, что преобладающей функцией прилагательных в К1 являлось описание аспектов, связанных непосредственно с осуществляемым исследованием и полученными результатами, тогда как в корпусе К2 прилагательные преимущественно характеризовали особенности исследуемой предметной области. Приведем пример: *С помощью нее возможно производить выбор не только материала для изготовления изделий, но и **оптимальный** выбор инструментального материала для обработки композиционных материалов (К1)*. С помощью прилагательного «оптимальный» авторы описывают те результаты, которые можно получить с применением предложенной ими методики. В следующем высказывании выделенные прилагательные позволяют охарактеризовать уже не собственное исследование авторов, а предыдущие исследования: ***Глубокое многолетнее** изучение применяемых в российских распределительных сетях трансформаторов со схемой Y/Un проводится в работах [10, 11] ... (К1)*.

Ниже приведен пример, в котором прилагательные служат для описания предметной области: *Целью исследования является анализ развития современного конституционализма как **ведущей** формы политико-правового развития современного государства (К2)*. В данном примере прилагательное «ведущий» используется для описания конституционализма и его форм.

Из четырех лексико-грамматических категорий **существительные** занимают второе место по частоте встречаемости в К1 и третье в К2. При этом в К2 их нормализованная частотность существенно выше, чем в К1.

Наиболее частотными существительными в обоих корпусах оказались «интерес», «важность» и «сложность». В большинстве случаев они относятся к группе маркеров «оценки исследования собственного, предыдущих или будущих»: *Поэтому разработка алгоритма и программного обеспечения для*

*расчета оптимальных концентраций реагентов является актуальной задачей и представляет научный **интерес** (К1). Современный подход к методам машинного обучения определяется парадигмой «модель плюс данные», для него и модель, и данные обладают одинаковой **важностью** (К1).*

В следующем примере из корпуса технических статей существительное «несбалансированность» относится к характеристике предмета исследования – сетей напряжения: *Для учета влияния **несбалансированности** нагрузок в сети низкого напряжения на потокораспределение в сети среднего напряжения использовалось приведение трехфазных трехпроводных линий к однолинейному представлению (К1).*

Отметим, что в ходе анализа были выявлены и существительные, характеризующие эмоциональное отношение авторов к результатам предыдущих исследований: *Вместе с тем развитая система правового регулирования, наличие льгот и преференций, широкий спектр механизмов поддержки, к **сожалению**, так и не дали того результата, на который изначально ориентировались законодатели и бизнес-сообщество (К2).* Существительное «сожаление» вносит определенную эмоциональную окраску в текст. Оно передает чувство *разочарования* и *неудовлетворенности* по поводу сложившейся ситуации, указывает на *отклонение от ожидаемого результата* и на *несоответствие* между замыслом и реальностью. Эта эмоциональная составляющая усиливает воздействие текста на читателя и делает его более убедительным, указывая на способность автора к объективной оценке собственного результата.

Незначительное число существительных (22% в К1 и 31% в К2) использовалось для выражения оценочного отношения к предметной области: *За последние годы мошенничество в области потребительского кредитования в России стало **проблемой** поистине **общенационального** масштаба (К2).*

Здесь видим два маркера оценки – существительное «проблема» и прилагательное «общенациональный». При этом иллокутивная сила второго маркера усилена наречием «поистине».

По частотности использования **наречия** занимают второе место в корпусе юридических статей и третье место в корпусе технических текстов. Большая часть наречий и в том, и в другом корпусах служила для выражения отношения к собственному исследованию авторов: *Данные, поступающие от источников, часто представляют **трудно** разделимые последовательности (К1). Во-первых, обычно частота появления объектов наблюдения в сегментах может **существенно** изменяться (К1).*

Доля наречий в выражении оценки предметной области была крайне мала: *Злоумышленники начали более **активно** задействовать мобильные телефонные номера (DEF-нумерация) (К2).*

Наречия «важно» и «существенно» оказались наиболее частотными в корпусе как юридических, так и технических текстов.

Глаголы, по результатам количественного анализа, оказались наименее частотной лексико-грамматической категорией. Реже они встречались в технических статьях. Было установлено, что данная категория чаще встречалась среди маркеров оценки предметной области в К2 и для оценки собственных результатов исследования в К1. Приведем пример: *Авторы также приводят обоснование того, что санкции, установленные за дачу ложных показаний, не **способствуют** обеспечению эффективной защиты охраняемых отношений (К2).* Глагол «способствовать» выражает оценку предметной области – роли санкций в защите охраняемых отношений. В данном контексте он не является нейтральным, предполагая анализ степени влияния одного явления (санкции) на другое (защита охраняемых отношений). Авторы оценивают, насколько хорошо санкции справляются со своей задачей.

Заключение

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о различиях в использовании маркеров оценки представителями технических и юридических наук. В юридических статьях было обнаружено значительно больше маркеров оценки, чем в технических текстах: 496 vs 275. Представители технических наук наиболее часто оценивали собственное или предыдущие исследования, в то время как авторы-правоведы посредством оценочных маркеров выражали аффективное отношение к предметной области. Это может быть обусловлено прагматичной ориентацией инженерных исследований на создание конкретных решений и необходимостью демонстрации их эффективности. Юристы, напротив, чаще оценивают предметную область в связи с интерпретационным характером юридической науки и ее тесной связью с ценностными ориентирами общества.

Что касается частотности лексико-грамматических категорий, участвующих в вербализации оценки, было установлено, что представители технических наук отдавали предпочтение прилагательным и существительным, а юристы – прилагательным и наречиям. Предпочтение, отдаваемое инженерами прилагательным и существительным, отражает потребность в точном описании физических свойств и характеристик объектов. Более частое использование наречий юристами предположительно связано с необходимостью уточнения условий и обстоятельств, а также выражения степени уверенности в утверждениях.

Таким образом, использование оценочных маркеров в академическом дискурсе является не просто стилистическим приемом, а ключевым индикатором прагматической компетентности автора и фундаментом для эффективного взаимодействия с читателем. Эффективное применение этих маркеров позволяет автору не только четко обозначить свою позицию по отношению к представляемой информации, но и создать прочную основу для взаимопонимания. Читатель, благодаря оценочным маркерам, легче

распознает намерения автора и лучше понимает логику его аргументации. Таким образом, оценочные маркеры являются важным инструментом для формирования доверия к автору и повышения восприятия ценности его исследования.

В качестве направления для дальнейших исследований предлагается провести сравнительный анализ более широкого спектра метадискурсивных маркеров в различных жанрах академического письма, а также рассмотреть примеры из других научных дисциплин, чтобы получить более полное представление о роли маркеров оценки в академическом дискурсе в целом.

© Богинская О.А., Качков Н.В., Петров А.С., 2025

Список источников

1. Boginskaya O. Functional categories of hedges: A diachronic study of Russian-medium research article abstracts / O. Boginskaya // *Russian Journal of Linguistics*. – 2022. – Vol. 26(3). – Pp. 645-667.
2. Hyland K. Persuasion and context: The pragmatics of academic metadiscourse / K. Hyland // *Journal of Pragmatics*. – 1998. – Vol. 30. – Pp. 437-455.
3. Dontcheva-Navratilova O. Engaging with the reader in research articles in English: Variation across disciplines and linguacultural backgrounds / O. Dontcheva-Navratilova // *English for Specific Purposes*. – 2021. – Vol. 63(4). – Pp. 18-32.
4. Vande Kopple W. Some exploratory discourse on metadiscourse / W. Vande Kopple // *College Composition and Communication*. – 1985. – Vol. 36(1). – Pp. 82-93.
5. Богинская О.А. Метадискурсивный анализ новогодних обращений президента России / О.А. Богинская // *Crede experto: транспорт, общество, образование, язык*. – 2023. – Том 1. – С. 166-181.
6. Dontcheva-Navratilova O. Cross-Cultural Variation in the Use of Hedges and Boosters in Academic Discourse / O. Dontcheva-Navratilova // *Prague Journal of English Studies*. – 2016. – Vol. 5(1). – Pp. 163-184.
7. Takimoto M. A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles / M. Takimoto // *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. – 2015. – Vol. 5(1). – Pp. 95-105.
8. Mauranen A. Contrastive ESP rhetoric: Metatext in Finnish-English economics texts / A. Mauranen // *English for Specific Purposes*. – 1993. – Vol. 12. – Pp. 3-22.
9. Hyland K., Tse P. Metadiscourse in Academic Writing: A Reappraisal / K. Hyland, P. Tse // *Applied Linguistics*. – 2004. – Vol. 25(2). – Pp. 156-177.
10. Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing* / K. Hyland. – London, UK: Continuum, 2005. – 230 p.
11. Thetela P. Evaluated entities and parameters of value in academic research articles / S. Theleta // *English for Specific Purposes*. – 1997. – Vol. 16(2). – Pp. 101-118.

References

1. Boginskaya O. Functional categories of hedges: A diachronic study of Russian-medium research article abstracts. *Russian Journal of Linguistics*, 2022. – Vol. 26. – No. 3. – Pp. 645-667.
2. Hyland K. Persuasion and context: The pragmatics of academic metadiscourse. *Journal*

of Pragmatics, 1998. – Vol. 30. – Pp. 437-455.

3. Dontcheva-Navratilova O. Engaging with the reader in research articles in English: Variation across disciplines and linguacultural backgrounds. *English for Specific Purposes*, 2021. – Vol. 63. – No. 4. – Pp. 18-32.

4. Vande Kopple W. Some exploratory discourse on metadiscourse // *College Composition and Communication*, 1985. – Vol. 36. – No. 1. – Pp. 82-93.

5. Boginskaya O.A. Metadiscourse analysis of New Year addresses of the Russian President. *Crede experto: transport, society, education, language*, 2023. – No. 1. – Pp. 166-181.

6. Dontcheva-Navratilova O. Cross-Cultural Variation in the Use of Hedges and Boosters in Academic Discourse. *Prague Journal of English Studies*, 2016. – Vol. 5. – No. 1. – Pp. 163-184.

7. Takimoto M. A Corpus-Based Analysis of Hedges and Boosters in English Academic Articles. *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 2015. – Vol. 5. – No. 1. – Pp. 95-105.

8. Mauranen A. Contrastive ESP rhetoric: Metatext in Finnish-English economics texts. *English for Specific Purposes*, 1993. – Vol. 12. – Pp. 3-22.

9. Hyland K., Tse P. Metadiscourse in Academic Writing: A Reappraisal. *Applied Linguistics*, 2004. – Vol. 25. – No. 2. – Pp. 156-177.

10. Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. – London, UK: Continuum, 2005. – 230 p.

11. Thetela P. Evaluated entities and parameters of value in academic research articles. *English for Specific Purposes*, 1997. – Vol. 16. – No. 2. – Pp. 101–118.

**Богинская
Ольга Александровна**

доктор филологических наук, профессор, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия
olgaa_boginskaya@mail.ru

**Boginskaya
Olga Aleksandrovna**

doctor of philology, professor, Irkutsk national research technical university, Irkutsk, Russia
olgaa_boginskaya@mail.ru

**Качков
Никита Владимирович**

магистрант 1-го года, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
nktkachkov@gmail.com

**Kachkov
Nikita Vladimirovich**

1st year master's student Baikal state university, Irkutsk, Russia
nktkachkov@gmail.com

**Петров
Алексей Сергеевич**

магистрант 2-го года, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия
practicum2013@mail.ru

**Petrov
Aleksey Sergeevich**

2nd year master's student, Irkutsk national research technical university, Irkutsk, Russia
practicum2013@mail.ru

Научная статья

УДК 81.42:34.02+37

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-31-47> (английский)

ЮЖНОАФРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ИНДИЙЦЕВ: МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ МАНИФЕСТАЦИИ

Эмилия Александровна Бочарова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород,
Россия

bocharova_e@bsuedu.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию особенностей морфологии в речи индийцев, говорящих на южноафриканском варианте английского языка. В работе пристальное внимание уделено изучению морфологических манифестаций на материале самостоятельных и служебных частей речи. В статье приведены примеры, наблюдаемые в неформальной обстановке. Морфологические манифестации в южноафриканском варианте английского языка индийцев обусловлены влиянием со стороны родных индийских языков. Было выявлено, что к наиболее частотным типам морфологического варьирования принадлежат употребление имен собственных в форме притяжательного падежа, одинаковый способ формирования многосложных и односложных прилагательных, несоблюдение правил согласования времен у глагола, отсутствие предлогов, некоторых артиклей и специфические формы местоимений.

Ключевые слова: южноафриканский вариант английского языка, ЮАР, грамматика, морфология, манифестации, морфологические трансформации

Для цитирования: Бочарова Э.А. Южноафриканский вариант английского языка индийцев: морфологические манифестации // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – №2. – С. 31-47. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-31-47>

Original article

THE SOUTH AFRICAN VERSION OF INDIAN ENGLISH: MORPHOLOGICAL MANIFESTATIONS

Jemilija A. Bocharova

Belgorod state national research university, Belgorod, Russia

bocharova_e@bsuedu.ru

Abstract. This article is devoted to the study of morphological features in the speech of Indians speaking the South African version of English. In the work, close attention is paid to the study of morphological manifestations based on the material of independent and official parts of speech. The article provides examples observed in an informal setting. Morphological manifestations in the South African version of Indian English are due to the influence of native Indian languages. It was revealed that the most frequent types of morphological variation include: the transformation of the case into possessive proper names, the same way of forming polysyllabic and monosyllabic adjectives, non-compliance with the rules of tense coordination in the verb, the absence of prepositions, some articles and specific forms of pronouns.

Keywords: South African English, South Africa, grammar, morphology, manifestations, morphological transformations

For citation: Bocharova Je.A. The South African version of Indian English: morphological

В настоящее время вопросы взаимодействия языков и культур не теряют своей значимости. «Английский ... проник во все лингвистические и культурные традиции и языки мира, влияя на их развитие и территориальные, экономические, социальные и политические возможности» [1, с. 25]. Актуальность настоящей работы определяется необходимостью анализа специфики вариантов английского языка, функционирующих в мировом сообществе, для определения их универсальных и уникальных признаков.

Целью статьи является выявление морфологических особенностей южноафриканского варианта английского языка такой части населения как индийцы. Индийская часть южноафриканского общества не является исконно автохтонной организацией, однако индийцы представляет собой важную основу современного южноафриканского общества, что требует изучения специфики южноафриканского варианта английского языка индийцев (далее ЮАВАЯИ).

Английский язык индийцев южноафриканской части населения в его морфологической системе приближен к норме – британскому английскому языку. «Английский язык пользуется высоким авторитетом среди образованных» [2, с. 148]. Отклонения от нормы продиктованы влиянием коренных индийских языков. Специфика морфологического варьирования, как и в предыдущем случае, будет рассмотрена нами с точки зрения особенностей самостоятельных и служебных частей речи.

Морфологическое варьирование самостоятельных частей речи ЮАВАЯИ

К особенностям морфологического варьирования самостоятельных частей речи ЮАВАЯИ относятся:

Существительное.

Употребление имен собственных в форме притяжательного падежа относительно совершаемых ими действий, например:

«*You can't beat Vijay's-planted tomatoes. They are best*» [3]. – *Вы не сможете превзойти помидоры, которые посадил Виджай. Они – самые лучшие.*

В приведенном примере речь идет о помидорах, которые посадил Виджай, что выражено в словосочетании *Vijay's-planted tomatoes* – помидоры, посаженные Виджаем. Однако в данном случае речь идет не о вещи, которая принадлежит герою, а о действии, которое было осуществлено Виджаем, поэтому корректным будет следующий вариант: *You can't beat the tomatoes planted by Vijay*.

«*That Neela's-knitted jersey is gone white*» [4]. – *Эта трикотажная майка Нилы стала белой.*

В этом примере говорится о майке, которую сшила Нила. Для указания на тот факт, что девушка сшила себе одежду сама, используется существительное в форме притяжательного падежа – *Neela's-knitted jersey* – майка, сшитая Нилой. Но в данном случае говорится не о принадлежности самой вещи главной героини, а о факте изготовления одежды, соответственно, корректным будет использовать следующую форму: *That jersey knitted by Neela/that Neela knitted is gone white*.

Такие особенности употребления существительного характерны в большей степени для зрелых представителей индийской части населения ЮАР. Некорректное употребление формы имени существительного во множественном числе:

«*Family has many childrens, all girls*» [5, p. 130]. – *В этой семье много детей и все из них – девочки.*

«В этом примере форма существительного в форме множественного числа *childrens* – *дету* не соответствует правилам британского английского языка» [6, с. 143]. Такое варьирование наблюдается в речи неграмотных индийцев среднего и зрелого возрастов.

Местоимение.

Функционирование относительных местоимений *that, which, who* – *кто*, *который* с одушевленными и неодушевленными существительными, например:

But the kind of boodle who I'm earning is grand! – *Но деньги, которые я здесь зарабатываю, – весьма внушительная сумма!*

В этом предложении употребляется относительное местоимение *who* – *который* применительно к существительному *money* – *деньги*. Согласно грамматическим правилам британского английского языка, с неодушевленными существительными должно употребляться местоимение *which* или *that*: *But the kind of boodle (that) I'm earning is grand!*

«*The neighbour which is living next to us is a dude*» [7]. – *Сосед, который живет напротив нас, – настоящий пизжон!*

В приведенном примере функционирует относительное местоимение *which* – *который*. Это местоимение употребляется как определитель одушевленного существительного *neighbour* – *сосед*, что противоречит британскому английскому языку: с одушевленными существительными употребляется относительное местоимение *who* – *который*.

Относительное местоимение *who* – *который* часто опускается в речи, например:

«*We talking about my friend lives down there*» [8, с. 12]. – *Мы обсуждаем нашего друга, который живет здесь рядом.*

В рассматриваемом примере опускается местоимение *who* – *который*, выполняющее роль связующего звена между двумя частями предложения. Морфологическое варьирование относительных местоимений встречается в большей степени в неформальной коммуникации малообразованных индийцев, проживающих на территории ЮАР, о чем также свидетельствуют и другие ошибки в приведенных примерах: *is living* вместо *lives*; *We talking* вместо *We are talking*.

Добавление местоимения *them* – *им* к имени собственному в значении выполнения действия всеми членами семьи или принадлежности чего-то всей семье, например:

«*Johnny-them going way tomorrow*» [9]. – *Джонни и вся семья уезжают завтра.*

В этом предложении в качестве подлежащего выступает существительное *Johnny-them* – *Джонни и вся семья*, которое образовано путем сложения существительного *Johnny* – *Джонни* и местоимения *them* – *им*, такая особенность характерна исключительно для ЮАВАЯИ. В британском английском языке предложение подобного рода соответствует форме *Johnny and family are moving tomorrow*.

«*I saw Saras-them's cat byth eroad*» [10, с. 13]. – *Я видел кошку семьи Сары у дороги.*

Как и в предыдущем случае, мы наблюдаем варьирование местоимения *them* – *им*, которое присоединяется к имени собственному *Saras* – *Сара* и функционирует в форме притяжательного падежа. Такое сочетание употребляется в значении принадлежности объекта ко всей семье – *Saras-them's cat* – *кошка семьи Сары*.

Варьирование подобного рода встречается в речи неграмотных индийцев среднего и зрелого возрастов в неформальной коммуникации.

Использование специфических форм местоимений: *y'all* – *you all* – *все вы*, *daffale* – *that fellow*, *he* – *он*, например:

«*Is that yall's car?*» [11, с. 697]. – *Это ваша общая машина?*

В этой вопросительной реплике функционирует конструкция *y'all* в значении *ваш, совместный*. Герой хочет узнать является ли машина общей для всей семьи.

«*Daffale said I must come today*» [8, с. 1427]. – *Он сказал, что мне нужно прийти сегодня.*

Начальную позицию в предложении занимает местоимение *Daffale* – *он*, которое характерно исключительно для ЮАВАЯИ.

Функционирование местоимений *y'all – youall – все вы, daffale – that fellow, he – он* характерно для речи неграмотных индийцев среднего и пожилого возрастов и встречается в неформальном общении.

Прилагательное.

Несоблюдение правил порядка прилагательных в предложении, например:

«*Go to the market and buy some orange, round, small star apples*» [12, с. 114]. – *Иди на рынок и купи немного оранжевых, круглых, маленьких звездных яблок (особый африканский фрукт).*

В приведенном примере наблюдается варьирование относительно порядка употребления прилагательных, определяющих специфику существительного *star apples – звездные яблоки*. Для иерархии прилагательных в британском английском языке характерна следующая последовательность: количество, качество или мнение, размер, возраст, форма, цвет предмета, соответственно, цепочка прилагательных будет иметь следующий порядок: ... *some, small, round, orange star apples* – ... *немного маленьких, круглых, оранжевых звездных яблок*.

Варьирование подобного рода встречается в устной и письменной речи индийских коммуникантов всех возрастных групп.

Некорректное образование форм степеней сравнения прилагательных: «*This seeds are more worse, they are of most worst*» [9 p. 350] – *Эти семена намного хуже, это – самые плохие семена.*

«В этом предложении наблюдается отклонение от нормы – британского английского языка при формировании прилагательного *bad – плохой*, которое, согласно правилам, имеет форму *worse – хуже* в сравнительной степени и форму *the worst – наихудший, самый плохой* в превосходной степени. В приведенном примере функционируют формы *more worse – хуже* и *most worst – самый плохой*, так как многие индийцы, проживающие в ЮАР, формируют степени сравнения прилагательных по аналогии с наречиями» [6].

Варьирование подобного рода встречается в речи недостаточно образованных индийцев среднего и зрелого возрастов.

Наречие.

К морфологическому варьированию наречий в ЮАВАЯИ относится образование отрицания в предложении при помощи наречия *never* – *никогда*:

«*I never go there to find out what was happening*» [13, p. 217] – *Я не ходил туда, чтоб выяснить подробности происходящего.*

В приведенном примере наречие *never* – *никогда* выполняет функцию отрицания. Такая особенность является характерной чертой для устной и письменной коммуникации индийцев всех возрастов, проживающих в ЮАР.

Также к перечню морфологического варьирования наречий в речи индийцев, проживающих на территории ЮАР, относится многократное повторение наречия *too* – *слишком* в значении *both* – *оба, как... так и ...*, например:

«*I made rice too, I made rotitoo*» [14, p. 50]. – *Я приготовил как рис, так и лепешку.*

В данном предложении наречие *too* употребляется два раза как показатель выполнения двух действий (приготовления двух блюд: ... *rice too, ...rotitoo*). Для британского английского языка в данном случае корректно употребление числительного *both* – *оба*: *I made both rice and roti*.

Глагол.

Отсутствие глагола *to be* – *быть* в повествовательном и вопросительном предложениях, например:

«*They doctors. They are working in local hospital*» [15]. – *Они – врачи. Они работают в местной клинике.*

В первой реплике приведенного примера отсутствует форма настоящего времени глагола *to be* – *are*, что с точки зрения правил грамматики британского английского языка является недопустимым.

«*What Dan age? He seem too young!*» [16]. – *Сколько лет Дэну? Кажется, что он очень молод.*

В этом примере начальная реплика представляет собой вопросительную конструкцию, в которой отсутствует форма настоящего времени глагола *to be – is*.

Отсутствие глагола *to be – быть* в повествовательных и вопросительных предложениях в речи характерно для малообразованных индийцев, проживающих на территории ЮАР.

Функционирование форм глагола настоящего длительного времени (Present Continuous) как для действий, которые регулярно происходят в настоящем, так и для событий, которые произошли в прошлом, например:

«Five years gone. I'm suffering here now as I am still loving her as much as in the past, when the pain is getting me mad» [17, p. 12]. – *Прошло пять лет. А я до сих пор страдаю, люблю ее также сильно, как и в прошлом, когда эта боль сводила меня с ума.*

Второе предложение анализируемого высказывания содержит в своем составе глаголы *to suffer – страдать* и *to love – любить* в форме Continuous – *am suffering, am loving*. Согласно грамматическим правилам британского английского языка в данном случае глаголы должны иметь форму простого настоящего времени (Present Simple) – *I suffer...I love....* В финальной части высказывания выражение *...when the pain is getting me mad – когда боль сводила меня с ума* содержит глагол также в форме настоящего длительного времени (Present Continuous). Следует отметить, «в данном примере речь идет о событии, которое произошло в прошлом, соответственно, необходимо употребить форму прошедшего длительного времени (Past Continuous) – *was getting»* [6].

Часто форма глагола в настоящем длительном времени (Present Continuous) используется вместо формы настоящего длительного совершенного действия (Present Perfect Continuous), например:

«I'm staying this house seven years» [18, p. 219]. – *Я живу в этом доме на протяжении семи лет.*

Согласно грамматическим правилам британского английского языка в данном случае корректным будет применение формы глагола Present Perfect Continuous – *I've been staying in this house for seven years*, так как процесс проживания в доме продолжается уже долгий промежуток времени.

Превалирование форм глагола настоящего длительного времени свойственно как для устной, так и для письменной коммуникации индийцев всех возрастных групп и объясняется влиянием родных языков.

Использование формы глагола простого прошедшего времени (Past Simple) вместо настоящего совершенного (Present Perfect), например:

«I just came from Deli. Now I am missing my relatives» [17, p. 14]. – *Я только что вернулся из Дели. Теперь я скучаю по своим родственникам.*

Первая реплика приведенного примера содержит в своем составе глагольную форму *came* – *приехал* (Past Simple), хотя, следуя грамматическим правилам британского английского языка, необходимо употребить форму *have come* (Present Perfect), так как подчеркивается завершенность действия, о чем также свидетельствует грамматический маркер *just* – *только что*.

Опущение вспомогательных глаголов в вопросительных предложениях:

«You finished eating? When we go to the cinema?» [18, p. 50]. – *Ты закончил есть? Когда мы пойдём в кино?*

Анализируемый пример содержит две вопросительные конструкции. Первая вопросительная конструкция представляет собой общий вопрос, в котором отсутствует вспомогательный глагол *did* в начале конструкции. Вторая вопросительная реплика в форме специального вопроса, так же, как и в предыдущем случае, не соответствует норме – британскому английскому языку, так как в ней нет вспомогательного глагола будущего времени – *will*.

Варьирование такого рода характерно для индийцев всех возрастных групп, проживающих на территории ЮАР, и продиктовано влиянием автохтонных языков, для которых несвойственно функционирование вспомогательных глаголов.

Несоблюдение правил согласования времен при переводе из прямой речи в косвенную, например:

«*He said he'll do it. He stressed he already did a part of work*» [9 p. 34]. – Он сказал, что сделает это. Он подчеркнул, что уже сделал половину работы.

Пример представляет собой две реплики, в каждой из которых наблюдается несоответствие правилу перевода предложений из прямой речи в косвенную. С точки зрения правил грамматики британского английского языка корректным вариантом будет следующий: *He said he'd do it. He stressed he had already done a part of work.*

Варьирование такого рода характерно для устной формы неформального общения индийцев, проживающих в ЮАР.

Модальные глаголы.

Специфической особенностью ЮАВАЯИ является функционирование модального глагола *should* – следовало бы в значении привычного действия в прошлом (аналог в британском английском языке *used to do something* – иметь привычку делать что-то в прошлом), например:

«*We should fight! We should go on strikes!*» [20, URL]. – Мы постоянно боролись (за свои права)! Мы постоянно устраивали забастовки!

В данном примере модальный глагол *should* имеет значение выполнения регулярных действий в прошлом: *should fight* – постоянно боролись (в первой реплике) и *should go on strikes* – регулярно бастовали (во второй реплике).

Наблюдается замена модального глагола *shall* – может, должен на *will* – непременно должен сделать что-то в повествовательных, вопросительных и отрицательных предложениях в речи образованных индийцев и опущение модального глагола *shall* в предложениях всех типов в речи необразованных индийцев, проживающих в ЮАР, например:

«*When will we start our meeting tomorrow?*» [5, p. 140]. – В какое время мы можем начать нашу встречу завтра?

Пример представляет собой вопросительную конструкцию, в которой употребляется модальный глагол *will*. В аналогичной ситуации британец использовал бы модальный глагол *shall*, так как коммуникант хочет уточнить время встречи.

В речи малообразованных индийцев модальный глагол *will* опускается, например:

«*You is hungry. I bring some food?*» [3]. – Ты голоден. Принести что-то поесть?

Во второй реплике данного примера вопросительная конструкция не содержит модальный глагол *shall*, необходимый согласно грамматическим правилам британского английского языка. Трансформации подобного рода характерны для устной коммуникации малообразованных индийцев, проживающих в ЮАР, о чем также свидетельствует еще одна ошибка в первой реплике – *You is hungry* – Ты голоден (корректным вариантом будет *You are hungry*.)

Подобные изменения происходят также и с отрицательной формой модального глагола: вместо отрицательной формы *shan't* в ЮАВАЯИ используют форму *won't*, например:

«*You won't try one more time! Enough already! You better try to leave and find new life in another town*» [9]. – Тебе не следует больше предпринимать никаких попыток! Хватит! Лучше бы тебе уехать и начать новую жизнь в другом городе.

Первая реплика приведенного примера включает отрицательную форму модального глагола – *won't* и употребляется в значении модального глагола *shan't* – не следует, не нужно. Такое варьирование встречается в устной коммуникации индийцев, проживающих на территории ЮАР, которые не имеют достаточного образования.

Функционирование модального глагола *can* – мочь в вопросительной и отрицательной форме для выражения разрешения, неуверенности

(соответствует в британском английском языке модальному глаголу *may* – *можно, вероятно*):

«*Can I come in? I sorry I late*» [4, p. 200]. – *Можно мне войти в класс? Извините за опоздание.*

Употребление модального глагола *can* в значении *разрешения осуществить действие* характерно для разговорной речи индийцев, проживающих в ЮАР.

Морфологическое варьирование служебных частей речи ЮАВАЯИ

К особенностям морфологического варьирования служебных частей речи ЮАВАЯИ относятся:

Артикль.

К морфологическому варьированию служебных частей речи в ЮАВАЯИ относится замена неопределенного артикля *a (an)* на количественное числительное *one* – *один*, например:

«*I was feeling thirsty, so I bought one soda water*» [17, p. 14]. – *Мне захотелось пить, поэтому я купил одну бутылочку газированной воды.*

В предложении перед исчисляемым существительным *soda water* – *бутылочка газированной воды* функционирует количественное числительное *one* – *один*. Для нормы в данном случае характерно употребление неопределенного артикля – *a soda water*.

Употребление количественного числительного *one* – *один* вместо неопределенного артикля *a* обусловлено в языках Индии и вызвано путаницей числительного *one* и артикля *a(n)*, который тоже используется для выражения значения единственности (наряду с неопределенностью), форма которого адаптировалась в английском языке, функционирующем на территории Индии. Далее индийцы, которые переехали в ЮАР, продолжили использовать в речи числительное *one* вместо неопределенного артикля *a*, что в дальнейшем закрепилось также и среди потомков индийцев, проживающих в ЮАР.

Такое варьирование артиклей свойственно для устной и письменной речи образованных индийцев всех возрастных групп.

Опущение неопределенного (*a, an*) и определенного (*the*) артиклей:

«*Because if they give us chance we will do our best not lose second opportunity*» [22, p. 60] – *Если они дадут нам шанс, мы сделаем все, чтоб не упустить вторую возможность (достичь успеха).*

В приведенном примере перед существительным *chance* – *шанс* отсутствует неопределенный артикль *a*, также перед порядковым числительным (*second* – *второй*), определяющим существительное *opportunity* – *возможность* отсутствует определенный артикль *the*.

Опущение определенного и неопределенного артиклей характерно для разговорной речи индийцев всех возрастов, проживающих на территории ЮАР.

Предлоги.

К морфологическому варьированию предлогов в ЮАВАЯИ относится опущение предлогов, например:

«*We have our lunch twelve o'clock-time*» [20]. – *Мы обедаем в 12 часов.*

Данный пример представляет собой случай варьирования предлогов – в предложении отсутствует предлог *at*, который употребляется как показатель время времени, когда герои обедают – *We have our lunch at twelve o'clock*.

Частицы.

В отрицательных предложениях отрицательная частица *not* – *не* функционирует как отдельная единица, например:

«*It's not rained for months*» [20]. – *Дождей не было уже несколько месяцев.*

В приведенном примере отрицательная частица *not* функционирует не в составе сокращенной отрицательной глагольной формы *hasn't* согласно нормам британского английского языка, а как самостоятельная единица.

«*You've not tried very hard but you will!*» [3, p. 175]. – *Ты не приложил максимум усилий, а следовало бы!*

В этом примере отрицательная частица *not*, как и в предыдущем случае не входит в состав сокращенной отрицательной формы, а функционирует как отдельный элемент. Такой тип морфологического варьирования является типичной чертой устной и письменной коммуникации индийцев всех возрастов, проживающих в ЮАР.

Таким образом, морфологическое варьирование ЮАВАЯ проявляется в разной степени в зависимости от его типа. К наиболее частотным типам морфологического варьирования ЮАВАЯИ принадлежат: употребление имен собственных в форме притяжательного падежа относительно совершаемых ими действий; формирование степеней сравнения односложных прилагательных по типу многосложных прилагательных; применение специфических форм местоимений *y'all – you all – все вы, daffale – that fellow, he – он*; упрощение временных форм глагола; несоблюдение правил согласования времен при переводе из прямой речи в косвенную речь; замена неопределенного артикля *a (an)* на количественное числительное *one – один*; опущение предлогов.

© Бочарова Э.А., 2025

Список источников

1. Iakovleva E.S., The relations between Chinese and English in the era of globalization. *Espacios. – Sociacion de Profesionales y Tecnicos del Conicit. – 2018. – 39 (38). – Pp. 23-28.*
2. Мустафаева А.А., Коч К.И., Яковлева Е.С. Специфика реалий в кенийском варианте английского языка // *Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – No 1. – С. 147-156.* <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-1-147-156>
3. Tosco M. The tension between language diversity and state building in Africa. *Incontri Linguistici. – 2014. – Vol. 37. – Pp. 169-180.*
4. Leech, G. *Change in contemporary English: a grammatical study. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. – 341 p.: ill. – (Studies in English language). – ISBN 978-0-5116-4221-0.*
5. Mesthrie R. *English in South Africa. English Today. – 1993. – Vol. 9. – № 1. – Pp. 27-35.*
6. Бочарова Э.А. Фонетические трансформационные процессы в речи белых и чёрных южноафриканцев. *Научная мысль Кавказа, 2024. – № 2 (118). – С. 141-146.*
7. Mnguni A. *Dreams and Realities for South Africa: use of official languages act, 2012. Studies in Media and Communication. – 2021. – Vol. 9. – № 1. – Pp. 1-8.*
8. Meier C. *The language issue in South Africa: the way forward? Mediterranean Journal of Social Sciences, 2014. – Vol. 5. – № 20. – Pp. 1424-1433.*
9. Mesthrie R. *A Dictionary of South African Indian English; ed. by L. Hiles. – Cape Town: UCT Press, 2013. – 260 p. – ISBN 978-1-9198-9536-9.*

10. Hill L. Semantic (dis)continuity and institutional transformation: the decline of Afrikaans at Stellenbosch University. *Language & Communication*, 2024. – Vol. 98. – Pp. 12-31.

11. Mafela M.J. Borrowing and dictionary compilation: the case of the indigenous South African languages. *Lexikos*, 2010. – Vol. 20. – Pp. 691-699.

12. Mashamaite K.J. The compilation of bilingual dictionaries between African languages in South Africa: the case of Northern Sotho and Tshivenda: contemplative article. *Lexikos*, 2001. – Vol. 11. – Pp. 112-121.

13. Heugh K. Multilingualism in South African education: a southern perspective. *English in multilingual South Africa: the linguistics of contact and change* ed. by R. Hickey. – Cambridge, 2020. – Pp. 216-238.

14. Hill L. Language, Ethno-nationalism and the South African university. *Modern Africa: Politics, History and Society*. – 2019. – Vol. 7. – № 1. – Pp. 41-79.

15. Van Wyk S. Die dialektiek van genre. *Journal of Literary Studies*. – 1994. – Vol. 10, № 2. – Pp. 187-195.

16. Van Wyk S. Narrating the past: reflections on recent Black Afrikaans writing. *Tydskrif vir Letterkunde*. – 2018. – Vol. 55. – № 1. – Pp. 70-80.

17. Van Rooy B. Corpus linguistic work on Black South African English: an overview of the corpus revolution and new directions in Black English syntax. *English Today*. – 2013. – Vol. 29. – № 1. – Pp. 10-15.

18. Heugh K. Multilingual education policy in South Africa constrained by theoretical and historical disconnections. *Annual Review of Applied Linguistics*. – 2013. – Vol. 33. – Pp. 215-237.

19. Wambacq P. Memory-based phoneme-to-grapheme conversion: a method for dealing with out-of-vocabulary items in speech recognition. *Computational linguistics in the Netherlands 2001: selected papers from the Twelfth CLIN Meeting Society for Computational Linguistics in the Netherlands*; eds.: M. Theune, A. Nijholt, H. Hondorp. – Amsterdam, 2002. – Pp. 47-61. – (Language and computers; vol. 45).

20. Moganedi K. Big Zulu involved in car accident, record label asks for prayers for the rapper. *SowetanLIVE: South African daily newspaper Arena Holdings (Pty) Ltd; editor-in-chief N. Makunga*. – Johannesburg, South Africa, 2025. – 27 January. – URL:www.sowetanlive.co.za/news/2025-01-27-big-zulu-involved-in-car-accident-record-label-asks-for-prayers-for-the-rapper (date of the application: 20.03.2025).

21. Van der Merwe C. Re-considering orientations in South African language policies. *Bandung*. – 2022. – Vol. 9. – Pp. 279-299.

22. Thutloa A.M. Afrikaans as an index of identity among Western Cape Coloured communities. *Stellenbosch Papers in Linguistics*. – 2011. – Vol. 40. – № 1. – Pp. 57-73.

References

1. Iakovleva E.S., The relations between Chinese and English in the era of globalization. *Espacios*. – Sociacion de Profesionales y Tecnicos del Conicit. – 2018. – 39 (38). – Pp. 23-28.

2. Mustafaeva A.A., Koch K.I., Iakovleva E.S. Spetsifika realii v keniiskom variante angliiskogo iazyka [The specifics of the realias in the Kenyan version of the English language], *Linguistics & education*, 2025. – Vol. 5 – No. 1. – Pp. 147-156. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-1-147-156>

3. Tosco M. The tension between language diversity and state building in Africa. *Incontri Linguistici*. – 2014. – Vol. 37. – Pp. 169-180.

4. Leech G. *Change in contemporary English: a grammatical study*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. – 341 p.: ill. – (Studies in English language). – ISBN 978-0-5116-4221-0.

5. Mesthrie R. English in South Africa R. Mesthrie English Today. – 1993. – Vol. 9. – № 1. – Pp. 27-35.
6. Bocharova Je.A. Foneticheskie transformacionnye processy v rechi belyh i chjornyh juzhnoafrikancev [Phonetic transformation processes in the speech of white and black South Africans]. Nauchnaja mysl' Kavkaza [Scientific thought of the Caucasus]. – 2024. – № 2 (118). – Pp. 141-146.
7. Mnguni A. Dreams and Realities for South Africa: use of official languages act, 2012. Studies in Media and Communication. – 2021. – Vol. 9. – № 1. – Pp. 1-8.
8. Meier C. The language issue in South Africa: the way forward? Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2014. – Vol. 5. – № 20. – Pp. 1424-1433.
9. Mesthrie R. A Dictionary of South African Indian English; ed. by L. Hiles. – Cape Town: UCT Press, 2013. – 260 p. – ISBN 978-1-9198-9536-9.
10. Hill L. Semantic (dis)continuity and institutional transformation: the decline of Afrikaans at Stellenbosch University. Language & Communication. – 2024. – Vol. 98. – Pp. 12-31.
11. Mafela M.J. Borrowing and dictionary compilation: the case of the indigenous South African languages. Lexikos. – 2010. – Vol. 20. – Pp. 691-699.
12. Mashamaite K.J. The compilation of bilingual dictionaries between African languages in South Africa: the case of Northern Sotho and Tshivenda: contemplative article. Lexikos. – 2001. – Vol. 11. – Pp. 112-121.
13. Heugh K. Multilingualism in South African education: a southern perspective. English in multilingual South Africa: the linguistics of contact and change ed. by R. Hickey. – Cambridge, 2020. – Pp. 216-238.
14. Hill L. Language, Ethno-nationalism and the South African university. Modern Africa: Politics, History and Society. – 2019. – Vol. 7. – № 1. – Pp. 41-79.
15. Van Wyk S. Die dialektiek van genre. Journal of Literary Studies. – 1994. – Vol. 10. – № 2. – Pp. 187-195.
16. Van Wyk S. Narrating the past: reflections on recent Black Afrikaans writing. Tydskrif vir Letterkunde. – 2018. – Vol. 55. – № 1. – Pp. 70-80.
17. Van Rooy B. Corpus linguistic work on Black South African English: an overview of the corpus revolution and new directions in Black English syntax. English Today. – 2013. – Vol. 29. – № 1. – Pp. 10-15.
18. Heugh K. Multilingual education policy in South Africa constrained by theoretical and historical disconnections. Annual Review of Applied Linguistics. – 2013. – Vol. 33. – Pp. 215-237.
19. Wambacq P. Memory-based phoneme-to-grapheme conversion: a method for dealing with out-of-vocabulary items in speech recognition P. Wambacq, B. Decadt, J. Duchateau, W. Daelemans, Computational linguistics in the Netherlands 2001: selected papers from the Twelfth CLIN Meeting Society for Computational Linguistics in the Netherlands; eds.: M. Theune, A. Nijholt, H. Hondorp. – Amsterdam, 2002. – Pp. 47-61. – (Language and computers; vol. 45).
20. Moganedi K. Big Zulu involved in car accident, record label asks for prayers for the rapper Sowetan LIVE: South African daily newspaper Arena Holdings (Pty) Ltd; editor-in-chief N. Makunga. – Johannesburg, South Africa, 2025. – 27 January. – URL: <https://www.sowetanlive.co.za/news/2025-01-27-big-zulu-involved-in-car-accident-record-label-asks-for-prayers-for-the-rapper> (date of the application: 20.03.2025).
21. Van der Merwe C. Re-considering orientations in South African language policies. Bandung. – 2022. – Vol. 9. – Pp. 279-299.
22. Thutloa A.M. Afrikaans as an index of identity among Western Cape Coloured communities. Papers in Linguistics. – 2011. – Vol. 40. – № 1. – Pp. 57-73.

**Бочарова
Эмилия Александровна**

кандидат филологических наук, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет, Белгород,
Россия
bocharova_e@bsuedu.ru

**Bocharova
Jemilija Aleksandrovna**

candidate of philology, Belgorod state national research university,
Belgorod, Russia
bocharova_e@bsuedu.ru

Научная статья
УДК 81'373.612.2

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-48-59>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная
лингвистика

АКЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Надежда Михайловна Вишнякова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

nadinvishnyakova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена одна из фундаментальных основ метафорического сходства между областью цели и областью источника – по признаку действия. Цель исследования заключается в определении мотивации и прагматических установок для создания поэтических образных конструкций, базирующихся на акциональном тождестве. Это становится возможным посредством выявления набора семантико-синтаксических связей, фиксации общих для компонентов иносказательного выражения признаков, акционального потенциала метафоризируемых пространственных объектов. Исследование было проведено на материале литературных журналов («Белая скала», «Сибирские огни», «Отчий край» и др.). В ходе работы применены метод изучения концептуальной метафоры, элементы компонентного анализа. Сделаны выводы о тесной связи онтологических категорий пространства и движения, обнаруживаемой в языке. Описаны результаты взаимодействия языка и мышления, обеспечивающие метафоризацию пространственных объектов на основе действия.

Ключевые слова: категория пространства, категория движения, поэтический язык, когнитивная метафора, олицетворение

Для цитирования: Вишнякова Н.М. Акциональная основа метафорического переноса в современном поэтическом тексте// Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – №2. – С. 48-59. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-48-59>

Original article

ACTIONAL BASIS OF METAPHORICAL TRANSFERENCE IN A MODERN POETIC TEXT

Nadezhda M. Vishnyakova

Volgograd state university, Volgograd, Russia

nadinvishnyakova@yandex.ru

Abstract. The article examines the fundamental basis of the metaphorical similarity between the target and source areas, based on action. The aim of the study is to identify the motivation and pragmatic attitudes behind the creation of figurative structures using action identity. This is achieved by identifying a range of semantic and syntactic connections, as well as common features between the components of allegorical expressions and the action potential of metaphorized spatial objects. The study was carried out on the material of literary magazines (“Belaya skala”, “Sibirskie ogni”, “Otchiy kray”, etc.). During the research, the method of conceptual metaphor and elements of component analysis were used. Conclusions are drawn regarding the close relationship between space and movement found in language, and the results of the interaction between language and thought that lead to the metaphorization of spatial

objects through action are discussed.

Keywords: category of space, category of movement, poetic language, cognitive metaphor, impersonation.

For citation: Vishnyakova N.M. Actional basis of metaphorical transference in a modern poetic text, *Linguistics & education*, 2025. – Vol. 5 – No. 2. – Pp. 48-59. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-48-59>

Введение

Сходство между источником и целью в пространственных метафорах часто обнаруживается в действии. Ввиду хроноизменчивости явлений не представляется возможным изучать пространство и время, в том числе и их отображение в языке, в отрыве от акционального кода.

Первыми на теоретическом уровне связь этих категорий с существенными расхождениями в их интерпретации начали обсуждать философы. Р. Декарт называл время совокупностью движений, которыми детерминируется структура пространства [1, с. 451]. Г. Гегель, напротив, рассматривал пространство и время как элементы движения материи [2, с. 179]. Ученые предпринимали попытки по-разному объяснить природу отношений этих фундаментальных категорий.

Следует отметить, что лингвисты, как правило, руководствуются реляционным подходом к изучению пространства, при котором на первый план выступает не четкое разграничение категорий, а их взаимосвязь. Например, О.Т. Молчанова при рассмотрении топографической лексики приходит к выводу о том, что «движение есть восприятие повторяющихся изменений пространственных отношений», наделяя и пространство, и движение признаком направленности [3]. Лингвистические работы, как правило, ориентированы на анализ лексики перемещения, преодоления пространства (глаголы движения), средств выражения пространственных отношений (см., например, [4, 6]). Нам известны, по меньшей мере, три термина, с помощью которых возможно описание взаимосвязи пространства и осуществляемого в его пределах действия – «категория движения», «категория перемещения», «категория направленности» (см. об этом: [5, с. 27-28; 7, с. 8; 8]). При этом мы не ставим перед собой цели их разграничения,

для проводимого исследования значим лишь объединяющий их признак активного / неактивного состояния, который обнаруживается в изучаемых метафорах в разных вариантах. Кроме того, как заключают Т.Н. Колосова и А.Д. Крапивка, именно сема положения в пространстве служит ключом к описанию переходов между динамикой и статикой [9, с. 103].

Акциональные признаки перемещения и изменения положения выступают универсальной основой для метафорических переносов, связывая конкретные пространственные реалии с абстрактными категориями в языке, что акцентируется в современных исследованиях направления. Так, И.А. Сафонова, характеризуя модель <движение – восприятие>, подчеркивает закономерность осмысления зрительной перцепции через призму пространственного перемещения, что обусловлено физиологией зрения и динамикой наблюдателя [10, с. 115]. Н.А. Илюхина и К.П. Баракат, изучая генезис метафоры <жизнь – движение>, демонстрируют, как глаголы движения, утрачивая прямое значение, становятся маркерами динамики жизнедеятельности, а их метонимическая основа предшествует когнитивной метафоризации [11].

Материалом настоящего исследования послужили метафорические единицы, извлеченные из поэтических текстов региональных литературных журналов «Белая скала», «Сибирские огни», «Отчий край», «Южный маяк», «Алтай», «Дон», «День и ночь», «Азь-Арт». Цель их изучения состоит в определении мотивации и прагматических установок для создания поэтических образных конструкций, базирующихся на акциональном сходстве. В ходе работы применены метод изучения концептуальной метафоры, элементы компонентного и контекстуального анализа. Приведенные в качестве примеров фрагменты поэтических текстов сохраняют орфографию и пунктуацию источников.

Обсуждение и результаты

Связь категории пространства и категории движения обнаруживается в иносказательных выражениях, когда локация (конкретный пространственный

объект) контекстуально трансформируется в осуществляющего действие субъекта. Ввиду этого нам представляется целесообразным выделение акциональной основы метафорического сходства – того подобия между обозначаемыми предметами при прямом и переносном употреблении слова, которое соотнесено с активными действиями локации, выступающей в роли субъекта, либо действиями, производимыми ею под влиянием извне. В пространственных метафорических контекстах (преимущественно в олицетворениях) это, как правило, движение (*облака плывут, солнце заблудилось, океан беснуется*) и звучание (*звонят мосты, стонет сад, песнь прибой*). Причем говорить о переносе акционального признака становится возможным даже в тех случаях, когда эксплицируется отсутствие его активного проявления – обездвиженность и молчание. Так, метафоризируемая (олицетворяемая) локация оказывается потенциально способной к говорению и движению (*лес, безмолвствуя, смотрит на это; Иркутск стоял пришибленный*).

Общей исходной метафорической моделью для пространственных выражений, в которых единицы отождествляются на акциональной основе сходства, является <пространственный объект – субъект>. Это становится возможным посредством образования:

1. Прямого отождествления локации с живым существом, что выражено соответствующими наименованиями (животных, насекомых и т. д.). Стандартную, когнитивно обусловленную ситуацию представляют случаи акционально-ориентационного сближения по поверхности, на которой субъектом осуществляется движение (*троллейбус – жук, танк – буйвол, поезда – полозы*). Более художественно насыщены образы, возникающие из несоответствия областей реально и контекстуально преодолеваемого пространства: воздушное / водное / земное (*небо плывет – скат; белкой рыжей солнце скачет; облачко – лань*).

2. Предикативных конструкций, в которых пространственный объект выступает в роли активного деятеля (*дышит ерик, Кавказ ведет рассказ,*

ходит медленно небо). Такие случаи демонстрируют наибольшую частотность.

3. Атрибутивных конструкций, в которых локация наделяется акциональным признаком, свойственным живому существу (*полнозвучный горный лес, безмолвные дома, утомленная земля, снулая страна*).

4. Конструкций, в которых локация занимает позицию объекта и одновременно находится в движении под влиянием извне (*как пасут над москвой облака олимпийские боги, сани утюжат белую скатерть землицы, лиса пугает облака*).

5. Звательных конструкций, в которых пространственный объект выступает в роли живого существа, побуждаемого к действию (*подойди ко мне, море*).

При наличии данной основы сходства с точки зрения антропоцентрической системы отсчета целесообразным будет делить пространственные объекты на:

1. Активные / потенциально активные. К ним могут относиться водные и воздушные локации.

2. Функционально активные. Те, которые созданы для передвижения, – все виды путей сообщения, транспортных средств.

3. Вместителища для активного. Те, в пределах которых осуществляется действие. Это любое наземное пространство, способное принимать на себя функции вместителища – как закрытого типа (дома, сооружения, транспорт и др.), так и открытого (город, поле, лес и др.). В таких случаях появляется сложность разграничения метафорических пересечений с метонимическими, когда действия субъектов по смежности передаются пространственному объекту. Каждый такой контекст требует индивидуального анализа для определения сущности переноса.

4. Неактивные. К этой категории относятся все статичные конструкции, которые с точки зрения человека не производят активного действия и в пределах, которых последнее не осуществляется.

Такое деление необходимо для того, чтобы определить уровень поэтической валентности метафоризируемых единиц, которые при акциональной основе сходства чаще всего объединяются в конструкции с предикативными отношениями.

С прагматической точки зрения создание иносказательных конструкций такого типа может служить не только для достижения поэтических целей (образности, эстетичности, эмоциональности), но и для демонстрации реально производимых, наблюдаемых действий и их результатов. Так, под воздействием извне метафоризируемая локация может:

1) издавать звук:

– в силу погодных условий (*ковыльная фонетика степи; песнь прибоя; наполненное хрипами и свистом, простуженное небо надо мной; на ветру звенят мосты; тропки аукнутся* и др.), нередко в таких контекстах присутствуют и лексемы, обозначающие возбудителей звука, – ветер, метель, гром;

– в процессе взаимодействия с живым существом (*ступенек бетонный каприз, скрип суставов мансарды, хриповатый московский порог* и др.), здесь демонстрируется состояние локации, связанное с движением по ней предметов и существ в течение продолжительного времени – изношенностью;

2) производить движение:

– в силу погодных условий (*бушующий лес, ветром дышащая глушь, робость в лесах*), здесь возможны и случаи ритуального акционального сближения (*молится соборне, клонясь под ветром, лес; небеса скорбящие*) – в этом контексте интересна работа С.М. Толстой, утверждавшей незначительность непосредственного действия в ритуале по сравнению с указанием на его исполнителя [12], поскольку в иносказательных выражениях мы наблюдаем обратное – действие приобретает значимость не за счет своей связи с обрядовым началом, а ввиду того, что актуализирует реальную ситуацию (воздействие ветра, дождя);

– в силу влияния антропогенных / природных факторов (*танцует мост, земля волною изогнулась*);

– в силу изменения времени суток, сезона (*упавшее за сопку солнышко, лес уронил багряный убор, солнце ползет по росе*).

Локация может издавать звук и производить движения, аналогичные живым существам, и в связи с функциональными, внутренне присущими ей особенностями. Так, у пространственного объекта появляются физиологические и эмоциональные звуковые реакции и состояния (*поезд выл, прокашляется ржавый водосток, небо смеялось, город гудит нутром* и др.); речемыслительные способности (*река говорила, троллейбусы шутили, поют трамваи, вторит бубну водопад* и др.); локомоторные функции (всего корпуса: *трамвай шагает, ползли трамваи, Волгины воды напали, облака поплыли, ходит медленно небо, вышел месяц* и др.; части тела: *солнце поднимет золотые весла, корчится пролив, волны Каспия лизжут твердь* и др.). Мотивационно сближения такого типа становятся возможными ввиду того, что указанным локациям изначально присущи звучание и движение, наблюдаемые человеком. Перенос физиологических состояний покоя и молчания осуществляется на: неподвижные с точки зрения наблюдателя локации (*закрылась степь, впадая в дрему; горы дремлют; молчанье уставшей земли*); прекращающие активные действия (*уснули пароходы в порту, цепенел Байкал*). Метафоризация такого характера возможна и в целях указания на наступление ночного времени суток, например: *А закат догорал и мерк, / Расплываясь по сонным чащам* (А. Арефьев // День и ночь. 2021. № 2). Кроме того, статичное положение движущейся водной локации может подчеркивать изменение ее агрегатного состояния, обусловленного сезоном, погодными условиями: *Селенга не пустилась в бега. Поседела до снежных повесток* (Ю. Татаренко «Октябрь. Восточная Сибирь» // Южный маяк. 2022. № 6).

Отмечены и случаи, когда движение одного пространственного объекта в результате зрительной иллюзии метафоризируется наблюдателем как

движение другого. Например: *А в тёмных волнах тонет, и не тонет, / И бьётся в сетке рыбицей луна* (П. Коваленко // День и ночь. 2022. № 2); *Месяц нырнул, как лихой водолаз* (А. Арестов «Понимание» // Белая скала. 2023. № 1). Здесь небесное тело уподобляется водному животному не только по акциональному сходству, но и по мнимой локализации, поскольку реальным в указанной ситуации будет только колеблющееся отражение пространственного объекта, но не он сам. В связи с этим интерес представляют и контексты, в которых взаимодействие локаций создает образную ситуацию, эксплицирующую замещение недвижимого движимым и наоборот: *бегущие к морю хребты; горизонт, припавший к реке*. Такой когнитивный способ конструирования текста может объясняться психологическим феноменом встречного поезда, при котором в сознании субъекта в процессе непосредственного наблюдения смешиваются статичные и динамичные объекты.

При отождествлении пространственного объекта с живым существом на основе действия важную мотивировочную роль играет степень интенсивности движения, которую становится возможным выразить с помощью глаголов, обозначающих деятельность человека, контекстуально приближенную по значению с движением, и уточняющих признаков: 1) высокая (*всполошно вздрагивала степь, море работает без утомленья, ручьи бросались весело с обрыва, хохотала бурная вода, бегут веселые ручьи*); 2) низкая (*реки разумно текут; строг и упрям, катит неслышно волну океан; степенно солнце закатилось; Алтай торжественно молчит; дома смиренно спят*). Как мы можем наблюдать, сближения на основе высокого уровня интенсивности создаются преимущественно с помощью выразителей эмоциональной сферы, тогда как на базе низкого – когнитивной.

Отдельные случаи переносов с акциональной основой сходства возможны посредством метафоризации появляющегося или исчезающего, расширяющегося или увеличивающегося в размерах / сужающегося или уменьшающегося пространства: *небоскребы растут как грибы; крохотных*

островов, выросших из реки; рождается город; выростала на небе луна перезревшим лимоном; мертва речка. Такого рода контексты объединяет то, что они созданы посредством наделения локации признаком индивидуального развития организма – онтогенеза, и объясняется тем, что любой пространственный объект ограничен временем своего существования.

Наблюдение над материалом показало и немногочисленные случаи обратимости описываемой метафорической модели по акциональной основе сходства – <субъект – пространственный объект>. Так, живые существа могут метафорически уподобляться неживым предметам в сравнительных оборотах: *я уйду как лодка по реке; я в державу впадаю, как будто река в океан.*

В остальном отклонения от прототипической модели количественно незначительны. Ими могут быть: <время – движущаяся локация>, что соотносится с признаком длительности и динамичности: *течет река времени, уплыл кораблик детства, время – скорый поезд*; <явление нематериальной (эмоциональной, духовной, когнитивной) сферы – движущаяся локация>: *предчувствий ниагара, душа волною вырвется, водоворот дел и забот, души несетя поезд, волны мыслей*; <движущаяся локация – движущаяся локация>: *облачные ялики, небесная волна, поезд – комета, автобус – мельница.*

Заключение

Таким образом, акциональный метафорический потенциал слов с пространственной семантикой во многом зависит от когнитивного фактора: 1) особенностей восприятия наблюдателем движущегося пространства непосредственно, скорее, с позиции не научной, а наивной картины мира; 2) использования ассоциативных связей для поиска соответствующих по уровню интенсивности производимых действий, как правило, человеческих. Здесь художественная цель вступает во взаимодействие с прагматической – описанием реальной ситуации. В то же время при слабой мотивировочной связи формируются уникальные поэтические образы. Установлено, что

большое значение для создания метафорического переноса на акциональной основе сходства приобретают такие факторы, как степень соответствия действия, которым наделяется пространственный объект, его сущностным признакам, уровень интенсивности действия (соотношение динамики и статики, шума и тишины, эмоционального и когнитивного).

Метафорическое сближение происходит часто на базе не одного, а ряда взаимосвязанных признаков, поэтому перспективным представляется изучение сопряженных с акциональной фундаментальных основ сходства, таких как временная, параметрическая и функциональная.

© Вишнякова Н.М., 2025

Список источников

1. Декарт Р. Избранные произведения / Р. Декарт. – М.: Политиздат, 1950. – 712 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. В 14 т. Т. 2 / Г. В. Ф. Гегель. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – 775 с.
3. Molchanova O.T. Topography Cognition and Place-Names (with Reference to Attention Distribution, Object Location, and Shape Category) / O.T. Molchanova // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М.: Яз. слав. культуры, 2009. – С. 614 - 627.
4. Всеволодова М.В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. – М.: Рус. яз., 1982. – 264 с.
5. Горбань О.А. Древнерусские глаголы движения в системе языка и в тексте / О.А. Горбань. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – 332 с.
6. Зализняк Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Яз. слав. культуры, 2005. – 544 с.
7. Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации / В. Г. Гак // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 6-26.
8. Полякова С.Ю. Семантическая категория направленности: лингвистический и методический аспект / С.Ю. Полякова // Новый филологический вестник. – 2013. – № 1 (24). – С. 64-70.
9. Колосова Т.Н. Глаголы статики и динамики в теоретическом описании и в практическом курсе русского языка как иностранного / Т.Н. Колосова, А. Д. Крапивка // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2024. – № 211. – С. 100-108.
10. Сафонова И.А. Метафорическая репрезентация зрительной перцепции в современном русском языке (модель «движение – восприятие») / И.А. Сафонова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22. – № 6. – С. 106-119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023>
11. Илюхина Н.А. К вопросу о генезисе когнитивной метафоры жизнь – движение в русском языке / Н.А. Илюхина, К. П. Баракат // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 166. – кн. 5. – С. 141-153. – DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.141-153>
12. Толстая С.М. Движение / С.М. Толстая // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М.: Индрик, 2008. – С. 455-457.

References

1. Dekart R. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Politizdat, 1950. – 712 p.
2. Hegel G.W.F. Sochineniya. [Essays.]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz Publ., 1934. V 14 t. p – T. 2 – 775 p.
3. Molchanova O.T. Topography Cognition and Place-Names (with Reference to Attention Distribution, Object Location, and Shape Category). Gorizonty sovremennoy lingvistiki: Traditsii i novatorstvo [Horizons of Modern Linguistics: Tradition and Innovation]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., 2009. – Pp. 614-627.
4. Vsevolodova M.V., Vladimirskiy E.Yu. Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy v sovremennoy russkom yazyke [Ways of Expressing Spatial Relations in Modern Russian]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1982. – 264 p.
5. Gorban O.A. Drevnerusskie glagoly dvizheniya v sisteme yazyka i v tekste [Old Russian Verbs of Motion in the Language System and in the Text]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2002. – 332 p.
6. Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: sb. st. [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World. Collection of Works]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., 2005. – 544 p.
7. Gak V.G. Funktsionalno-semanticheskoe pole predikatov lokalizatsii [Functional and Semantic Field of Localization Predicates]. Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Lokativnost. Bytiynost. Possessivnost. Obuslovlennost [Theory of Functional Grammar: Locativity. Being. Possessiveness. Conditionality]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996. – Pp. 6-26.
8. Polyakova S.Yu. Semanticheskaya kategoriya napravlenosti: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekt [Semantic Category of Orientation: Linguistic and Methodological Aspect]. Novyy filologicheskyy vestnik [The New Philological Bulletin], 2013. – No. 1 (24). – Pp. 64-70.
9. Kolosova T.N., Krapivka A.D. Glagoly statiki i dinamiki v teoreticheskom opisaniy i v prakticheskom kurse russkogo yazyka kak inostrannogo [Verbs of Statics and Dynamics in Theoretical Description and in the Practical Course of Russian as a Foreign Language]. Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena, 2024. – No. 211. – Pp. 100-108.
10. Safonova I.A. Metaphoricheskaya reprezentatsiya zritelnoy pertseptsii v sovremennoy russkom yazyke (model' «dvizheniye – vospriyatiye») [Metaphorical Representation of Visual Perception in the Modern Russian Language (“Movement – Perception” Model)]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, Vol. 22. – No. 6. – Pp. 106-119. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.8>
11. Ilyukhina N.A., Barakat K.P. K voprosu o genezise kognitivnoy metafory zhizn' – dvizhenie v russkom yazyke [On the Genesis of the Cognitive Metaphor Life is Movement in the Russian Language]. Uchenyye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnyye Nauki, 2024. – Vol. 166. – No. 5. – Pp. 141-153. DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.5.141-153>
12. Tolstaya S.M. Dvizhenie [Movement]. Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshchoslavianskoy perspektive [The Space of the Word. Lexical Semantics in the General Slavic Perspective]. Moscow, Indrik Publ., 2008. – Pp. 455-457.

**Вишнякова
Надежда Михайловна**

аспирант кафедры русской филологии и журналистики,
Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
nadinvishnyakova@yandex.ru

**Vishnyakova
Nadezhda Mikhailovna**

postgraduate student of the department of Russian philology and
journalism, Volgograd state university, Volgograd, Russia
nadinvishnyakova@yandex.ru

Научная статья

УДК 81.42

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-60-73>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная
лингвистика

КОНЦЕПТ «ИСПОРЧЕННОСТЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX И XX ВЕКОВ

Юлия Александровна Демкина

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград,
Россия

yuliyademkina@mail.ru

Аннотация. Исследование анализирует концепт «испорченность» в англоязычной литературе второй половины XIX и XX веков, выявляя изменения в его значении и ассоциативных компонентах, отражающих трансформацию нравственных ориентиров от религиозных к светским. Описывается структура концепта, включающая ядерную, окооядерную и периферийную зоны, каждая из которых содержательно характеризуется определенным набором смысловых признаков и конкретизаторов, обусловленных экстралингвистическими и лингвистическими факторами рассматриваемых исторических периодов (вторая половина XIX и XX веков).

Ключевые слова: концепт, испорченность, акциональные проявления, ассоциации, метафора

Для цитирования: Демкина Ю.А. Концепт «испорченность» в англоязычной литературе второй половины XIX и XX веков // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – №2. – С. 60-73. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-60-73>

Original article

THE CONCEPT “DEPRAVITY” IN ENGLISH LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE XIX AND XX CENTURIES

Julia A. Demkina

Volgograd state social and pedagogical university, Volgograd, Russia

yuliyademkina@mail.ru

Abstract. The study analyzes the concept of "depravity" in English literature of the late 19th and 20th centuries, revealing changes in its meaning and associative components, reflecting the transformation of moral values from religious to secular. The structure of the concept is described, including the nuclear, perinuclear and peripheral zones, each of which is substantively characterized by a certain set of semantic features and concretizers, determined by extralinguistic and linguistic factors of the historical periods under consideration (the second half of the 19th and 20th centuries).

Keywords: concept, depravity, action manifestations, associations, metaphor

For citation: Demkina J.A. The concept “depravity” in english literature of the second half of the XIX and XX centuries, Linguistics & education, 2025. – Vol. 5 – No. 2. – Pp. 60-73. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-60-73>

Введение

Изучение ценностных основ общества в их исторической изменчивости становится всё более актуальным в современном обществе, о чем свидетельствует появление таких исследовательских проектов как «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey) и Европейского исследования ценностей (European Values Study). Однако изучение ценностей не представляется нам возможным без исследования их противоположностей, как средства актуализации этих ценностей в сознании носителей лингвокультуры. Кроме того, мы считаем, что возможность объединения ценностных ориентиров общества в некий единый нравственный «идеал» означает также возможность объединения отклонений от ценностных ориентиров в некоторый «антиидеал». Таким «антиидеалом» мы считаем концепт «испорченность» или «depravity». Отметим, что как русско-, так и англоязычный номинант, обусловлены восприятием испорченности как отклонения от ценностных ориентиров.

Степень разработанности научной проблемы

Проблема концептуализации сознания является одной из ключевых тем, изучаемых отечественными и зарубежными учеными социогуманитарного профиля. В аспекте соотношения индивидуального, общественного и языкового сознания данная проблема освещалась в трудах Ю.Д. Апресяна [1], А.П. Бабушкина [2], В. фон Гумбольдта [3], Э. Дюркгейма [4], Н. Хомского [5], и др. При исследовании концептов как элементов картины мира эта проблема изучалась в работах С.А. Аскольдова [6], Е.С. Кубряковой [7], Ю.С. Степанова [8] и др. Отдельную категорию составляют изыскания по структуре концептов в работах таких лингвистов, как С.Г. Воркачев [9], В.И. Карасик [10], В.В. Красных [11], З.Д. Попова [12], И.А. Стернин [13] и др.

Проблема испорченности как аморальности или девиации разрабатывалась в ряде гуманитарных дисциплин, например, в философии, этике, богословии, психологии, следует отметить, однако, что

испорченность, согласно нашим данным, еще не была объектом лингвистического описания и как концепт рассматривается в нашей работе впервые.

Данное исследование выполнено на стыке когнитивной лингвистики и текстолингвистики, и посвящено рассмотрению концепта «испорченность» как аксиологического концепта.

Выполненная работа базируется на нижеследующих ключевых положениях.

1. Общественное сознание представляет собой систему, основанную на синтезе представлений, идей, сформированных у его носителей. Индивидуальное сознание является совокупностью личного опыта индивида и идей общественного сознания, преломленных через свой опыт [14].

2. Концепт как квант знания является средством репрезентации сознания и может послужить средством его исследования [9].

3. Индивидуальное сознание включает в себя индивидуально авторскую картину мира (следовательно, и часть национальной картины мира), находит свое выражение в языковом тезаурусе автора и вербальных выражениях состояния его сознания, т.е. в языковом сознании. Языковое сознание автора может быть обнаружено в продуцируемых им текстах, т.е. в идиолекте [13; 14; 15; 16; 17].

Цель нашей работы – выявление и описание динамических изменений лингвокультурного концепта «испорченность», отраженного в произведениях англоязычных писателей двух различных периодов – второй половины XIX и второй половины XX веков.

Материал исследования составляют классические произведения англоязычной литературы второй половины XIX и XX веков (124 произведения).

Источниками практического материала послужили:

1) произведения детской литературы по причине их роли в социализации индивида и усвоении им ценностных основ общества;

2) произведения, тематика которых связана с представлениями о нравственности и морали;

3) драматические произведения по причине актуализации в них аксиологической оценки поведения человека.

В качестве основных **методов исследования** использовались:

1) метод анализа словарных дефиниций для определения национально-культурного содержания концепта «испорченность»;

2) метод контекстуального анализа для изучения авторских интерпретаций национально-культурного содержания концепта «испорченность»;

3) описательный метод для раскрытия содержания концепта «испорченность» в исследуемые периоды;

4) метод моделирования для визуализации структуры концепта «испорченность»;

5) сравнительный метод для анализа динамики смысловых изменений концепта «испорченность» в исследуемом временном диапазоне.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в расширение научных знаний о концептуальном поле в целом, а также научным обоснованием англоязычного литературного творчества второй половины XIX и XX веков как отражения национальной и индивидуально-авторской картин мира и ценностных основ англоязычной лингвокультуры.

Практическая ценность исследования обусловливается возможностью использования его результатов для комплексного анализа национальной картины мира носителей английского языка, для исследования развития и временного изменения концептуального поля англоязычной лингвокультуры, для стилистического и

литературоведческого анализа творчества отдельных авторов, чьи произведения послужили источниками исследования, а также в качестве материала для аксиологических исследований в антропологии, политологии, социологии и психологии.

Основная часть

На первом этапе исследования на основе анализа данных словарей синонимов нами было построено номинативное поле концепта «испорченность» для второй половины XIX века [15, 16] и для второй половины XX века [17, 18].

На основе дефиниционного анализа мы сопоставили семный состав лексем, входящих в номинативное поле концепта, и выявили изменения в значении некоторых конкретизаторов [19; 20; 21; 22]. Так, конкретизатор «depravity» («опыт») за вековой период между данными срезами теряет значение «препятствие для добродетели», а конкретизатор «sin» («грех») наоборот приобретает значение «нарушение законов морали» в качестве добавочного к значению «нарушение религиозных законов», характерному для лексемы в конце XIX века. Объяснением для подобной динамики может служить постепенно повышающийся уровень секуляризации общества, потеря религией своей главенствующей роли в определении границ нормативного поведения, а также усиление тенденции к активной жизненной позиции.

Церкви, на протяжении долгого периода определявшей норму поведения и его идеал, а также очерчивавшей границы морали, потребовался «преемник», призванный выполнять данные функции. Одним из таких «преемников» стало светское законодательство, что видно на примере конкретизатора «vice» («порок»), который приобрел дополнительную сему «преступление», а не просто «неподобающее сексуальное поведение». Другим примером передачи регулятивной функции церкви законодательству является семный состав конкретизатора «corruption» («порча»). Если в XIX веке отрицательная аксиологическая

оценка такого поведения была связана с общественным порицанием, то в XX веке появился элемент «нелегальности». Кроме того, возник также компонент «власти» или «должности», т.е. значение слова трансформировалось из злоупотребления финансовым состоянием в злоупотребление должностными полномочиями или подкуп с целью такого злоупотребления.

Другим регулятором общественной нормы выступает также само общество, что видно на примере приобретения семным конкретизатором «sin» («грех») компонента «несоответствие принятым в обществе стандартам и нормам морали» в дополнение к «нарушению религиозных законов».

По причине авторитарности церковных практик переход к светскости задал некоторую большую свободу выбора и, как следствие, градацию испорченного поведения. Примером таких изменений может послужить приобретение конкретизатором «wickedness» («злодейство») дополнительного значения «привлекательность при некоторой неправильности», а конкретизатором «vice» («порок») – значения «плохая привычка». Появление данных дополнительных значений приводит нас к выводу о том, что не всякое проявление испорченности равно другому ее проявлению. Какое-то испорченное поведение в некоторой степени допускается обществом на правах привычки, хотя и не поощряется, а какое-то – может быть притягательным именно по причине своей запретности.

Нами также был проведен анализ ассоциаций лексем, входящих в состав номинативного поля концепта [22]. На ассоциативно-образном уровне концепта «испорченность» было выявлено наличие пяти основных групп ассоциаций: религиозные, нравственные, санкционные, криминальные, образные. Первые две группы включают в себя ассоциации-ценности, которые являются нравственной основой общества. Санкционная группа описывает регулятивные мероприятия, применяемые

обществом к нарушителям нравственных законов, а криминальная группа включает в себя разновидности их нарушений. Особый интерес представляет группа образных ассоциаций, в которую входят следующие ассоциации: «monster» («монстр»), «trap» («ловушка»), «snare» («западня»), «witchcraft» («колдовство»). Первые три ассоциации воплощают представление религиозного общества об испорченности как о чем-то опасном и скрытом. Ассоциация «witchcraft» («колдовство») в свою очередь отражает отношение к исконным верованиям и практикам, которые вытеснялись официальной церковью.

В англоязычной литературе второй половины XX века к перечисленным выше группам добавляется группа ассоциаций, связанных с половой жизнью («to pervert» («развращать»), «to seduce» («соблазнять»), «filth» («грязь»), «erotic» («эротичный»)), что объясняется необходимостью общественного регулирования данного вида отношений во второй половине XX века в отличие от религиозного регулирования, существовавшего во второй половине XIX века.

На основе анализа художественной литературы нами было установлено расширение спектра акциональных проявлений концепта «испорченность», обусловленное распределением регулятивной функции между светским законодательством и общественным мнением, а также связанное с выделением детей как отдельной группы акторов. В XIX веке акциональные проявления концепта ограничивались такими проявлениями, как сплетни, интриги, клевета, мелкий обман, ложь, измена, предательство, убийство и самоубийство. Акциональная составляющая концепта «испорченность» во второй половине XX века в свою очередь включает в себя три группы проявлений испорченности: преступления, аморальные поступки и капризы. К преступлениям относятся действия, связанные с нарушением законодательства, такие, как кража, убийство, взяточничество и т.д. Группу аморальных поступков составляют действия, осуждаемые общественностью, но не наказуемые на законодательном

уровне, например, ложь, лицемерие, измена. Группа капризов отличается типом акторов. Если первые две группы составляют поступки, как правило, взрослых людей, то группа действий-капризов реализуется исключительно актерами-детьми (манипуляции, истерики). Например, в повести Роальда Даля «Чарли и Шоколадная Фабрика» [23, с. 14] Верука Солт, девочка, требующая исполнять любой её каприз моментально, постоянно прибегает к повторению и анафоре:

Where's my Golden Ticket! I want my Golden Ticket! [23, с. 14]

Где мой Золотой Билет! Я хочу свой Золотой Билет!

I want an Oompa-Loompa! I want you to get me an Oompa-Loompa! I want an Oompa-Loompa right away! I want to take it home with me! Go on, Daddy! Get me an Oompa-Loompa! [23, с. 14]

Я хочу Умна-Лумпу! Я хочу, чтобы ты подарил мне Умна-Лумпу! Я хочу Умна-Лумпу прямо сейчас! Я хочу взять его с собой домой! Давай, папочка! Дари мне Умна-Лумпу!

Кроме того, для усиления эффекта своих требований она манипулирует родителями через истерики, крик, лежание на полу:

And she would lie for hours on the floor, kicking and yelling in the most disturbing way [23, с. 14].

И она часами лежала на полу, пиналась и кричала самым ужасным образом.

И лишь когда её требование удовлетворяется, она снова становится «хорошей девочкой», улыбается и дает своим родителям ощущение счастливой семьи:

... and now she's all smiles, and we have a happy home once again [23, с. 14].

...и теперь она вся улыбается, и у нас снова счастливая семья...

В англоязычной литературе исследуемых периодов концепт «испорченность» реализуется через ряд метафор, трансформация которых отражает изменение отношения к испорченности в англоязычной

лингвокультуре. Метафора *пути* за вековой период трансформируется из *пути* неизбежного, конечного и отождествляемого с взрослением, в *путь*, предполагающий возможность искупления совершенных проступков и возвращения на первоначальный этап. В XIX веке данная метафора реализуется, например, в произведении Генри Джемса «The Awkward Age» («Неудобный Возраст»), в котором метафора *пути* принимает форму лестницы, разделяющей верхний, «детский» этаж и нижний «взрослый» этаж [24, с. 45]. Во второй половине XX века метафора *пути* отразилась, например, в повести Роальда Даля «Чарли и Шоколадная Фабрика» как *путь* через шоколадную фабрику [23].

Метафора *скорлупы* также может быть найдена в произведениях обоих исследуемых периодов. Так, например, во второй половине XIX века данная метафора реализуется в романе Чарльза Диккенса «Большие Надежды»:

... but what is his sleight of hand to mine, when I fold up my own nutshells and pass them on myself as notes! [25, с. 240].

... но что его ловкость рук по сравнению с моей, когда я сам складываю свои ореховые скорлупки и передаю их себе под видом банкнот!

Самообман как конкретизатор концепта «испорченности» в данной сцене воплощается в сложной трехчастной метафоре. Во-первых, само действие героя описывается как мошенничество, «ловкость рук». Главный герой Пип предстает мошенником, причем мошенником мелким, уличным, т.к. ловкость рук является отличительной особенностью мелких воришек, балаганных шутов, ярмарочных мошенников. Однако данный образ подкрепляется через расширение метафоры. «Notes» – «деньги» в данной метафоре олицетворяют правду, при этом употребление множественного числа указывает на множественность истинно существующих фактов, которые мошенник (Пип, как мы понимаем из повествования) скрывает. «Nutshells» – «ореховые скорлупки», являясь третьей частью метафоры, делают ее целостной и законченной. С одной стороны, данный образ

скорлупы предполагает отсутствие полезного содержания, т.е. в контексте повествования, отсутствие истинности. С другой стороны, будучи противопоставленными банкнотам, скорлупки олицетворяют несбывшуюся надежду, обман ожиданий. И в очередной раз множественное число употребления намекает на многочисленность этих мелких обманов. Целостность образа мелкого мошенника, ловко и неоднократно разменивающего истину на обман, позволяет читателю увидеть постепенно усиливающуюся степень испорченности Пипа. Он уже выглядит не невинным ребенком, но матерым обманщиком, хотя и действующим под давлением обстоятельств.

Во второй половине XX века метафора скорлупы может быть найдена, например, в повести Роальда Даль «Чарли и Шоколадная Фабрика»:

'My goodness, she is a bad nut after all,' said Mr. Wonka. 'Her head must have sounded quite hollow' [23, с. 15].

«Боже мой, она все-таки гнилой орех», – сказал мистер Вонка. «Ее голова, должно быть, звучала совершенно пустой».

В первом предложении шоколатье использует фразу «a bad nut» («плохой орех»), что в контексте истории имеет прямое значение, т.к. героиня Верука Солт попадает в неприятности, вбежав в комнату с белками, которые отделяли хорошие орехи от плохих и отправляли последние в мусоропровод. Именно так поступили зверьки и с самой девочкой, очевидно, приняв ее за гнилой орех. Однако у этого словосочетания есть и вторая сторона. Фраза «a bad nut» представляет собой искаженную идиому «a bad apple», означающую «плохой, испорченный человек среди хороших». Таким образом, через замену одного элемента идиомы автор дает характеристику девочке, одновременно ссылаясь на универсальное представление об испорченности (идиому) и на контекст конкретной ситуации.

Во втором предложении Роальд Даль снова использует сочетания прямого и переносного значения для объективации концепта «испорченность». Прямое значение лексемы «hollow» («пустой») относится к способу проверки белками орехов: они постукивали по ореху и по звуку определяли его годность. Очевидно, что, если животные сочли девочку «плохим орехом», ее голова при постукивании издавала звук именно такого ореха, т.е. пустой. В переносном же значении слово «hollow» («пустой»), применяемое к описанию головы, обозначает глупого, «пустоголового» человека.

Таким образом, за вековой период метафора скорлупы как воплощение отсутствия полезного содержания уточняется во второй половине XX века путем более конкретного обозначения отсутствующего содержания. Данный факт отражает актуализацию таких ценностей, как ум, сострадание, умение испытывать положительные эмоции.

Также стоит обратить внимание на репрезентацию испорченности через метафору призраков в произведении Генри Джеймса «Поворот Винта» [26]. С одной стороны, призраки слуги и бывшей гувернантки представляют собой некий след реальных людей, которые имели влияние на детей. С другой стороны, они видны исключительно самим детям, в то время как посторонним людям кажется, что дети общаются сами с собой. С помощью данной метафоры автор демонстрирует заразность испорченности, т.е. ее способность проникать в человека, оставлять в нем след и прогрессировать даже без контакта с изначальным источником. Именно так происходит процесс заражения испорченностью маленьких героев повести.

Заключение

Концепт «испорченность» во второй половине XX века в отличие от второй половины XIX века реализует представление о нравственном идеале не как о «праведном человеке», а как о «порядочном человеке», что

отражает удаление ценностных оснований общества от религиозного мировоззрения в пользу идей гуманизма и равноправия.

Перспективы исследования заключаются в возможности использования его результатов в анализе трансформации ценностных основ англоязычной лингвокультуры, а также в исследовании других периодов социально-исторического развития данной лингвокультуры и сопоставительном анализе нравственных ориентиров носителей английского языка с представителями других лингвокультур.

© Дёмкина Ю.А., 2025

Список источников

1. Апресян Ю.Д. Установка на реконструкцию языковой картины мира // Языковая картина мира и системная лексикография: коллектив. моногр. М.: Языки славянских культур. – 2006. – С. 33-36.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ. – 1996. – 103 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс. –1985. – 402 с.
4. Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия (в переводе Юдина Г.А.) М.: Социологическое обозрение, 2013. – №12(2). – С. 133-144.
5. Chomsky N. New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 345 p.
6. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia. – 1997. – 102 с.
7. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: 2004. – №1. – С. 25-27.
8. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект. – 2001. – 304 с.
9. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Букинист. – 2004. – 236 с.
10. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск. – 1996. – С. 3-16.
11. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис. – 2002. – 284 с.
12. Попова З.Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: ВГУ. – 2002. – С. 8-50.
13. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. Ярославль: Истоки. – 2013. – 34 с.
14. Weisgerber Leo. Die Zusammenhänge zwischen Muttersprache, Denken und Handeln. Düsseldorf. GRIN Verlag. – 1930. – С. 46-81.
15. Davidson, William L. Leading and important English words: explained and exemplified: an aid to teaching / William L. Davidson. - Longmans, Green, & CO., 1896. – 255 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004433341?page=1&rotate=0&theme=black> (Дата обращения 22.11.2024)

16. English thesaurus URL: <https://www.thesaurus.com/> (Дата обращения: 22.11.2024)
17. Collins dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus> (Дата обращения: 22.11.2024)
18. Latham R.G. A dictionary of the English language: Vol. 1. Part 1. – Longmans, Green, & CO., 1872. – 568 p.
19. Ogilvie J. The imperial dictionary of the English language: Vol. 1. A – Depascent: a complete encyclopedic lexicon, literary, scientific, and technological: illustrated by above 300 engravings printed in the text / J. Ogilvie. – Blackie & Son, 1883. – 703 p.
20. Oxford Lerner's Dictionary online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Дата обращения: 22.11.2024)
21. Cambridge dictionary online. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (Дата обращения: 22.11.2024)
22. Word associations dictionary online. URL: <https://wordassociations.net/en> (Дата обращения: 22.11.2024)
23. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. – London: Penguin Books Ltd, 2022. – 336 p.
24. James H. The Awkward Age. – Everyman's library, 1993. – 394 p.
25. Диккенс Ч. Большие надежды: роман на англ. яз/ Чарльз Диккенс. – М.: Т8, 2016. – 547 с.
26. James H. The Turn of the Screw. – London: Penguin Books Ltd, 1994. – 120 p.

References

1. Apresyan Yu.D. Ustanovka na rekonstruktsiyu yazykovoy kartiny mira [The focus on reconstructing the linguistic picture of the world] // Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya: kollektiv. monogr. [the linguistic picture of the world and systemic lexicography: collective. monography] M: Yazyki slavyanskikh kul'tur. 2006. – Pp. 33-36.
2. Babushkin A.P. Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka. [Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of language.] Voronezh: Izd-vo VGU. 1996. – 103 p.
3. Gumbol'dt V. Yazyk i filosofiya kul'tury. [Language and philosophy of culture.] M.: Progress. 1985. – 402 p.
4. Dyurkgeym E. Dualizm chelovecheskoy prirody i ego sotsial'nye usloviya (v perevode Yudina G.A.) [Dualism of human nature and its social conditions (translated by Yudin G.A.)] M.: Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological review], 2013. – №12(2). – Pp. 133-144.
5. Chomsky N. [New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge: Cambridge University Press. –2000. – 345 p.
6. Askoldov S.A. Kontsept i slovo. [Concept and word] // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology / Ed. V.P. Neroznak. Moscow: Academia. – 1997. – 102 p.
7. Kubryakova E.S. Jazyk i znanie: na puti poluchenija znaniy o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. [Language and knowledge: on the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in knowing the world.] Moscow: 2004. – №1. – Pp. 25-27.
8. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. [Constants: Dictionary of Russian Culture.] Moscow: Academic Project. – 2001. – 304 p.
9. Vorkachev S.G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. [Happiness as a linguocultural concept. Moscow: Bukinist. – 2004. – 236 p.
10. Karasik V.I. Kul'turnye dominanty v jazyke [Cultural dominants in language.] //Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty. [Language personality: cultural concepts.] Volgograd-Arkhangelsk. – 1996. – Pp. 3-16.

11. Krasnykh V.V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologija. [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology.] Moscow: Gnosis. – 2002. – 284 p.
12. Popova Z.D. Jazyk i soznanie: teoreticheskie razgranichenija i ponjatijnyj apparat [Language and consciousness: theoretical distinctions and conceptual apparatus] // Jazyk i nacional'noe soznanie. Voprosy teorii i metodologii. [Language and national consciousness. Questions of theory and methodology.] Voronezh: VSU. – 2002. – Pp. 8-50.
13. Sternin I.A. Metody issledovanija semantiki slova. [Methods of studying the semantics of a word.] Yaroslavl: Istoki. – 2013. – 34 p.
14. Weisgerber Leo. The meaning of words, words and phrases. Düsseldorf. GRIN Verlag. – 1930. – Pp. 46-81.
15. Davidson, William L. Leading and important English words: explained and exemplified: an aid to teaching / William L. Davidson. – Longmans, Green, & CO., 1896. – 255 p. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004433341?page=1&rotate=0&theme=black> (Accessed on 22.11.2024)
16. English thesaurus URL: <https://www.thesaurus.com/> (Accessed on 22.11.2024)
17. Collins dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus> (Accessed on 22.11.2024)
18. Latham R.G. A dictionary of the English language: Vol. 1. Part 1. – Longmans, Green, & CO., 1872. – 568 p.
19. Ogilvie J. The imperial dictionary of the English language: Vol. 1. A – Depascent: a complete encyclopedic lexicon, literary, scientific, and technological: illustrated by above 300 engravings printed in the text / J. Ogilvie. – Blackie & Son, 1883. – 703 p.
20. Oxford Lerner's Dictionary online. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (Date of access: 11/22/2024)
21. Cambridge dictionary online. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (Accessed: 11/22/2024)
22. Word associations dictionary online. URL: <https://wordassociations.net/en> (Access date: 11/22/2024)
23. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. – London: Penguin Books Ltd, 2022. – 336 p.
24. James H. The Awkward Age. – Everyman's library, 1993. – 394 p.
25. Dickens C. Bol'shie nadezhdy [Great Expectations: a novel in English] / Charles Dickens. – M.: 2016. – Т 8. – 547 p.
26. James H. The Turn of the Screw. – London: Penguin Books Ltd, 1994. – 120 p.

Демкина

Юлия Александровна

Demkina

Yulia Aleksandrovna

ассистент кафедры английской филологии Института иностранных языков, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия
yuliyademkina@mail.ru
 assistant, department of English philology, institute of foreign languages, Volgograd state social and pedagogical university, Volgograd, Russia
yuliyademkina@mail.ru

Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-74-89>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная
лингвистика

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ

Катрин Кёпке

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Россия

germany@psu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию семиотики мультимодальных феноменов. Мультимодальность является ключевой характеристикой междисциплинарного подхода, направленного на описание комплекса модусов (визуальных, звуковых и др.) коммуникации. Исследования в русле мультимодальности ориентированы на системный анализ условий коммуникации, в том числе цифровых медиа и технологий. Принимая во внимание, что прагматика языка реализуется только в мультимодальном контексте, мультимодальный подход предполагает широкую палитру методов анализа цифровых медиа и дискурсов.

Данная статья представляет собой критический обзор и систематизацию подходов к мультимодальным исследованиям языка и анализу семиотически сложных текстов. Некоторые из представленных подходов к исследованию отношений вербального и визуального модусов (например, вербально-визуальная семиотика) анализируют взаимодействие между языком и изображением при создании смысла. Другие подходы фокусируются на прагматической коммуникации (например, визуально-вербальная риторика).

Ключевые слова: мультимодальный поворот, знаковые ресурсы, вербально-визуальная семиотика, визуально-вербальная риторика, исследования производства мультимодальных текстов, исследования рецепции мультимодальных текстов, анализ мультимодальных метафор, исследование типографики

Для цитирования: Кёпке К. Современные подходы к исследованию мультимодальности // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – №2. – С. 74-89.
<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-74-89>

Original article

CURRENT APPROACHES TO THE INVESTIGATION OF MULTIMODALITY

Kathrin Köpke

Perm state national research university, Perm, Russia

germany@psu.ru

Abstract. The article is dedicated to the study of the semiotics of multimodal phenomena. Multimodality is an essential feature of an interdisciplinary approach that aims to describe a range of modes (visual, acoustic, etc.). Multimodality research focuses on the systemic analysis of communication conditions, including digital media and technologies. Since the pragmatics of language is only realised in a multimodal context, a multimodal approach implies a wide range

of methods for analysing digital media and discourse.

This article is a critical overview of the approaches of multimodal language research. It aims to systematise them for the analysis of semiotically complex texts. Some of the approaches presented for investigating the relationship between language and image, such as verbal-visual semiotics, analyse the interaction between language and image in the creation of meaning. Others focus on pragmatic communication, such as visual-verbal rhetoric.

Keywords: multimodal turn, sign resources, verbal-visual semiotics, visual-verbal rhetoric, multimodal text production research, multimodal text reception research, multimodal metaphor analysis, typography research

For citation: Köpke K. Current approaches to the investigation of multimodality, *Linguistics & education*, 2025. – Vol. 5 – No. 2. – Pp. 74-89. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-74-89>

Введение

Интерес к мультимодальности начинается с актуальности изображений во всех сферах общественной жизни и в науке, и отражается в таких терминах, как «iconic turn», «pictorial turn», «imagic turn» и «visualistic turn» [1, с. 7]. Г. Кресс называет этот поворот «move from telling the world to showing the world» [2, с. 140]. По аналогии с «linguistic turn», ознаменовавшим переориентацию философии с философии сознания на анализ языка, «iconic turn» призван произвести соответствующие изменения в области изображений и придать анализу изображений такую же фундаментальную роль в качестве научного метода. Вместе с текстами изображения образуют смысловую единицу, поэтому этот поворот также называют «мультимодальным поворотом» [3; 4].

Однако исследования мультимодальности не ограничиваются только лингвистическими и визуальными знаками, а включают все знаковые ресурсы, которые используются в коммуникации [5, с. 186; 6, с. 11]. Так, разговорная речь связана со знаковыми модальностями жестов и мимики, а также с паравербальной знаковой модальностью интонации. Поскольку исследования мультимодальности являются семиотическими, в них применяется трансдисциплинарный подход к анализу создания и получения знаний, к определению того, как функционируют отдельные знаковые модальности (семиотические модусы), и описанию межмодальных отношений смыслообразования [7, с. 95; 8, с. 1].

Основная часть

Мультимодальность – это междисциплинарный подход, анализирующий специфическое использование знаков из разных знаковых систем и с разными семиотическими характеристиками в коммуникации. Поскольку коммуникация охватывает широкий спектр исследований, методологические подходы к анализу мультимодальных текстов разнообразны.

Одним из методических подходов является вербально-визуальная семиотика, ориентированная на изучение структуры мультимодальных контекстов. В центре этого подхода – описание семиотических свойств модальностей языка и изображения, а также их когнитивного восприятия и обработки. Этот семиотико-структуралистский подход исследует вопрос о том, как язык и изображение дополняют или определяют друг друга в мультимодальном тексте для создания смысла. Его основная цель состоит в том, чтобы создать типологию взаимосвязей языковых и визуальных знаков в тексте [5; 8].

В конце 1980-х годов Г. Кресс и Т. ван Левен, развивая системно-функциональную лингвистику М.А.К. Халлидея, разработали теорию мультимодальной коммуникации, которая выходит за рамки лингвистики и включает ещё один семиотический модус – изображение [9]. В этой теории раскрывается социальный смысловой потенциал знаковых модусов, показывается, как знаки используются в различных социокультурных ситуациях для достижения коммуникативных целей, подчеркивается роль пользователей знаков (sign-makers) [5, с. 54-56].

Центральная идея социальной семиотики в её применении к мультимодальным текстам заключается в том, что каждая языковая единица или модус выполняет три метафункции. Первая метафункция (representational/ideational), которая в значительной степени носит описательный характер, рассматривает вопрос о том, что представлено. Цель – выяснить, какого рода текст или изображение имеется в виду, кто или что

показано, какие характеристики подчеркиваются, какие категоризации делаются, но также и то, что намеренно не упоминается. Вторая метафункция (interpersonal/interactional) анализирует социальное взаимодействие между создателями и реципиентами текста и роли, которые они играют по отношению друг к другу. С точки зрения создателя или автора, интерес представляют повествовательная перспектива, риторические приемы, языковой стиль и цель коммуникации. С точки зрения целевой группы или реципиента, вопрос заключается в том, как к ним обращаются и какое отношение к ним существует. Третья метафункция (compositional/textual) имеет дело со структурой мультимодального текста и связывает первую и вторую метафункции друг с другом через три измерения: информационная ценность (information value), значимость (salience) и фрейминг (framing).

Под информационной ценностью понимается расположение модусов языка и изображения, которые наделяются определенным смыслом и ценностью благодаря своему положению в тексте. В силу привычки к чтению мы приписываем элементам, расположенным в верхней части страницы, большую информационную ценность, чем элементам, расположенным в нижней части. Г. Кресс и Т. ван Левен различают три категории ценности информации: «данная – новая» (слева – справа), «идеальная – реальная» (сверху – снизу) и «центральная – периферическая» (центр – периферия).¹ Значимость – это оформление элементов с помощью цвета, размера и положения, чтобы в той или иной степени привлечь внимание читателя или зрителя. Посредством же метода фрейминга описывается использование линий, цветов и контрастов для объединения либо разделения различных элементов. [5, с. 175-214]. Для анализа мультимодальных текстов важно, что эти метафункции языка представляют собой модель, которая не только описывает возможности и границы знаковых модальностей языка и систематизирует их социальные функции, но и позволяет определить,

¹ Насколько эта информационная ценность сохраняет свою актуальность для экранного текста, требующего особого дизайна интерфейса, остается под вопросом.

являются ли, например, цвет, шрифт, дизайн и верстка семиотическими знаковыми модусами. По мнению М.А.К. Халлидея, на этот вопрос можно ответить положительно в том случае, если соответствующая знаковая модальность удовлетворяет трем функциональным требованиям теории коммуникации, описанным выше [10, с. 87-88].

Исходя из данного определения, можно заключить, что вербально-визуальная семиотика охватывает прагматический подход к языку, предложенный М.А.К. Халлидеем, согласно которому грамматика представляет собой не статичный свод правил и норм, а динамичный ресурс, служащий для создания смысла [11, с. 190]. Только благодаря использованию знаков или семиотических ресурсов формируются конвенции, которые придают им смысл [10, с. 39]. В результате представители исследований мультимодальности, ориентированных на социальную семиотику, отказываются от статичного понятия знаков, а также терминологически дистанцируются от него. Т. ван Левен утверждает, что предпочтение отдаётся термину «ресурс», потому что это позволяет избежать представления о знаке, как о чём-то заранее заданном и независимом от контекста его употребления [7, с. 3].

Т. ван Левен расширяет теорию трех метафункций языка теорией связывания информации (*information linking*) с целью изучения межмодальных отношений, в частности, между текстом и изображением. Для этого Т. ван Левен выделяет два принципа взаимоотношений текста и изображения: разработка (*elaboration*) и расширение (*extension*). Если в первом случае текст поясняет изображение, то во втором – текст расширяется за счет изображения. Уточнения, примеры и резюме считаются разработками. Расширение включает в себя не только дополнительную информацию, но и временные, пространственные, логические расширения, такие как обоснование, причинно-следственные связи, а также риторические стилистические приемы, такие как аналогия и ирония. Верстка и элементы

дизайна также играют важную роль для газет, журналов и веб-сайтов [11, с. 60-69; 7, с. 219-227].

Если М.А.К. Халлидей и, вслед за ним, Г. Кресс и Т. ван Левен описывают три метафункции языковой единицы или модуса, а затем рассматривают мультимодальные отношения изображения и текста, то Дж. Бейтман интересуется тем, какие мультимодальные паттерны характерны для конкретного жанра.² С одной стороны, он переносит исследования мультимодальности в более широкий исследовательский контекст. С другой стороны, расширяет понятие «жанр», применяя его для характеристики специфичных семиотических паттернов различных жанров, присущих отдельным сообществам и культурам [12]. Для Дж. Бейтмана жанр связан с коммуникативной целью и социальным контекстом, что отражает его близость к социальной семиотике. Для Дж. Бейтмана жанр, прежде всего, тесно связан с модусами, которые предоставляет носитель. По мнению Дж. Бейтмана, каждый мультимодальный жанр состоит из определенных семиотических модусов, предоставляемых соответствующим средством (носителем информации). Например, статья в печатной газете связана с семиотическими модусами письменного текста, изображений, типографики и вёрстки. Сочетание модусов может меняться со временем для достижения новых социально-коммуникативных целей жанра, а также для поддержки узнаваемости жанра [13, с. 186]. Соответственно, мультимодальный жанр работает как связующее звено между социальным контекстом и смысловой системой.

Кроме того, можно утверждать, что сторонники семиотико-структурного подхода не анализируют мультимодальные знаки в отдельных текстах, а обращаются к дискурсивным контекстам. Дискурс понимается как социальное взаимодействие, которое материализуется с помощью различных

² В своей монографии 2008 года «Genre and Multimodality» Дж.Бейтман вводит термин «мультимодальный жанр» и определяет жанр как социально значимую деятельность.

знаковых систем в тематически соответствующих текстах [11, с. 128; 14, с. 24; 6, с. 128].

Таким образом, методика исследования мультимодальностей основана на социальной семиотике и близка к анализу текста и дискурса, который представляет собой второй методический подход к изучению мультимодальных текстов. Как описательный, так и критический анализ текста и дискурса всё чаще обращается к мультимодальным явлениям [15; 16; 17; 18]. Если в критическом дискурс-анализе исследуются отношения между социальной властью и использованием знаков, то дескриптивный анализ направлен на описание различных знаковых репрезентаций смысла в тексте и дискурсе. И в том и другом методе распознаются повторяющиеся знаковые структуры в социальной коммуникации. Эти структуры можно обнаружить только в текстах, которые связаны друг с другом множеством интертекстуальных связей. В этом критический и дескриптивный дискурс-анализ отличается от семиотического исследования мультимодальности, которое ориентировано на описание культурного и социального смыслового потенциала отдельных текстов.

Перенос методов анализа текста и дискурса на категории семиотического анализа осуществляется в контексте когнитивного подхода к текстам, применяемого во фреймовой семантике. Здесь рассматривается связь между языковыми единицами и ментальными концептами и предполагается, что категории семантического анализа, такие как модели аргументации, являются не только языковыми, но и концептуальными феноменами, которые реализуются в различных знаковых системах [19, с. 260].

Существующие научные исследования рассматривают мультимодальные дискурсы на двух дискурсивных уровнях: моделей аргументации («топои») и метафор [16; 18]. Цель анализа аргументации – выявить культурно закрепленные образцы рассуждений («топои»). Эти коллективные и концептуальные модели аргументации обеспечивают членов

коммуникативного сообщества культурными знаниями, которые позволяют им делать выводы от неоспоримого аргумента к спорному тезису, поскольку они являются общепринятыми. В рамках конкретной аргументации на основе этих общих знаний можно получить убедительные аргументы для поддержки собственной позиции или опровержения позиции оппонента. В случае мультимодальных текстов аргументация поддерживается как лингвистическими, так и визуальными элементами.

Мультимодальный анализ метафор – это также отдельная область исследований, которая применяет теорию концептуальных метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона³ к мультимодальным формам коммуникации. Концепты понимаются как фундаментальные когнитивные модели человеческого мышления и поведения. Это означает, что метафоры возникают и в других семиотических модусах, помимо языка. Эта теория метафоры изучает вопрос о том, как концепты (targets) переносятся и изменяются (sources) на объекты в других областях (mapping). Чарльз Форсвилль, в частности, развил исследования в области анализа мультимодальной метафоры, описав различные измерения метафоры, представив модель для идентификации пикториальной и мультимодальной метафоры и разработав методы анализа. Он объясняет, что многие метафоры реализуются не в одном, а в двух или трех модусах одновременно. Лингвистические метафоры, такие как «любовь – это война», реализуются только в системе языка. Соответственно, лингвистические метафоры – это мономодальные метафоры. В мультимодальной метафоре область-источник и область-цель представлены в разных модусах: либо язык и изображение, либо язык и звук, либо язык и жесты [20, с. 242].

В качестве примера мультимодальной метафоры мы приводим карикатуру из онлайн-журнала «Euronews», в которой искусственному интеллекту приписывается человекоподобный и даже богообразный вид и

³ Дж. Лакофф и М. Джонсон впервые представили концептуальную теорию метафор в своей широко обсуждаемой книге «Метафоры, которыми мы живем» (англ. «Metaphors We Live By») в 1980 году.

поведение (рис. 1). В этом случае область-источник – антропоморфная машина, и она представлена в модусе изображения. Область-цель – искусственный интеллект в виде человека, который производит отходы, реализуется в модусе языка.

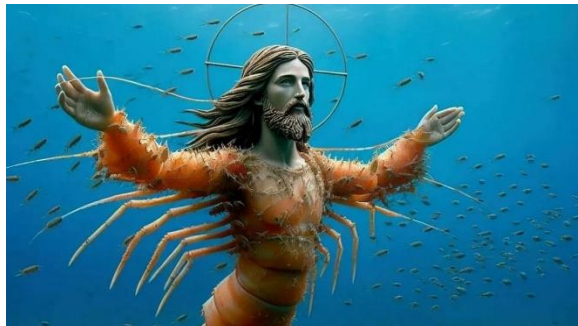

Рис. 1: 'AI slop' is flooding the Internet [Euronews, 2025]

Визуально-вербальная риторика – еще один аналитический подход, который пытается перенести устоявшиеся риторические категории и фигуры на мультимодальные тексты. Риторика как отрасль науки о коммуникации анализирует структуры и механизмы убеждения в общении. В этом смысле Платон уже в «Федре» говорит, что риторика – это «руководство душой» [21, с. 48].

Сочетание вербального и визуального кодов кажется очевидным на фоне главной цели риторики – убеждения. Таким образом, не только оратор, но и художник, и скульптор используют одни и те же средства убеждения. С самого начала риторика, направленная на то, чтобы произвести впечатление, фокусировалась на эффективном сочетании вербальных и визуальных кодов. Еще в V веке до н. э. софист Горгиас говорил, что на душу человека могут влиять и менять ее как образы, так и слова. Образы, как и слова, могут встряхнуть или восхищать, пугать или вселять мужество [22, с. 219].

Исследования вербально-визуальной риторики сосредоточены на описании визуально-вербальных фигур и тропов. По аналогии с лингвистическим каталогом тропов, вербально-визуальная риторика разработала обширную семиотическую классификацию визуально-вербальных фигур и тропов. Их можно разделить на три области убеждения по Аристотелю: логическая последовательность аргументации («логос»),

ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2025. Том 5 №2(18) 82

убедительность и авторитет оратора («этос»), и эмоциональная привлекательность («пафос») [19, с. 264].

В своём труде по теории мультимодальности Г. Кресс подчеркивает, что классическая риторика уже придерживается порождающего подхода. Определение этапов производства, отраженное в теории риторического органона, также является частью анализа мультимодальных текстов. Античность разделяет отдельные этапы производства на инвенцию (нахождение), диспозицию (расположение) и элокуцию (формулирование). Вопрос заключается в том, какие риторические инструменты оратор может использовать, чтобы убедить аудиторию [10, с. 26].

Таким образом, вербально-визуальная риторика входит в область изучения процесса производства мультимодальных текстов, направленного на выявление, осмысление и улучшение методов их создания и организации с учётом выбранной тематики, используемого медиа и типа текста.

Впечатляющим примером является междисциплинарная платформа для изучения производства и написания текста (ipTS), финансируемая Немецким исследовательским фондом (DFG).⁴ Платформа применяется для комплексного анализа всех стадий создания сложных семиотических продуктов – от Интернет-рекламы до научных работ, – включая изучение промежуточных этапов процесса, сопровождаемых изменениями в медиальности и модальности, вроде рукописных заметок и визуализации идей перед финальным текстом [19, с. 253].

В исследованиях по созданию и в исследованиях по рецепции мультимодальных текстов предпринимается попытка целостного восприятия феномена мультимодальности путем изучения не только готового текстового продукта. Одним из примеров исследования восприятия мультимодальных текстов является работа Х.-Г. Бухера по отслеживанию движения глаз при чтении. Результаты этого исследования служат основой для анализа восприятия и понимания мультимодальных текстов [3, с. 124]. Для анализа

⁴ https://rwth-aachen.de/global/show_document.asp?id=aaaaaaaaabumnt

отдельных мультимодальных текстов исследование их производства и рецепции имеют определенное значение, потому что, если мы знаем, как читаются соответствующие тексты, это влияет на их интерпретацию.

Важной новейшей областью исследований мультимодальности является изучение типографики. Подобно тому, как устная речь дополняется паравербальной модальностью интонации и невербальной модальностью жестов и мимики, письменная речь может восприниматься только через визуальный дизайн, такой как типографика и верстка. Термин «типографика» расширился и сегодня обозначает как дизайн, то есть планирование и производство текста, созданного с использованием определенных техник, так и визуальную и тактильную форму текста, а также изучение дизайна текста. Лингвистику в первую очередь интересует второе значение термина «типографика». Стилистически ориентированные исследования посвящены изучению влияния шрифта и модусов цвета на формирование смысла текста. Кроме того, они изучают, как отдельные фрагменты текста отделяются друг от друга с помощью дизайна текста и как предопределяются пути рецепции. Типографика также включает в себя транстекстуальные вопросы, например, как различные тексты ссылаются друг на друга через дизайн текста [23, с. 106-107].

Изобразительный характер шрифта становится все более актуальным, поскольку раскрывает интенцию автора или создателя текста. Материальность шрифта анализируется как способ, который формирует смысл и играет роль в создании жанров и дискурсов [24; 25; 26]. Несмотря на растущий интерес к формальным аспектам текста, научные работы по типографике ещё не оформились в единое направление исследований. Книговедение, литературоведение, психолингвистика, медиа и коммуникация, история – все эти дисциплины занимаются вопросами типографики. Таким образом, типографика не является исключительно лингвистическим предметом [23, с. 104].

Ранние лингвистические исследования типографики фокусировались преимущественно на ярких формах, используемых в рекламе. Лишь с появлением концепции мультимодальности, развившейся под влиянием социальной семиотики, форма стала пониматься как критерий текстуальности. Сегодня типографика рассматривается как важный аспект анализа текста наряду с такими критериями, как когезия, связность, интенциональность, информативность, ситуативность и интертекстуальность [23, с. 105].

Заключение

В данной работе представлены различные подходы к изучению мультимодальных текстов, а также описаны их конкретные методы и цели. Первым подходом, благодаря которому и возникли исследования мультимодальности, является вербально-визуальная семиотика. К теоретическим основам этого подхода относится системно-функциональная лингвистика М. Халлидея, согласно которой тексты создаются для социальных целей, а также семиотический модус изображения. Цель вербально-визуальной семиотики – показать, как генерируется и структурируется знание в условиях взаимодействия текстов и изображений в коммуникации. Вторым исследовательский подход – мультимодальный анализ текста и дискурса, который направлен на выявление повторяющихся паттернов (образцов) в модусах языка и изображения путем анализа корпуса текстов, связанных интертекстуальными ссылками. Третий подход – мультимодальный анализ метафор – близок ко второму подходу, поскольку оба рассматривают мультимодальные языковые явления с когнитивной точки зрения, выявляют и анализируют ментальные модели, проявляющиеся в сочетании языка и изображения. Четвертый подход к мультимодальным текстам – визуально-вербальная риторика. В рамках этого подхода дается ответ на вопрос, каким образом главная цель риторики – убеждение – достигается с помощью сочетания языка и изображения. В современной лингвистике мультимодальность все чаще занимает центральное место в

исследованиях рецепции и производства текстов, что может быть названо пятым подходом. Этот подход направлен на изучение восприятия и создания мультимодальных текстов на основе эмпирических исследований. Последний подход – типографика – связан с влиянием изобразительного использования шрифта на формирование смысла.

Следует отметить, что представленные методологические подходы не являются взаимоисключающими, а могут использоваться в комбинации. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что одни подходы применимы для анализа любого типа мультимодальных связей, например, вербально-визуальная семиотика. Другие подходы предназначены только для описания отдельных мультимодальных связей, например, вербально-визуальная риторика, которая рассматривает только взаимную связь между языком и изображением в создании смысла. Еще одно отличие представленных методов заключается в том, что некоторые из них рассматривают механизм связи отдельных модальностей, например, мультимодальный анализ метафор, в то время как другие анализируют мультимодальные ссылки в более широком контексте, таком, как анализ текста и дискурса.

© Кёпке К., 2025

Список источников

1. Sachs-Hombach K. Bildtheorien. Anthropologische und kulturelle Grundlagen des Visualistic-Turns. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2009. – 437 s.
2. Kress G. Literacy in the New Media Age. – London: Routledge, 2003. – 208 p.
3. Bucher H.-J. „Man sieht, was man hört“ oder Multimodales Verstehen als interaktionale Aneignung. Eine Blickaufzeichnungsstudie zur audiovisuellen Rezeption. In: Jan Georg Schneider/Hartmut Stöckl (Hrsg.): Medientheorien und Multimodalität. Ein TV-Werbespot – Sieben methodische Beschreibungsansätze. – Köln, 2011. – Ss. 109-150.
4. Jewitt C. The Routledge Handbook of Multimodal Analysis. 2nd edition. – London: Routledge, 2014. – 562 p.
5. Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. Second Edition. – London: Routledge, 2006. – 288 c.
6. Bateman J., Wildfeuer J., Hiippalle T. Multimodality. Foundations, Research and Analysis. A Problem Oriented Introduction. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. – 424 p.
7. van Leeuwen T. Introducing Social Semiotics. – London: Routledge, New York, 2005. – 301 p.
8. Stöckl H. Multimodalität – Semiotische und textlinguistische Grundlagen. In: Stöckl, Hartmut, Klug, Nina-Maria (HG) Handbuch Sprache im multimodalen Kontext. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2016. – Ss. 3-35.

9. van Leeuwen T. Semiotic and Iconography. In: Leeuwen, van Theo; Jewitt, Carey (ed.): *Handbook of Visual Analysis*, London: Routledge, 2001. – Ss. 92-118.
10. Kress G. *Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication*. – London, New York: Routledge, 2010. – 212 p.
11. Halliday M.A.K. *Language as social semiotic. The social interpretation of language and meaning*. – London: Edward Arnold, 1978. – 256 p.
12. MODE (2012). *Glossary of multimodal terms* [National Centre for Research Methods]. Available at: <https://multimodalityglossary.wordpress.com/genre/> (accessed 12 February 2025).
13. Bateman J. *Multimodality and Genre. A Foundation for the Systematic Analysis of Multimodal Documents*. – London: Palgrave Macmillan, 2008. – 331 p.
14. Kress Gunther/van Leeuwen, Theo *Multimodal Discourse. The modes and media of contemporary communication*. – London: Bloomsbury Academic, 2017. – 142 p.
15. Mayr Andrea *Multimodal Critical Discourse Analysis (MCDA)*. In: Stöckl, Hartmut, Klug, Nina-Maria (HG) *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2016. – Pp. 261-276.
16. Tereick J. *Klimawandel im Diskurs: Multimodale Diskursanalyse Crossmedialer Corpora*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2016. – 443 p.
17. Sorokina Iu. V. *Poniatie mul'timodal'nogo lektsionnogo diskursa*. – Tabov: Gramota, 2017. – Pp. 168-170.
18. Egbert S. *Diskurs und Materialität. Eine Dispositivanalyse des Drogentests*. – Wiesbaden: Springer, 2022. – 348 p.
19. Klug N.-M., Stöckl H. *Sprache im multimodalen Kontext*. In: Felder, Ekkehard, Gardt, Andreas (HG): *Handbuch Sprache und Wissen*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2015. – Pp. 242-264.
20. Forceville C. *Pictorial and multimodal Metaphor*. In: Stöckl, Hartmut, Klug, Nina-Maria (HG) *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2016. – Pp. 241-260.
21. Knappe J. *Multimodalität aus rhetoriktheoretischer Sicht // IMAGE. Zeitschrift für interdisziplinäre Bildwissenschaft*. – 2018. – Heft 28, Jg. 14. Nr. 2. – Pp. 47-60. DOI: <https://doi.org/10.25969/mediarep/16403>.
22. Koch N., Schirren T. *Verbal-visuelle Rhetorik*. In: Stöckl, Hartmut, Klug, Nina-Maria (HG) *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2016. – Pp. 217-20.
23. Spitzmüller J. *Typographie – Sprache als Schriftbild*. In: Stöckl, Hartmut, Klug, Nina-Maria (HG) *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2016. – Pp. 99-120.
24. Crystal D. *Toward a typographical linguistics // Type. A Journal of the Association Typographique Internationale*. – 1998. – 2 (1). – Pp. 7-23.
25. Fix U. *Nichtsprachliches als Textfaktor. Medialität, Materialität, Lokalität // Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. – 2008. – 36 (3). – Pp. 343-354.
26. Spitzmüller J. *Graphische Variation als soziale Praxis. Eine soziolinguistische Theorie skripturaler ‚Sichtbarkeit‘*. – Berlin/Boston: de Gruyter, 2013. – 521 p.

References

1. Sachs-Hombach K. *Bildtheorien. Anthropologische und kulturelle Grundlagen des Visualistic-Turns*. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2009. – 437 s.
2. Kress G. *Literacy in the New Media Age*. – London: Routledge, 2003. – 208 p.
3. Bucher H.-J. „Man sieht, was man hört“ oder Multimodales Verstehen als interaktionale Aneignung. Eine Blickaufzeichnungsstudie zur audiovisuellen Rezeption. In: Jan Georg Schneider/Hartmut Stöckl (Hrsg.): *Medientheorien und Multimodalität. Ein TV-Werbepot – Sieben methodische Beschreibungsansätze*. – Köln, 2011. – Ss. 109-150.

4. Jewitt C. *The Routledge Handbook of Multimodal Analysis*. 2nd edition. – London: Routledge, 2014. – 562 p.
5. Kress G., van Leeuwen T. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. Second Edition. – London: Routledge, 2006. – 288 c.
6. Bateman J., Wildfeuer J., Hiippalle T. *Multimodality. Foundations, Research and Analysis. A Problem Oriented Introduction*. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. – 424 p.
7. van Leeuwen T. *Introducing Social Semiotics*. – London: Routledge, New York, 2005. – 301 p.
8. Stöckl H. Multimodalität – Semiotische und textlinguistische Grundlagen. In: Stöckl, Hartmut, Klug, Nina-Maria (HG) *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2016. – Ss. 3-35.
9. van Leeuwen T. Semiotic and Iconography. In: Leeuwen, van Theo; Jewitt, Carey (ed.): *Handbook of Visual Analysis*, London: Routledge, 2001. – Ss. 92-118.
10. Kress G. *Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication*. – London, New York: Routledge, 2010. – 212 p.
11. Halliday M.A.K. *Language as social semiotic. The social interpretation of language and meaning*. – London: Edward Arnold, 1978. – 256 p.
12. MODE (2012). *Glossary of multimodal terms* [National Centre for Research Methods]. Available at: <https://multimodalityglossary.wordpress.com/genre/> (accessed 12 February 2025).
13. Bateman J. *Multimodality and Genre. A Foundation for the Systematic Analysis of Multimodal Documents*. – London: Palgrave Macmillan, 2008. – 331 p.
14. Kress Gunther/van Leeuwen, Theo *Multimodal Discourse. The modes and media of contemporary communication*. – London: Bloomsbury Academic, 2017. – 142 p.
15. Mayr Andrea *Multimodal Critical Discourse Analysis (MCDA)*. In: Stöckl, Hartmut, Klug, Nina-Maria (HG) *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2016. – Pp. 261-276.
16. Tereick J. *Klimawandel im Diskurs: Multimodale Diskursanalyse Crossmedialer Corpora*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2016. – 443 p.
17. Sorokina Iu. V. *Poniatie mul'timodalnosti i voprosy analiza mul'timodal'nogo leksionnogo diskursa*. – Tabov: Gramota, 2017. – Pp. 168-170.
18. Egbert S. *Diskurs und Materialität. Eine Dispositivanalyse des Drogentests*. – Wiesbaden: Springer, 2022. – 348 p.
19. Klug N.-M., Stöckl H. *Sprache im multimodalen Kontext*. In: Felder, Ekkehard, Gardt, Andreas (HG): *Handbuch Sprache und Wissen*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2015. – Pp. 242-264.
20. Forceville C. *Pictorial and multimodal Metaphor*. In: Stöckl, Hartmut, Klug, Nina-Maria (HG) *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2016. – Pp. 241-260.
21. Knappe J. *Multimodalität aus rhetoriktheoretischer Sicht // IMAGE. Zeitschrift für interdisziplinäre Bildwissenschaft*. – 2018. – Heft 28, Jg. 14. Nr. 2. – Pp. 47-60. DOI: <https://doi.org/10.25969/mediarep/16403>.
22. Koch N., Schirren T. *Verbal-visuelle Rhetorik*. In: Stöckl, Hartmut, Klug, Nina-Maria (HG) *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2016. – Pp. 217-20.
23. Spitzmüller J. *Typographie – Sprache als Schriftbild*. In: Stöckl, Hartmut, Klug, Nina-Maria (HG) *Handbuch Sprache im multimodalen Kontext*. – Berlin und Boston: de Gruyter, 2016. – Pp. 99-120.
24. Crystal D. *Toward a typographical linguistics // Type. A Journal of the Association Typographique Internationale*. – 1998. – 2 (1). – Pp. 7-23.
25. Fix U. *Nichtsprachliches als Textfaktor. Medialität, Materialität, Lokalität // Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. – 2008. – 36 (3). – Pp. 343-354.

26. Spitzmüller J. Graphische Variation als soziale Praxis. Eine soziolinguistische Theorie skripturaler ‚Sichtbarkeit‘. – Berlin/Boston: de Gruyter, 2013. – 521 p.

Кёпке Катрин | доцент кафедры линводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия
koepekathrin@yahoo.de

Köpke Katrin | associate professor, department of linvodidactics, Perm state national research university, Perm, Russia
koepekathrin@yahoo.de

Научная статья

УДК 81'1

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-90-101>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная
лингвистика

ТЕРМИН, НОМЕН, СИМВОЛ – МЕТАЯЗЫК МУЗЫКИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ⁵

Валентина Григорьевна Кульпина

Институт информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), отдела языкознания,
Москва, Россия

vgrkulpina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам терминологии на материале языка музыки, рассматриваемого как часть языковой культуры социума. В центре статьи находятся категории *термина* и *номена*, являющиеся ключевыми понятиями терминоведения. Устанавливаются различия между этими типами языковых единиц. При этом понятийность причисляется к основополагающим признакам термина. На материале ряда музыкальных словарей освещаются проблемы лексикографирования музыкальных терминов. Проблемы терминологии музыки рассматриваются на фоне метаязыка музыки как такового.

Ключевые слова: термин, символ, метаязык, словарь, лексикография

Для цитирования: Кульпина В.Г. Термин, номен, символ – метаязык музыки и проблемы его лексикографической фиксации // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – №2. – С. 90-101. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-90-101>

Original article

TERM, NOMEN, SYMBOL – METALANGUAGE OF MUSIC AND PROBLEMS OF ITS LEXICOGRAPHY FIXATION

Valentina G. Kulpina

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INSIOSS of RAS), department of
linguistics, Moscow, Russia

vgrkulpina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the questions of terminology on the material of the language of music which is considered as a part of language culture of society. The article is focused on the categories of the term and nomen which are the key notes of terminology studies. The difference between such types of language unites is determined. For all that conceptuality is considered as a basic indication of the term. The lexicographical description of musical terms is elucidated on the material of some music dictionaries. The problems of music terminology are considered against the background of the metalanguage of music.

Key words: term, symbol, metalanguage, dictionary, lexicography

For citation: Kulpina V.G. The term, nomen, symbol – metalanguage of music and problems of its lexicography fixation, Linguistics & education, 2025. – Vol. 5 – No. 2. – Pp. 90-101. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-90-101>

Статья написана по докладу «Термин, номен, символ – метаязык музыки и проблемы его лексикографической фиксации» на «Международной научной конференции «Термин и номен: музыкальный текст поверх барьеров» в Московской государственной консерватории 13-14 марта 2025 г.

Введение

Терминология любой сферы, в том числе музыкальная терминология, является частью культуры социума и, в частности, его языковой культуры. Как пишет В.М. Алпатов, «первостепенным компонентом культуры каждого народа является языковая культура, в которую входят использование языка в тех или иных сферах жизни теми или иными людьми, особенности воззрений на язык, языковые картины мира и др.» [3, с. 7]. Использование языка для презентации музыкальных смыслов представляет собой совершенно особую сферу языковой культуры, чрезвычайно интересную с точки зрения целого ряда областей гуманитарного знания, в том числе и терминоведения. Ключевыми категориями этой отрасли знаний являются *термин* и *номен*.

Актуальность представленного в статье исследования продиктована наличием в сфере музыкальной терминологии ряда терминологических проблем, связанных с описанием терминологии, составлением дефиниций и лексикографической презентацией в специальных словарях и энциклопедиях. Проблемой является сам состав музыкальной терминологии, осмысление вопроса, что можно считать номеном – то есть частью номенклатуры музыкальной сферы, как отличить базовые терминологические сущности, на которых зиждется музыкальная терминология, от номенов – языковых единиц, тяготеющих к номенклатуре отрасли.

Целью работы является осмысление проблематики отделения номенов от терминов в сфере музыкальных знаний, а также представление проблематики терминологизации языковых единиц с компонентами цвета и света. Среди решаемых задач было формирование критериев принадлежности языковых единиц музыкальной сферы к терминологии или к номенклатуре. В связи с выделением разнообразных языковых единиц обсуждается проблема их описания в словарях, решение задач их включения в состав словарей на постоянной основе. Среди применяемых лингвистических методов исследования – дескриптивно-аналитический метод, метод дефиниционного и контекстуального анализа. Рассматриваются

проблемы терминологизации ряда языковых единиц, повсеместно употребляемых в метаязыке описания музыки. Предпринята систематизация проблем лексикографирования музыкальной терминологии.

1. *Термин и номен как типы языковых знаков*. В.А. ТатаринOV определяет термин как «языковой знак (слово или словосочетание), соотнесенный со специальным понятием». К разряду терминов ученый относит «слова, традиционно относимые в общественно-языковой практике к терминам, и слова, квалифицируемые отраслевыми специалистами как термины» [11, с. 239].

Далее автор пишет: «существование термина и номена обусловлено именно различием в степени абстрактности их понятийной основы [...]. Четкой границы между ними, однако, провести невозможно, как невозможно установить границу между общим и отдельным в логике [...]. При этом, несмотря на сложность взаимодействия (разграничения) термина и номена, ясно очерчивается в понятийном отношении абстрактность (обобщенность) термина и конкретность (единичность) номена» [11, с. 253-254].

Термин – это одно из базовых понятий отрасли. У термина есть дефиниция. Согласно суждению В.А. ТатаринOVA, «Если дефиниция термина устанавливает обычно границы обозначаемого термином понятия, то определение номенклатурного знака обычно носит отсылочный характер или имеет форму инструкции, описания...» [11, с. 254]. Номенклатура предоставляет нам инвентарный перечень каких-либо зафиксированных в данной отрасли объектов: номен можно продемонстрировать, показать, но для термина остенсивная форма презентации невозможна.

Термин является базовой единицей терминологии какой-либо отрасли и вместе с тем главным базовым понятием терминоведения как науки о термине. Номен же является для отрасли идентификационным знаком. Терминологию музыки образуют специальные термины. При этом номены формируют отраслевой инвентарь, инвентарный перечень. Термины музыки составляют специальную терминосистему. По степени терминологичности

выделяются термины и терминонимы (то есть терминоподобные единицы). Проблема разграничения терминов и номенов в целом связана с отграничением терминов от нетерминов, о чем пишет, в частности, А.Д. Хаютин [14, с. 17-24].

Понятие номена является более новой категорией терминоведения, чем термин, на что обращает внимание А.В. Суперанская [10. 2003, с. 136-140]. Номен возник потому, что «нередко невозможно дать название каждой инвентарной единице какой-л. отрасли – состоящей из естественных объектов (в ботанике) или артефактов (в автомобилестроении). В этом случае может применяться нумерация или какие-то другие опознавательные номенклатурные знаки (напр. *КамАЗ-5320*) [...]. Номенклатура, хотя и сопряжена с понятиями, более предметно направлена. Она неисчислима. Терминология каждой науки исчислима, ибо словесно отражает систему ее понятий» [10, с. 138]. При этом «тесная связь номенов с именуемыми предметами выводит их из специального поля науки и делает возможным включение в любой контекст» [10, с. 139]. И далее: «Понятийность – самая важная характеристика терминов. Понятийность номенов не столь очевидна и отчетлива. Основным для них является вещественность или предметность в зависимости от характера обозначаемых ими объектов» [10, с. 139]. Термины являются частью терминологического поля: «Для каждого термина очень существенную роль играет терминологическое поле, в которое он входит и понятия которого обозначает. Для специалиста достаточно бывает упоминания этого поля [...]. Упоминание поля может заменяться включением термина в контекст, который помогает в данном случае судить, к химии, физике или ботанике относится тот или иной термин. Понятийность номенов может быть остаточной условной. Единицы, обозначаемые с помощью номенов, не обязательно определяются с помощью логических описаний. Они могут характеризоваться и с помощью *demonstratio ad oculos*» [10, с. 139].

Обращаясь к сфере музыки, отметим, что *клавиша* может быть частью музыкальной терминологии как части клавишного инструмента. Однако терминологичность этого слова может и не ощущаться вне музыкального пространства и вне теории музыки – например, в информатике. В музыкальной среде сами специалисты решают для себя вопрос, является ли термином данная языковая единица или не является.

Канифоль, как и многие артефакты, может трактоваться как номен, не как термин. Однако музыканты, играющие на струнных инструментах, имеют право считать канифоль своим термином. В терминоведении специально оговаривается, что если специалист считает какое-то слово своим термином, то правота за ним, значит, это слово (или словесный комплекс) является термином. Мнение специалиста здесь критериально. Термин, «допускает неоднозначное толкование, в то время как номен имеет строго однозначную соотнесенность с денотатом и не допускает различного толкования [...]». Термин в системе логико-мыслительных категорий соотносится с абстрактным понятием, а номен с конкретным представлением» [13, с. 234].

Терминология музыки характеризуется как тематическим разнообразием, так и чисто грамматическим. Разумеется, к терминологии музыки непосредственно относятся термины-существительные, обозначающие жанры музыкальных произведений: *опера, рапсодия, серенада, симфония, скерцо, сюита, fuga, этюд* и др. Однако, наверное, ни в одной другой терминологии мы не встретим такого разнообразия наречных образований, преимущественно иноязычных, которые указывают, в частности, на темп исполнения музыкальных произведений – *аллегро, модерато*, и способ исполнения – например, *пиццикато* и др. В метаязык музыки входит и целый ряд регулярных эпитетов свето-цветовой природы (*яркий, красочный, светлый* – *светлая мелодия* в значении ‘лирическая мелодия’) [6, с. 110-118], необходимых для характеристики звучания музыкальных произведений. И вся эта разнообразнейшая палитра

непосредственно являет собой терминологию музыки и ее метаязык. Можно утверждать, что подавляющее большинство музыкальных терминов представляет собой интернационализмы-европеизмы, однако есть и термины, пришедшие из более дальних и экзотических краев [1, с. 32-36]. Г. Домбковски выделяет три типа интернационализмов, среди них: «итальяноязычные указания по исполнению, кодификацию которых следует приписать исключительному месту итальянской музыки в европейской культуре» [1, с. 36]; названия музыкальных инструментов, пришедшие из разных языков; греко-латинские названия некоторых общих теоретических понятий – наследие периода, когда латынь была языком европейским, а также более поздние, искусственно созданные заимствования, типичные для всех наук» [1, с. 36].

Каковы номены в музыке? Чем они отличны от терминов? В развитых, устоявшихся терминологиях с давними традициями, древними истоками, какой является терминология музыки, можно усмотреть следующие различия между термином и номеном. К примеру, *ноктюрн* – это очевидный термин музыки. Однако *ноктюрн Шопена № 1 фа минор соч. 55* относится к номенам, то есть к номенклатуре музыки, ее номенклатурным знакам.

Термин внутри своей отрасли не может выступать в роли символа. Каким символическим звучанием мы можем наделить такие, например, термины, как *система, структура, динамика, давление*? Они не могут быть символами и не могут быть номенами. Они имеют понятийное содержание, которое различается в зависимости от области знаний. Например, *кровяное давление* и *давление на опоры моста* или *структура сознания* и *структура цемента*. Однако у номена символическая функция может обозначиться. Это обусловлено тем, что «Символы формируются в ходе процессов познания действительности под определенными широтами и становятся неделимой частью общекультурного пространства народа, породившего их или перенявшего их из других лингвокультур» [7, с. 13]. Будем исходить из того, что символы образуют символические смыслы, и, как указывает В.И.

Карасик, «символические смыслы представляют собой метафорическое расширение исходного значения и могут быть объективно установлены путем анализа контекста и ассоциативного поля слова...» [5, с. 151]. Например, *Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского* (концерт для фортепиано с оркестром № 1 си-бемоль минор Чайковского) – это и номен, но в то же время, как показывает контекстуальный и ассоциативный анализ, это есть символ, выросший до общепризнанного символа красоты музыки Петра Ильича Чайковского и символ красоты русской музыки в целом.

Симфония № 7 Дмитрия Шостаковича – это часть номенклатуры отрасли. Но вместе с тем это символ. Репетиции симфонии проходили в блокадном Ленинграде. Музыканты были истощены и измождены жизнью в осажденном городе. Но ленинградская премьера состоялась. И именно ленинградская премьера преобразовала 7 симфонию в символ – она стала символом непокоренного блокадного Ленинграда. В сознании наших людей эта симфония навсегда связана с ее премьерой в блокадном Ленинграде (хотя ранее самой первой премьерой стало исполнение симфонии в Куйбышеве; потом были премьеры и в других городах, в исполнении других оркестров). Номенклатурный знак «Седьмая симфония Шостаковича» преобразовался в символ в память о том, в каких условиях жизни проходили репетиции оркестра и сама ленинградская премьера симфонии. Продолжу цитату из В.И. Карасика: «Символический смысл может быть практически у любого предмета, явления или события и, соответственно, у языковых или неязыковых знаков, обозначающих эти предметы» [5, с. 151].

2. Проблемы лексикографирования музыкальной терминологии.

Интересно, что не во всех словарях музыкальной терминологии отмечены термины-наречия типа *Andante* – ‘не спеша, спокойно’, *Allegretto* – ‘оживленно’, хотя они являются неотъемлемой частью музыкальной терминологии. В ряде таких словарей внимание сосредоточено исключительно на терминах-существительных [9]. Термины представляют

собой обобщенные базовые «концентраты» важнейших понятий отрасли. Именно они фиксируются в терминологических словарях вместе с их дефинициями, раскрывающими их содержание. При этом дефиниция есть у каждого термина, а отсутствие таковой у языковой единицы означает, что она не является термином. Для номенклатурных названий – номенов – имеются другие типы изданий. Термины высоко абстрактны и имеют дефиниции. Номен же относится к номенклатуре отрасли, к ее конкретным объектам. Так, если *танк* – это термин, то *танк Т-34* – это номен – с присущим ему номенклатурным названием. Но в то же время – для нас он имеет символическую значимость как символ победы Советского Союза во второй мировой войне.

3. *Метаязык музыки: базовый состав.* Метаязык музыки чрезвычайно разнообразен и является производной напластований эпох и вклада в это разнообразие разных народов и этносов, разных наук и искусств. Метаязык музыки вбирает в себя материал из разных областей науки и искусств. Терминологические словари призваны фиксировать, к примеру, такие постоянные словосочетания с цветосветовой и огневой образностью как постоянную, неделимую часть музыкального языка. К примеру, в формировании метаязыка музыки и музыкальной картины мира в целом отмечается широкое участие цветковых, световых и огневых компонентов из сферы физики, живописи и других наук и искусств – *спектр, светлый образ, красочное звучание* и др. Поэтому можно утверждать, что «В терминологии музыки функционирует целая семья терминов, берущих свое начало от понятия хроматизма [...]; смена лада регулярно описывается как смена освещения, что свидетельствует о терминологизации метафорического образа...» [6, с. 114].

Выводы

Вопрос отделения терминологии от номенклатуры отрасли является непростой проблемой, решению которой посвящена данная статья. В качестве номенов нами были выделены конкретные музыкальные

произведения, занимающие определенное место в музыкальном фонде каждой страны, а также в мировом фонде. Некоторые номены в процессе своего функционирования в отечественной и международной музыкальной жизни превратились в символы, важные для данного лингвосоциума и – шире – для мировой культуры. Таков, например, Первый концерт Петра Ильича Чайковского, за десятилетия своей жизни в социуме превратившийся в символ русской музыки, и Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича, получившая название *Ленинградская* и ставшая символом непокоренного блокадного Ленинграда. В качестве номенов (эвентуально на стадии предтерминов) были выделены такие языковые единицы, отнесение которых к терминам или номенам зависит от мнения специалистов, которые могут причислить их к терминам отрасли или просто к используемым музыкантами артефактам, не связанным с каким-либо обобщением профессиональных знаний.

Словарная фиксация особенностей метаязыка музыки является терминоведческой проблемой. При обращении к словарям и энциклопедиям в таковых обнаружены лишь некоторые термины, связанные со светоцветовым и огненным языком музыки – такие, как *хроматизм*, *колорит*, *цветной слух* и некоторые другие [2; 4; 8; 9]. Многие необходимые и универсальные языковые единицы для передачи музыкального впечатления не получили лексикографической фиксации в словарях.

В результате анализа текстов, посвященных вербальному описанию музыкальных произведений, может быть сделан вывод о том, что некоторые языковые единицы, в том числе со световым и цветовым компонентами, в связи с регулярностью их употребления, могут быть оценены как термины или предтермины. Таких терминов имеется уже весьма значительное количество. При этом не только метаязык, но и сам костяк терминологии музыки во многом опирается на светоцветовую метафору для передачи эстетических музыкальных смыслов и формирования музыкальной картины мира. Примечательно, что светоцветовые выразительные средства могут

использоваться в дефиниции терминов. Так, например, в дефиниции термина *тембр* присутствует слово *краска*. Информативность цвето- и светоносных средств выражения музыкальной эмоции исключительно высока. Можно утверждать, что это чрезвычайно интересный пласт музыкальной эстетики, достоин пристального внимания музыковедов именно с точки зрения процессов терминологизации этих языковых единиц.

© Кульпина В.Г., 2025

Список источников

1. Dąbkowski G. Odbicie europejskiej wspólnoty kulturalnej w terminologii muzycznej // *Opisać słowa / pod redakcją Andrzeja Markowskiego*. Warszawa: ELIPSA, 1992. – Ss. 32-36.
2. Акоюн Л.О. Музыка XX века: Энциклопедический словарь. М.: Практика, 2010. – 855 с.
3. Алпатов В.М. Япония: Язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. – 208 с. (*Studia philologica*).
4. Ермакова О.К. Музыкальные термины: краткий словарь для ДМШ и ДШЦ Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 143 с.
5. Карасик В.И. Языковая лестница познания: монография. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – 462 с.
6. Кульпина В.Г. Цветосветовые ментальные образы как элемент музыкальной эмоции и метаязыка воображения // *Мир психологии*. Научно-методический журнал. Москва – Воронеж, 2002. – № 4 (32). Октябрь – декабрь. – С. 110-118.
7. Кульпина В.Г., Татаринев В.А. Научная символика в российской науке и в общекультурном пространстве // *Известия Южного Федерального университета*, 2019. – № 3. – С. 12-20.
8. Музыкальная энциклопедия: В 6 т. / Гл. редактор. Ю.В. Келдыш М.: Советская энциклопедия; Советский композитор, /1973-1982. Гл ред. Ю.В. Келдыш.
9. Сеженский К.К. Краткий словарь музыкальных терминов / Под общей редакцией А.А. Альшанга. М.: Гос. филармония, 1948. – 72 с.
10. Суперанская А.В. Терминология и номенклатура (1976) // Татаринев В.А. История отечественного терминоведения. Т. 3. Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973–1993): Хрестоматия. М.: Московский Лицей, 2003. – С. 136-140.
11. Татаринев В.А. Теория терминоведения. Т. 1 Теория термина: история и современное состояние. М.: Московский Лицей, 1996. – 311 с.
12. Татаринев В.А. История отечественного терминоведения. Т. 3. Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973-1993): Хрестоматия. М.: Московский Лицей, 2003. – 400 с. (Библиотека журнала «Русский Филологический Вестник». Т. 41).
13. Татаринев В.А. Терминологическая классификация терминов // Татаринев В.А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский Лицей, 2006. – С. 231-239.
14. Хаютин А.Д. Термин, терминология, номенклатура. Раздел «Об основных направлениях терминологической работы» 1972 // Татаринев В.А. История отечественного терминоведения. Т. 3. Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973-1993): Хрестоматия. М.: Московский Лицей, 2003. – С. 17-24.

References

1. Dąbkowski G. Odbicie europejskiej wspólnoty kulturowej w terminologii muzycznej [The reflection of European cultural community in musical terminology] // Opisać słowa / pod redakcją Andrzeja Markowskiego. – Warsaw, ELIPSA, – 1992. – Pp. 32-36.
2. Akopyan L.O. Muzyka XX wieku: Encyklopedyczny słownik [The music of XX century: encyclopaedia]. – Moscow, Praktika, 2010. – 855 p.
3. Alpatov V.M. Japoniya: Yazyk i kul'tura [Japan: Language and culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, – 2008. – 208 p. (Studia philologica).
4. Ermakova O.K. Muzykal'nye terminy: kratkiy slovar' dlya DMSH i DShC [Musical terms: the short dictionary for the musical schools for children]. – Rostov-on-Don, Fenins, 2002. – 143 p.
5. Karasik V.I. Yazykovaya lestnitsa poznaniya: monografiya [The language stairs of cognition: monograph]. Moscow, Pushkin state institute of Russian language, 2022. – 462 p.
6. Kul'pina V.G. Cvetosvetovye mental'nye obrazy kak element muzykal'noj emocii i metazyka voobrazheniya [The colour and light mental shape as an element of musical emotion and metalanguage of imagination] // Mir psichologii. Nauchno-metodicheskij zhurnal. Moscow – Voronezh. 2002. – No 4 (32). Oktyabr' – dekabr', – Pp. 110-118.
7. Kul'pina V.G., Tatarinov V.A. Nauchnaya simbolika v rossijskoj nauke i v obshchekul'turnom prostranstve [The scientific symbols in Russian science and in general cultural space], Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta, 2019. – No 3. – Pp. 12-20.
8. Muzykal'naya enciklopediya: V 6 t. [The music encyclopaedia: 6 v.] / Gl. red. Yu.V. Keldysh. Moscow, Sovetskaya enciklopediya; Sovetskij kompozitor / 1973-1982. Yu.V. Keldysh (Chief Editor).
9. Sezhenskij K.K. Kratkiy slovar' muzykal'nykh terminov [The short dictionary of musical terms] / Pod obshchej redakciej A.A. Al'shanga. – Moscow, Gos. filarmoniya, 1948. – 72 p.
10. Superanskaya A.V. Terminologiya i nomenklatura (1976) [The terminology and the nomenclature (1976)] // Tatarinov V.A. Istoriya otechestvennogo terminovedeniya. – V. 3. Aspekty i otrasli terminologicheskikh issledovanij (1973–1993): Hrestomatiya. – Moscow, Moskovskij Licej, 2003. – Pp. 136-140.
11. Tatarinov V.A. Teoriya terminovedeniya. T. 1 Teoriya termina: istoriya i sovremennoe sostoyanie [The theory of terminology. – V. 1. The theory of term: the history and the contemporary state]. – Moscow, Moskovskij Licej, 1996. – 311 p.
12. Tatarinov V.A. Istoriya otechestvennogo terminovedeniya. T. 3. Aspekty i otrasli terminologicheskikh issledovanij (1973–1993): Hrestomatiya [The history of Russian terminology studies. V. 3. The aspects and branches of terminology researches (1973–1993): Anthology]. – Moscow, Moskovskij Licej, 2003. – 400 p. (Biblioteka zhurnala «Russkij Filologicheskij Vestnik». V. 41).
13. Tatarinov V.A. Terminologicheskaya klassifikaciya terminov [The terminological classification of the terms] // Tatarinov V.A. Obshchee terminovedenie: enciklopedicheskij slovar'. – Moscow, Moskovskij Licej, 2006. – Pp. 231-239.
14. Hayutin A.D. Termin, terminologiya, nomenklatura. Razdel «Ob osnovnykh napravleniyah terminologicheskoy raboty» 1972 [The term, terminology and nomenclature. Part “About the main directions of terminology work”] // Tatarinov V.A. Istoriya otechestvennogo terminovedeniya. T. 3. Aspekty i otrasli terminologicheskikh issledovanij (1973-1993): Hrestomatiya [Aspects and branches of terminological research (1973-1993): Anthology]. – Moscow, Moskovskij Licej, – 2003. – Pp. 17-24.

Кульпина

Валентина Григорьевна

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Москва, Россия
vgkulpina@mail.ru

**Kulpina
Valentina Grigoryevna**

doctor of philology, associate professor, leading researcher,
Institute of scientific information on social sciences (ISISS) of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vgrkulpina@mail.ru

Научная статья

УДК 81'42:821.161.1

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-102-117>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная
лингвистика

ЦВЕТ АНЕМОНЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕГМЕНТА ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ФЛОРИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА

Татьяна Викторовна Сивова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь

t.sivova@grsu.by

Аннотация. В статье представлены основные результаты носящего полидискурсивный характер исследования (материалом послужили лексикографические источники, данные направленного ассоциативного эксперимента (770 респондентов), данные Национального корпуса русского языка, рекламные тексты), посвященного описанию одного из сегментов цветовой концептосферы флористического пространства русского языка на примере колористических дескрипций анемона. В результате проведенного исследования: 1) установлен и охарактеризован с количественной и качественной стороны состав терминов цвета, значимых в визуализации растения (18 терминов цвета); 2) выявлены средства расширения спектра (лексемы со значением неоднородности, интенсивности окраски, с имплицитным цветом); 3) выявлен и описан состав и модификации цветковых композитов, актуализируемых в дескрипциях анемона; 4) установлены репрезентирующие стереотип цветового восприятия растения доминанты цвета; 5) выявлен отражающий индивидуальную цветовую картину мира языковой личности состав уникальных дескрипций анемона (*рдяный, лиловый* и др.); 6) установлена функциональность цветковых описаний растения (доминирующая изобразительно-выразительная функция, онтологическая, родо-видовая, темпоральная, функция создания цветового хронотопа); 7) выявлен состав основанных на колористической дескрипции анемона терминов цвета (*анемон, анемон красный*), ранее не фиксируемых словарями цветообозначений; установлены сферы функционирования данных терминов цвета («Одежда», «Ремонт», «Строительство»); охарактеризована степень активности колористических дескрипций анемона в продуцировании новых терминов цвета.

Ключевые слова: лингвистика цвета, лингвистическая цветология, термин цвета, цветовая концептосфера, фитоним, языковая картина мира, лексикография, направленный ассоциативный эксперимент, Национальный корпус русского языка, рекламный дискурс

Для цитирования: Сивова Т.В. Цвет анемона в репрезентации сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – №2. – С. 102-117. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-102-117>

Original article

ANEMONE COLOUR IN THE REPRESENTATION OF A SEGMENT OF THE RUSSIAN COLOUR CONCEPTOSPHERE OF THE FLORAL SPACE

Tatyana V. Sivova

Yanka Kupala state university of Grodno, Grodno, Republic of Belarus

t.sivova@grsu.by

Abstract. This article presents the main results of the polydiscursive research (as material were used lexicographic sources, data of directed associative experiment, of the Russian National Corpus, materials of advertising discourse), devoted to the description of one of the segments of the colour conceptosphere of the Russian floristic space on the example of anemone colour descriptions. The main results of the research are: 1) the composition of colour terms significant in anemone visualisation (18 colour terms) was established and characterised quantitatively and qualitatively; 2) means of extending the actual colour spectrum (lexemes with the meaning of colour heterogeneity, of colour intensity, with implicit colour) were revealed; 3) the composition and modifications of the colour composites actualised in the colouristic descriptions of anemone were identified and described; 4) the dominant colour representing the stereotype of plant colour perception was established; 5) the composition of unique colour descriptions of anemone (*mauve, purple, etc.*) reflecting the individual colour picture of the linguistic personality's world was revealed; 6) the functionality of plant colour descriptions has been established (dominant representational and expressive function, as well as ontological, generic, temporal, etc.); 7) the composition of colour terms based on the colouristic descriptions of anemone (*anemone colour, anemone red*), previously not recorded in colour dictionaries, was revealed; the spheres of these terms of colour functioning (Clothing, Renovation, Building) were established; the degree of anemone colour descriptors activity in new colour terms producing was characterised.

Key words: linguistics of colour, linguistic colourology, colour term, colour conceptosphere, phytonym, linguistic picture of the world, lexicography, directed associative experiment, the Russian National Corpus, advertising discourse

For citation: Sivova T.V. Anemone colour in the representation of a segment of the Russian colour conceptosphere of the floral space, *Linguistics & education*, 2025. – Vol. 5 – No. 2. – Pp. 102-117. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-102-117>

Введение

Данное исследование выполнено в русле лингвистики цвета (см. работы В.Г. Кульпиной [1; 2 и др.]), лингвистической цветологии, которая изучает «происхождение и исторические пути цветообозначений и светолексем, их временную и пространственную эволюцию, жизнь в языке, занимается их инвентаризацией и каталогизацией, детализацией их семантики, границами функционирования, объединением цветообозначений в пределах хроматических категорий (цветовых концептов)» [3, с. 35]. Задачей лингвистической цветологии является «детализация состава системы терминов цвета данного языка с точки зрения его происхождения и современного состояния» [3, с. 35].

Цель данного исследования – реконструировать сегмент цветовой концептосферы флористического пространства русского языка на материале

колористических дескрипций анемона. *Задачи* исследования: 1) установить на обеспечивающем широкий культурный фон материале различных дискурсов количественный и качественный состав терминов цвета (ТЦ), актуализируемых в дескрипции анемона; определить доминанту цвета, репрезентирующую цветовой стереотип восприятия цветка, а также спектр уникальных цветовых определений, относящихся к области индивидуальной языковой картины мира; 2) выявить функциональный потенциал колористических дескрипций анемона; 3) оценить потенциальные реализации процессов цветообозначения, в частности продуктивность механизма создания ТЦ на основе дескрипций растения.

Данное носящее полидискурсивный характер исследование выполнено на материале 1) лексикографических источников – как толковых словарей [4; 5; 6; 7; 8], ассоциативных [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15], так и словарей цвета [16; 17; 18], метафор и сравнений [19]; 2) результатов направленного ассоциативного эксперимента (770 респондентов); 3) содержащих колористическую дескрипцию растения контекстов, извлеченных из основного корпуса НКРЯ [20], из поэтического подкорпуса [21]; 4) из прозы К.Г. Паустовского [22]; 5) из рекламных текстов, размещенных на сайте «Авито» [23]. На различных этапах проведения исследования использовались: метод сплошной выборки, описательно-аналитический метод, контекстуальный, метод направленного ассоциативного эксперимента, метод количественной обработки данных.

В работе актуализируется ряд понятий, среди которых – цветовая концептосфера, цветовой концепт, флористическое пространство языка. Под концептосферой понимается упорядоченная совокупность концептов в языковой картине мира. Согласно В.Г. Кульпиной, «в сфере лингвистики цвета концепты рассматриваются как глобальные хроматические категории, как концептосферы, представляющие собой собрание лингвоэтнически релевантных терминов цвета, как вбирающие в себя целый ряд других концептосфер, менее значимых для данного языка, этноса и его культуры» [2,

с. 16]. Базовой единицей лингвистической цветологии является цветовой концепт – который охватывает обозначения всех цветов и оттенков, сгруппированные в рамках одной ключевой хроматической категории – красного, синего, зеленого или другого основного абстрактного цвета (цветообозначения). Цветовые концепты составляют ядро лингвосистемы цвета» [3, с. 36]. Разделяя мнение Ю.Н. Исаева о том, что «концептосфера “флора” содержит большой потенциал для изучения национальной языковой картины мира и национальной культуры», вслед за исследователем под фитонимическим пространством подразумеваем «связанный с соответствующим денотатом “растение” фрагмент языковой картины мира, <который> обладает своими особенностями семантического развития, парадигматическими отношениями» [24, с. 35]. Разделяем и позицию Н.Ш. Ягумовой, которая отмечает: «лексический корпус названий растений, как ядро фитонимического пространства, создает семантико-словообразовательное поле, влияющее на формирование данного пространства в языке» [25, с. 3].

Вопрос колористической репрезентации анемона спорадически оказывается в ракурсе внимания филологов, но цвет анемона не становился, по нашим наблюдениям, объектом специального рассмотрения лингвистов. В доступных нам исследованиях преобладает восходящая к мифологии и осложненная символической смысловой нагрузкой трактовка цвета анемона как белого или красного. Так, Е.Ю. Раскина, описывая символику образа М.К. Башкирцевой в раннем творчестве М.И. Цветаевой, обнаруживает сравнение М.К. Башкирцевой с прозрачным / белым анемоном. Символический потенциал цвета растения Е.Ю. Раскина раскрывает, обращаясь к древнегреческой мифологии: «Артемиды, богиня луны и охоты, холодная и загадочная, как луна, разгневалась на Адониса за то, что он предпочел ей Афродите, и наслала на юношу дикого кабана (вепря). Кaban смертельно ранил Адониса своими клыками, а из пролившейся на землю крови юноши выросли прозрачно-белые анемоны» [26, с. 38]. Исследователь

приводит и другую версию мифа: «белые анемоны выросли из слез Афродиты, оплакивавшей Адониса» [26, с. 38]. В сирийско-финикийской мифологии, согласно наблюдениям Е.Ю. Раскиной, «белый анемон был символом чистоты и невинности, запредельности, тогда как красный (алый) анемон воплощал собой страдание и муки. Алый анемон – знак священной крови Адониса, оросившей и оплодотворившей землю» [26, с. 38]. «Согласно христианской легенде, – отмечает исследователь, – анемоны появились на Голгофе в день распятия, а красные пятна на их лепестках символизировали кровь Христа» [26, с. 38].

Красный цвет, цвет крови в визуализации анемонов фиксирует М.Г. Соколова, рассматривающая специфику функционирования фитонимов «в качестве предметов и образов сравнения компаративных тропов в идиостиле М.П. Герасимова» [27, с. 68] и отмечающая, что особенностью стиля поэта является выбор религиозной лексики в качестве образов сравнения: «Цветами розоватый клевер / Иконы окропил полей, / Над ними на далекий север / Летят станицы журавлей. / Душистой кровью анемоны / Облили пышные сады <...>» [27, с. 73]. А.Н. Евдокимов, исследуя семантику и функциональный потенциал белого цвета в визуализации растительного мира в произведениях Е.И. Носова, отмечает, что белый в них «является основной характеристикой при описании таких растений, как кашка, анемоны, клевер, донник, вьюнок, тысячелистник, лилия и др.» [28, с. 43]. М.П. Левченкова и Т.И. Петухова, обращаясь к роману Д.Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» и характеризуя психолингвистическое содержание концепта *WOOD*, «центрального для самого романа и важного для художественной картины мира писателя», акцентируют внимание на ассоциативном поле ТЦ *белый*. Исследователи отмечают, что «белый цвет в английской картине мира часто ассоциируется с призрачностью, холодной белизной снега, смертью» [29, с. 65] и фиксируют в романе актуализацию ассоциативного значения ТЦ *белый* ‘чистый, незапятнанный, безгрешный’. В.С. Дарененкова, ставя целью «системное исследование символики цвета

“Черной книги” <А.С. Байетт> путем последовательного анализа и интерпретации колористических мотивов и образов» [30, с. 4], фокусирует внимание на символьном потенциале описаний анемона: «зачатие и рождение ребенка символически выражено белым (бледным) цветом Дэйзи в образе маргариток и анемонов (daisies and anemones), которые приносит в больницу Марта» [30, с. 12]. Т.Ю. Боярская, исследуя растительные и ландшафтные образы в произведениях П. Мэриме, обращает внимание на специфику авторской визуализации растения: «для цветовой характеристики Мериме использует названия фитонимов, обращаясь тем самым к метонимическому обобщению. Любуясь родимым пятном доньи Тересы, дон Хуан сравнивал его с фиалкой, анемоном <...>» [31, с. 125].

Изложенное свидетельствует о функционале колористических дескрипций цветка, с одной стороны, и о спорадическом обращении исследователей к проблеме его цветовой характеристики – с другой. Что обуславливает актуальность данного полидискурсивного исследования, направленного на создание целостного колористического представления о растении.

Основная часть

Цвет анемона / ветреницы. Лексикографическая репрезентация (белый, желтый, розовый; знач. ‘различная окраска’) свидетельствует о неоднозначности трактовки цветовой характеристики растения: от конкретного цвета до вариативного. Ср.: *анемон* ‘растение из семейства лютиковых с белыми или желтыми цветами, легко облетающими от ветра’ [8]; *ветреница* ‘травянистое растение семейства лютиковых с желтыми, белыми или розоватыми цветками, цветущее обычно ранней весной’; ‘анемон’ [6]; *ветреница* ‘травянистое лесное растение сем. лютиковых, с желтыми цветками, цветущее ранней весной, один из видов анемонов’ (МАС) [4]; *анемон, анемона* ‘травянистое растение сем. лютиковых с цветками различной окраски’; ‘ветреница’ [5, с. 40]; *анемон, анемона*

‘травянистое растение сем. лютиковых, с цветками различной окраски’ (МАС) [4]. «Русский семантический словарь» фитоним не фиксирует [7].

Цвет анемона. Ассоциативное пространство (белый). Уточнить актуальное представление о цвете анемона призваны результаты проведенного нами НАЭ (2022 г.; 770 респондентов: студенты ГрГУ им. Янки Купалы; 12 факультетов; возраст: 17–23; пол: 384 жен., 386 муж.), в ходе которого респондентам было предложено привести «цветовую» реакцию на стимул-фитоним «анемон». *Статистика:* всего цветовых реакций на стимул-фитоним «анемон»: 228, различных реакций: 23, одиночных: 10, отказ от ответа: 542.

Результаты: белый 72: 41 (ж), 31 (м); желтый 39: 27 (ж), 12 (м); зеленый 26: 10 (ж), 16 (м); красный 22: 13 (ж), 9 (м); синий 12: 3 (ж), 9 (м); голубой 11: 9 (ж), 2 (м); фиолетовый 10: 4 (ж), 6 (м); розовый 8: 5 (ж), 3 (м); бирюзовый 6: 5 (ж), 1 (м); оранжевый 6: 6 (м); зелено-красный 2: 2 (м); коричневый 2: 2 (ж); серый 2: 2 (м); алый 1: 1 (ж); бирюза 1: 1 (м); зеленый, голубой 1: 1 (ж); красно-сиреневый 1: 1 (ж); пурпурный 1: 1 (м); розоватый 1: 1 (м); салатный 1: 1 (м); светло-синий 1: 1 (м); сине-белый 1: 1 (м); черный 1: 1 (м); нет ответа 542: 262 (ж), 280 (м). Таким образом, в цветовой визуализации растения значимы 17 ТЦ, доминанта *белый* (72), далее по ранжиру – *желтый* (39); при этом фиксируем значительное количество отказов от ответа, свидетельствующее о несформированности представления о растении у молодых носителей языка. Вместе с тем в качестве реакций выступают композиты различной модификации, призванные точно передать цветовое впечатление (*зелено-красный, красно-сиреневый, сине-белый, светло-синий*); слова с уменьшительно-ласкательным знач., несущие информацию об интенсивности окраски (*розоватый*); двухкомпонентные цепочки цвета (*зеленый, голубой*) – о цепочках цвета подробно в: [3, с. 38]. Подчеркнем, что стимул «анемон» не фиксируется в целом ряде доступных нам ассоциативных словарей [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

Цвет анемона. Индивидуально-авторский дискурс. Проза К.Г. Паустовского (знач. ‘быть в цвету’) демонстрирует преимущественное использование в дескрипциях лексем со знач. ‘быть в цвету’ (*расцвести, цвести*), транслирующих информацию о фазе вегетации, спорадически – со знач. многообразия окраски (*разноцветный*). В контекстах: *пенилась река, озерами цвели анемоны* [22, т. 7, с. 209]; *бегония и множество разноцветных анемон* [22, т. 5, с. 373]. Колористические дескрипции анемона принимают участие в создании цветового хронотопа – как цветового пространственного измерения текста: *здесь, высоко над Тифлисом, на обочине дороги, где цвели анемоны, я почувствовал свою родственность всему интересному на земле* [22, т. 5, с. 382], так и темпорального: *здесь ранняя, прозрачная и тёплая весна. Цветут крокусы (особенно их много на Царской тропе), анемоны*, [22, т. 9, с. 361].

Цвет анемона. Основной корпус НКРЯ (знач. ‘быть в цвету’) фиксирует колористические дескрипции цветка в произведениях порядка 15 авторов, среди которых А.Н. Арбузов, И.А. Бунин, З.Н. Гиппиус, Ф. Искандер, Ю.Н. Карпун, Е. Лапина, А. Мень, В.А. Обручев, Б.А. Пильняк, М.М. Пришвин и др. Цветовой спектр, значимый в визуализации цветка, включает 5 ТЦ: *белый 3, желтый (бледно-желтый, желтый) 2, лиловый, розовый (бледно-розовый), фиолетовый 1*. В контексте: *голубовато-фиолетовые водосборы, белые анемоны* (Карпун, 1997). Вместе с тем превалируют в цветовых описаниях лексем со знач. ‘быть в цвету’ (*расцвести, цвести*) 7. Например: *где все блеск и краса, Анемоны цветут* (Арбузов, 1938). Спектр расширяется лексемами со знач. интенсивности окраски: *бледно-желтый, бледно-розовый, бледный; нежный; неоднородности окраски: пестрый; с имплицитным цветом: веселый*. В контексте: *синие, белые крокусы, бледные анемоны, золотистые лапчатки* (Искандер, 1989) [20].

Цвет анемона. Поэтический подкорпус НКРЯ (знач. ‘быть в цвету’) фиксирует колористические дескрипции цветка в произведениях свыше 10

авторов, среди которых Л.Ф. Бартольд, И.О. Лялечкин, Д.С. Мережковский, Саша Черный, Ф.К. Сологуб, М.И. Цветаева, И.Г. Эренбург и др. В состав актуализируемых в дескрипциях анемона ТЦ входит 5 единиц: *алый, белый (белеть), голубой, желтый, рдяный (рдеть)* 1. В контексте: *Белеет анемон, и дышит цвет миндальный* (Иванов, 1902). Ключевую позицию в реестре занимают лексемы со знач. ‘быть в цвету’ (*расцвести, цвести*) – 5. Например: *И цветут анемоны У разрушенных хижин* (Лесная, 1936) [21]. Спектр включает также лексемы с имплицитным цветом *красный, синец*, лексемы со знач. интенсивности окраски: *прозрачный, яркий*.

Цвет анемона. Функциональный потенциал колористических дескрипций анемона, согласно НКРЯ, реализуется в: 1) онтологической функции: *желтые анемоны ползли около цистерны* (Гиппиус, 1896) [20]; 2) родо-видовой: *встречаются два вида – ветреница дубравная с белыми цветками и лютичная с бледно-желтыми* (Лапина, 2007); *незабудки и анемоны лиловые, которые Авдеич называл «сон-травой»* (Сергеев-Ценский, 1926) [20]; 3) изобразительно-выразительной: *Там чист и ясен небосклон; Там рдеет пышный анемон* (Шишков, 1821) [21]; шире – 4) в функции создания цветового времени-пространства текста: его 4.1 цветового пространственного измерения, а в нем – а) пространства природы [флора] *колонию луговой герани, бледно-розовых анемонов* (Бурлак, 2001); [ландшафтный дизайн] *белый первоцвет, белые анемоны, белые лилии* (Ожерельева, 2002) [20]; также в пересечении с вестигальным: *Ярки ситцы анемонов* (Цетлин, 1912) [21]; б) пространства человека: [соматический код] *промелькнул, прозрачной анемоны, В одном из окон полудетский лик* (Цветаева, 1906); *Твой лик, прозрачной анемоны* (Цветаева, 1911). Данные контексты фиксируются и в «Материалах к словарю метафор и сравнений». Ср.: Части тела человека. Анемон (а). Сравнение с прил. *прозрачный* [19, с. 129]; [эмоциональный] *Где росой умильной слезы канут, Загорятся маки на поляне, Алой кровью брызнут анемоны* (Иванов, 1902) [21] – и 4.2 цветового темпорального измерения: в) ТК «Время года»: *рано,*

неодетой весной, когда цветет только волчье лыко, анемоны и примулы (Пришвин, 1943); г) «Отдаленное время»: *была весна, и на всех путях наших весело и мирно цвели все те же анемоны и маки, что цвели и при Рахили* (Бунин, 1924) [20].

Цвет анемона. Рекламный дискурс, специфичный, с одной стороны, экспрессивностью, с другой – прагматической направленностью, эксплицирует прототипическую функцию колористических дескрипций растения, которую не зафиксировал НКРЯ. Так, в «продающих» текстах, размещенных на сайте «Авито» [23], отмечено функционирование двух ТЦ, созданных на основе цветовой дескрипции анемона: *цв. анемон, анемон красный*. Описываемые с помощью выявленных ТЦ товары принадлежат категориям: «Мебель и интерьер», «Одежда, обувь, аксессуары», «Ремонт и строительство», «Спорт и отдых», «Товары для детей и игрушки». Отметим попутно, что искомые ТЦ не фиксируются ни в «Словаре цвета» [16; 17], ни в «Каталоге названий цвета» [18].

Специфика создания и функционирования анализируемых ТЦ заключается в характере их происхождения: они не являются продуктом творчества носителя обыденного языкового сознания (как, напр., *цвет очень пьяная вишня в старом вине*⁶). Они созданы специалистами по неймингу, о чем свидетельствуют как ремарки авторов рекламных сообщений: *Платье на выпускной Vila. Цвет Анемон (согласно этикетке)*, так и номер в каталоге: *Затирка для плитки Isomat Multifill Smalto. Цвет 17 Анемон; Куртка Didriksons. Цвет 324 Анемон красный*.

Вместе с тем отмечается вариативность толкования значения ТЦ *красный анемон*: ‘бордовый’, ‘красный’, ‘розовый’, ‘фуксия’. Ср.: *Продам парку женскую Didriksons Mea. Цвет – анемон красный, я бы сказала, бордовый*. Цвет: красный; *Пуховик Rino Pelle, лёгкий. Цвет заявлен – Красной Анемон (по факту фуксия), яркий*. Цвет: розовый. Возможно, ощущая некоторую «цветовую пустоту» ТЦ, создатель рекламного

⁶ Здесь и далее источник примеров – сайт рекламных объявлений «Авито» [23].

сообщения пытается адаптировать его, сделать его значение более понятным, используя, напр., фразы: *я бы сказала; по факту* и т.п.

Фиксируемая лексикографически, а также в результатах проведенного нами НАЭ, в материалах НКРЯ характеристика *белый* в дескрипциях анемона не нашла, по нашим наблюдениям, отражения в анализируемых рекламных текстах. Однако колористическое представление об анемоне как о цветке белого цвета эксплицируется в ТЦ, включенном в таблицу RAL: 070-93-05 *Anemone White / Белая Анемона* [32], а также актуализируется в ряде названий сортов анемона: Анемона дубравная, сорт “Alba Plena”, Анемона нежная, сорт “White Splendor”.

Заключение

В результате проведенного исследования 1) установлен количественный и качественный состав ТЦ, значимых в визуализации анемона, который включает 18 единиц: *алый, белый, бирюзовый, голубой, желтый, зеленый, коричневый, красный, лиловый, оранжевый, пурпурный, рдяный, розовый, салатный, серый, синий, фиолетовый, черный*; 2) выявлен спектр актуализируемых в дескрипциях композитов различного состава, призванных тонко дифференцировать цветовое впечатление (6 единиц): *бледно-желтый, бледно-розовый, зелено-красный, красно-сиреневый, светло-синий, сине-белый*; 3) на фоне вариативности трактовки цвета анемона определены доминанты цвета: *белый*, согласно НАЭ, лексемы со знач. ‘быть в цвету’ – согласно данным НКРЯ, анализу дескрипций, функционирующих в произведениях К.Г. Паустовского; 4) выявлены уникальные описания, являющие собой отражение индивидуальной цветовой картины мира языковой личности (напр., *рдяный*, согласно ПК НКРЯ; *лиловый*, согласно ОК НКРЯ и др.); 5) описано расширение спектра лексемами со знач. неоднородности, интенсивности окраски, с имплицитным цветом; 6) установлен функциональный потенциал колористических дескрипций анемона, который реализуется в онтологической, родо-видовой, изобразительно-выразительной, прототипической функции, в функции

создания цветового хронотопа; 7) состав фиксируемых лексикографически ТЦ, основанных на колористической дескрипции растений, расширен функционирующими в рекламном тексте ТЦ *анемон, красный анемон*. Вместе с тем степень активности колористических дескрипций анемона в продуцировании новых ТЦ оценена как невысокая.

© Сивова Т.В., 2025

Список источников

1. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / В.Г. Кульпина. – М.: Московский Лицей, 2001. – 470 с.
2. Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер / В.Г. Кульпина. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 288 с.
3. Кульпина В.Г. Об издательском проекте «Лингвистика цвета: энциклопедический словарь» / В.Г. Кульпина, Т.В. Сивова // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М.: Макс Пресс, 2023. – Вып. 64. – С. 26-54.
4. SLOVARI.RU. Электронная библиотека словарей русского языка. URL: <https://www.slovari.ru> (дата доступа – 26.02.2024)
5. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. и сост. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova> (дата доступа – 26.02.2024)
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: РАН Ин-т рус. яз., 2002.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл. 1935-1940. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/> (дата доступа – 26.02.2024)
9. Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток) 2008–2023 / под ред. И.В. Шапошниковой, А.А. Романенко. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата доступа – 26.02.2024)
10. Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – Т. 1: От стимула к реакции. 2002. – 784 с. Т. 2: От реакции к стимулу. 2002. – 992 с. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата доступа – 26.02.2024)
11. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2004. – 792 с. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html> (дата доступа – 26.02.2024)
12. Словарь ассоциативных норм русского языка. Прямой словарь / под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1973. Обратный словарь / Г.А. Черкасова. – М., 2006. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (дата доступа – 26.02.2024)
13. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы. Т. 1. А–М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово: Изд-во Кем. ун-та, 2011. – 400 с.
14. Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Т. 1. От стимула к реакции / Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева. – М., 2014. – 280 с.
15. Шапошникова И.В. Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС 2): в 2 т. / И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2022. Т. 1. От стимула к реакции. 920 с. URL: <http://adictru.nsu.ru> (дата доступа – 26.02.2024)

16. Харченко В.К. Словарь цвета: полная версия / В.К. Харченко. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. – 656 с.
17. Харченко В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское / В.К. Харченко. – М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького. 2009. – 531 с.
18. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. – М.: КомКнига, 2005. – 216 с.
19. Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 3: «Растения» / отв. ред. Л.Л. Шестакова. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 448 с.
20. Национальный корпус русского языка. Основной корпус. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата доступа – 26.02.2024)
21. Национальный корпус русского языка. Поэтический подкорпус. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата доступа – 26.02.2024)
22. Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. / К.Г. Паустовский. – М.: Художественная литература, 1981-1986.
23. Авито. Сайт рекламных объявлений. URL: <https://www.avito.ru> (дата доступа – 26.02.2024)
24. Исаев Ю.Н. Фитонимическая картина мира в разнотипных языках: автореф. дис. ... доктора филол. наук / Ю.Н. Исаев. – Чебоксары, 2015. – 43 с.
25. Ягумова Н.Ш. Фитонимическое пространство в языковой картине мира: словообразовательный и мотивационный аспекты: на материале английского и адыгейского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Ш. Ягумова. – Майкоп, 2008. – 25 с.
26. Раскина Е.Ю. Мария Башкирцева и Марина Цветаева: литературоведческие и историко-культурные параллели / Е.Ю. Раскина // Вестник МИТУ-МАСИ. – 2018. – № 3. – С. 37-39.
27. Соколова М.Г. «И нежно льются перезвоны ив, преклоненных у воды». Употребление названий растений в качестве предметов и образов сравнения компаративных тропов в идиостиле М.П. Герасимова / М.Г. Соколова // Русская речь. – 2020. – № 1. – С. 68-77. DOI: 10.31857/S0131611700 08298-6.
28. Евдокимов А.Н. Семантика и функции белого цвета в изображении растительного мира художественных произведений Е.И. Носова / А.Н. Евдокимов // Курское слово. – 2012. – № 9. – С. 43-47.
29. Левченкова М.П. Языковая актуализация концепта WOOD в романе Д.Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» / М.П. Левченкова, Т.И. Петухова // Лексикографическая копилка: сб. науч. статей. – СПб, 2022. – С. 63-68.
30. Дарененкова В.С. Символика цвета в «Маленькой черной книге рассказов» А.С. Байетт: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.С. Дарененкова. – Екатеринбург, 2012. – 25 с.
31. Боярская Т.Ю. Функциональное своеобразие ландшафтов и фитонимов в творчестве П. Мериме / Т.Ю. Боярская // Растительные, ландшафтные и садово-парковые образы во французской литературе XIX века: коллективная монография / под ред. Т.В. Нужной. – СПб: РГГМУ, 2021. – С. 120-137.
32. RAL Design. RAL 070-93-05. URL: https://ral.ru/ral_070-93-05 (дата доступа – 26.02.2024)

References

1. Kul'pina V.G. Lingvistika cveta. Terminy cveta v pol'skom i russkom jazykah [Linguistics of color. Color terms in Polish and Russian]. – Moscow: Moskovskij Licej Publishing House, 2001. – 470 p.

2. Kul'pina V.G. Lingvisticheskaya tsvetologiya: ot istorii k sovremennosti tsvetovykh kontseptosfer [Linguistic colour science: from history to modernity of colour conceptospheres]. – Moscow: MAKS Press Publishing House, 2019. – 288 p.

3. Kul'pina V. G., Sivova T. V. Ob izdatel'skom proekte «Lingvistika tsveta: ehntsiklopedicheskij slovar'» [About the publishing project “Linguistics of Colour: An Encyclopaedic Dictionary”]. Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. Sbornik statej [Language, consciousness, communication Collection of scientific articles]. Moscow, Maks Press Publishing House. 2023. – Vol. 64. – Pp. 26-54.

4. SLOVARI.RU. Jelektronnaja biblioteka slovaroj russkogo jazyka [Dictionary.ru. Electronic library of dictionaries of the Russian language]. URL: <http://slovari.ru> (access date – 26.02.2024)

5. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by S.A. Kuznecov. Saint Petersburg, Norint Publishing House, 2000. – 1536 p.

6. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formative]. Moscow, Russkij yazyk Publishing House, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova> (access date – 26.02.2024)

7. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij [Russian Semantic Dictionary. An explanatory dictionary systematised by classes of words and meanings]. Ed. by N.Y. Shvedova. Moscow, RAN Institut russkogo jazyka Publishing House, 2002.

8. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by D.N. Ushakov. Moscow, Sovetskaya ehntsiklopediya Publishing House, 1935-1940. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov> (access date – 26.02.2024)

9. Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannyx (Sibir' i Dal'nij Vostok) [Russian regional associative database (Siberia and the Far East)]. Ed. by I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko. 2008–2023. URL: <http://adictru.nsu.ru> (access date – 26.02.2024)

10. Russkij assosiativnyj slovar': v 2 t. T. 1: Ot stimula k reakcii [Russian associative dictionary: in 2 vol. Vol. 1: From stimulus to reaction]. Ed. by Ju.N. Karaulov. Moscow, AST-Astrel' Publishing House, 2002. – 784 p.

11. Slavyanskij assosiativnyj slovar': russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij [Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian]. Ed. by N.V. Ufimtseva, G.A. Cherkasova, Yu.N. Karaulov, E.F. Tarasov. Moscow, MGLU Publishing House, 2002. – 792 p. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html> (access date – 26.02.2024)

12. Slovar' assosiativnykh norm russkogo jazyka. Pryamoj [Dictionary of associative norms of the Russian language. Direct]. Ed. by A.A. Leont'ev, Moscow, 1973. Obratnyj slovar' [Dictionary of associative norms of the Russian language. Reverse Dictionary]. Ed. by G.A. Cherkasova. Moscow, 2006. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/Leont/Index.htm> (access date – 26.02.2024)

13. Slovar' obydenykh tolkovanij russkikh slov. Leksika prirody [Dictionary of ordinary interpretations of Russian words. Nature lexicon]. Ed. by N.D. Golev. Kemerovo, 2011. – 400 p.

14. Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V. Russkij regional'nyj assosiativnyj slovar'-tezaurus [Russian Regional Associative Dictionary-thesaurus]. – Moscow, 2014. – 280 p.

15. Shaposhnikova I.V., Romanenko A.A. Russkij regional'nyj assosiativnyj slovar': Sibir' i Dal'nij Vostok [Russian Regional Associative Dictionary: Siberia and the Far East]. – Novosibirsk, 2022. URL: <http://adictru.nsu.ru> (access date – 26.02.2024)

16. Kharchenko V.K. Slovar' tsveta: polnaya versiya [Colour Dictionary: full version]. – Belgorod: BelGU Publishing House, 2021. – 656 p.

17. Kharchenko V.K. Slovar' tsveta: real'noe, potentsial'noe, avtorskoe [Colour Dictionary: real, potential, authorial]. – Moscow: Gorky Literary Institute Publishing House, 2009. – 531 p.

18. Cvet i nazvanija cveta v rusском jazyke [Color and color names in Russian]. Ed. by A.P. Vasilevich. – Moscow: KomKniga Publishing House, 2005. – 216 p.
19. Kozhevnikova N.A., Petrova Z.Ju. Materialy k slovarju metafor i sravnenij rusской literatury XIX–XX vv. Vyp. 3: «Rastenija» [Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature XIX–XX centuries. Issue 3: “Plants”]. Ed. by L.L. Shestakova. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publishing House, 2015. – 448 p.
20. Nacional'nyj korpus ruskogo jazyka. Osnovnoj korpus [Russian National Corpus. The main corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (access date – 26.02.2024)
21. Nacional'nyj korpus ruskogo jazyka. Pojeticheskij korpus [Russian National Corpus. Poetic corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (access date – 26.02.2024)
22. Paustovsky K.G. Sobranie sochinenij: v 9 t. [Collected works in 9 vol.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publishing House, 1981-1986.
23. Avito. URL: <https://www.avito.ru> (access date – 26.02.2024)
24. Isaev Ju.N. Fitonimicheskaja kartina mira v raznostrukturnyh jazykah. Avtoreferat dissertatsii doktora filologicheskikh nauk [Phytonymic Picture of the World in Different-structured Languages. Abstract of thesis of Doctor of Philology]. Cheboksary, 2015. – 43 p.
25. Jagomova N.Sh. Fitonimicheskoe prostranstvo v jazykovej kartine mira: slovoobrazovatel'nyj i motivacionnyj aspekty: na materiale anglijskogo i adygejskogo jazykov. Avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk [Phytonymic Space in the Linguistic Picture of the World: Word-formation and Motivational Aspects: on the Material of English and Adygean Languages. Abstract of thesis of Candidate of Philology]. Majkop, 2008. – 25 p.
26. Raskina E.Yu. Mariya Bashkirtseva i Marina Tsvetaeva: literaturovedcheskie i istoriko-kul'turnye paralleli [Maria Bashkirtseva and Marina Tsvetaeva: Literary and Historical and Cultural Parallels]. Vestnik MITU-MASI [Herald of the MACI], 2018. – Vol. 3. – Pp. 37-39.
27. Sokolova M.G. «I nezhno l'yutsya perezvony iv, preklonennykh u vody». Upotreblenie nazvanij rastenij v kachestve predmetov i obrazov sravneniya komparativnykh tropov v idiostile M.P. Gerasimova [“And gently flow the chimes of willows bent by the water”. The Use of Plant Names as Subjects and Images of Comparative Tropes in the Idiostyle of M.P. Gerasimov]. Russkaya rech'. [Russian Speech], 2020. – Vol. 1. – Pp. 68-77. doi: 10.31857/S0131611700 08298-6.
28. Evdokimov A.N. Semantika i funktsii belogo tsveta v izobrazhenii rastitel'nogo mira khudozhestvennykh proizvedenij E.I. Nosova [Semantics and functions of white colour in depicting the flora of E.I. Nosov's works of fiction]. Kurskoe slovo [Kursk word], 2012. – Vol. 9. – Pp. 43-47.
29. Levchenkova M.P., Petukhova T.I. Yazykovaya aktualizatsiya kontsepta WOOD v romane D.G. Lourensa «Lyubovnik ledi Chatterlej» [Linguistic actualisation of the concept WOOD in the novel Lady Chatterley's Lover by D.G. Lawrence]. Leksikograficheskaya kopilka. Sbornik nauchnykh statej [Lexicographic piggy bank. Collection of scientific articles], Saint Petersburg, 2022. – Pp. 63-68.
30. Darenenkova V.S. Simvolika tsveta v «Malen'koj chernoj knige rasskazov» A.S. Bajett. Avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk [The symbolism of colour in A.S. Byatt's The Little Black Book of Stories. Abstract of thesis of Candidate of Philology]. Ekaterinburg, 2012. – 25 p.
31. Boyarskaya T.Yu. Funktsional'noe svoeobrazie landshaftov i fitonimov v tvorcestve P. Merime [Functional uniqueness of landscapes and phytonyms in the work of P. Mérimée]. Rastitel'nye, landshaftnye i sadovo-parkovye obrazy vo frantsuzskoj literaturе XIX veka [Plant, landscape and garden images in French literature of the XIX century]. Ed. by T.V. Nuzhnaya. Sankt-Peterburg, RGGMU Publishing House, 2021. – Pp. 120-137.
32. RAL Design. RAL 070-93-05. URL: https://ral.ru/ral_070-93-05 (access date – 26.02.2024)

**Сивова
Татьяна Викторовна**

доктор филологических наук, профессор, Гродненский
государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь
t.sivova@grsu.by

**Sivova
Tatyana Viktorovna**

doctor of philology, professor, Yanka Kupala state university of
Grodno, Grodno, Belarus
mvavit@tut.by

Научная статья

УДК 811

5.9.6. Языки народов зарубежных
стран (английский)

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-118-135>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА “SADNESS” (ПЕЧАЛЬ) В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА (BRITISH NATIONAL CORPUS)

Тахмина Рахматуллоевна Тагаева

Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Таджикистан

Aquarion97@mail.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена изучению лингвокогнитивных особенностей эмоционального концепта «Sadness» («Печаль») в английском языке на материале текстов Британского национального корпуса (British National Corpus). Актуальность исследования заключается в использовании эффективного метода выявления частотности употребления слов и лексем, отражающих исследуемый концепт. Метод корпусного анализа языка позволяет выявить различные словоформы, идиомы, метафоры и устойчивые сочетания с лексемой «Sadness» («Печаль») в английском языке. Кроме того, методы классификации и компонентного анализа позволили систематизировать и сгруппировать полученный материал по семантической близости. Источниками для анализа также послужили такие словари, как «The American Heritage Dictionary of the English Language» и «Merriam-Webster’s Advanced Learner’s English Dictionary». В статье анализируются полученные результаты, отражающие специфические особенности реализации концепта «Sadness» («Печаль») в английском языке. Отмечается также междисциплинарный характер исследования эмоции «печаль».

Ключевые слова: эмоция, эмоциональный концепт, лексема «Sadness» (Печаль), Британский Национальный корпус (British National corpus), метод корпусного анализа, метод классификации, метод компонентного анализа, тематическая группа, устойчивые сочетания

Для цитирования: Тагаева Т.Р. Репрезентация эмоционального концепта “sadness” (печаль) в английском языке на материале британского национального корпуса (British national corpus) // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – № 2. – С. 118-135. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-118-135>

Original article

REPRESENTATION OF THE EMOTIONAL CONCEPT “SADNESS” IN ENGLISH BASED ON THE BRITISH NATIONAL CORPUS

Takhmina R. Tagaeva

Russian-Tajik Slavonic University, Dushanbe, Tajikistan

Aquarion97@mail.ru

Abstract. The presented article is devoted to the study of linguacognitive features of the emotional concept "Sadness" in the English language based on the texts of the British National Corpus. The relevance of the study lies in the use of an effective method for identifying the frequency of use of words and lexemes reflecting the concept under study. The method of corpus analysis of the language allows us to identify various word forms, idioms, metaphors and stable

combinations with the lexeme "sadness" in the English language. In addition, the methods of classification and component analysis made it possible to systematize and group the obtained material by semantic proximity. The sources for the analysis also included such dictionaries as "The American Heritage Dictionary of the English Language" and "Merriam-Webster's Advanced Learner's English Dictionary". The article analyzes the obtained results, reflecting the specific features of the implementation of the concept "Sadness" in the English language. The interdisciplinary nature of the study of the emotion "sadness" is also noted.

Keywords: emotion, emotional concept, lexeme «Sadness», British National corpus, corpus analysis method, classification method, component analysis method, thematic group, stable combinations

For citation: Tagaeva T.R. Representation of the emotional concept "sadness" in English based on the British national corpus, *Linguistics & education*, 2025. – Vol. 5 – No. 2. – Pp. 118-135. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-118-135>

Эмоции представляют собой неотъемлемый компонент в жизни человека. По причине большого интереса к изучению его внутреннего мира, такие дисциплины как психология, социолингвистика, физиология и нейрофизиология, культурология активно исследуют тему выражения эмоций человеком. Изначально данная тема разрабатывалась в рамках психологической науки. Исследователи Л.С. Выготский, В. Вундт, А.Н. Леонтьев рассматривали эмоции как отдельную группу психических состояний, связанных с инстинктами, мотивами, потребностями и психическими процессами у человека.

Эмоции неразрывно связаны с языком, посредством которого они выражаются, и обладают междисциплинарным характером. Эмоции не существуют в отрыве от средств их выражения – они обретают форму и становятся доступными для понимания именно через язык, будь то устная речь, письменный текст, мимика, жесты или визуальные образы. Язык придаёт эмоциям структуру и позволяет передавать их другим людям, превращая внутренние переживания в социально значимый опыт. Чтобы глубже понять природу эмоций, обратимся к исследованиям ведущих ученых.

Р. Ливенсон рассматривает эмоции как короткоживущие психологические и физиологические феномены, представляющие собой действенные методы адаптации, направленные на изменение запросов

окружающей среды [1, с. 481]. Такая позиция акцентирует роль эмоций как механизмов приспособления.

М. Хезелтон и Е. Каталаа подчеркивают универсальность эмоций, описывая их как постоянную и универсальную характеристику человеческой природы, что свидетельствует об их фундаментальном значении для человека [2]. Нельзя не согласиться с мнением ученых, что «Эмоции – набор аффективных феноменов, различающихся как краткосрочная, многокомпонентная ответная система, являющаяся началом тех изменений в текущих обстоятельствах, которые расцениваются как подсознательно, так и неподсознательно, чтобы быть личностно значимыми» [3].

По мнению Р. Нессе, эмоции можно объяснить, как особые состояния, сформированные в естественном отборе, которые увеличиваются в соответствии с конкретными ситуациями [4]. Такой подход позволяет понять функциональную роль эмоций в выживании и адаптации.

Представленные подходы и результаты исследования подчёркивают многогранную природу эмоций – от врождённых физиологических реакций до сложных адаптивных и когнитивных механизмов, играющих важную роль в жизни человека.

Исследование эмоции «Печаль» вызывало большой интерес среди ученых различных направлений, таких как психология (Р. Лазарус) [5], культурология (К. Гирц) [6], антропология (К. Лутц) [7]. Для полного понимания эмоции печали важно не только рассматривать её символическое и культурное выражение, но и исследовать её биологические и психологические механизмы. Именно здесь вступает в поле нейрофизиология и психология, которые изучают, как эмоции возникают и регулируются на уровне мозга и поведения.

В частности, нейрофизиолог и психолог Джеймс А. Гросс разработал модель эмоциональной регуляции, известную как процесс генерации эмоций и изучал влияние эмоции печали как на поведение, так и на организм человека [8].

Британский теоретик культуры и социолог Рэймонд Уильямс анализировал, каким образом эмоции, такие как печаль, отражаются в культуре и языке. Для этого он ввел понятие «структуры чувствования» для изучения внутренних структур и языков литературных и других текстов. Идея «структур чувствования» возникла у Р. Уильямса для описания того, как «работает» искусство, его влияния на жизнь индивида и оставляемого им «следа». В рамках социологии культуры это понятие используется для выявления методологии критического анализа литературных текстов, социальных аспектов их создания и интерпретации. Важно, что с помощью понятия «структур чувствования» можно описать процессы непредсказуемых социокультурных изменений [9, с. 132; 10, с. 203].

Следует отметить, что в лингвистике изучением эмоций занимаются такие направления, как психолингвистика, нейролингвистика, когнитивная лингвистика и другие направления. Важно упомянуть изучение эмоции в работах А. Вежбицкой и Дж. Лакоффа [11;12, с. 35].

Американский лингвист Джордж Лакофф в своей книге «Метафоры, которыми мы живем» анализирует, как ориентационные метафоры и концептуальные схемы формируют понимание эмоции печали и придают концепту пространственную ориентацию. Например, HAPPY IS UP; SAD IS DOWN / СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ; ПЕЧАЛЬ – НИЗУ. Такие метафорические ориентации основаны на физическом и культурном опыте человека [12, с. 35]. Изучение метафор, отражающих концепт «Печаль», позволяет понять, как через язык и культуру формируется наше восприятие эмоций.

Э.Ф. Сафина в диссертационном исследовании на тему «Семантика эмотивов печали в английском, немецком и русском языках» [13] рассматривала семантическое поле эмоционального концепта «Печаль» на материале глагольных единиц английского языка с использованием метода компонентного анализа, который позволил выделить и структурировать ключевые семантические компоненты, отражающие различные оттенки и

проявления печали в лексико-грамматической системе английского языка. Исследование направлено на выявление как универсальных, так и языково-специфических особенностей выражения эмоции печали, что способствует более глубокому пониманию межъязыковых различий и сходств в эмоциональной лексике. Особое внимание уделялось анализу глаголов, которые выступают в роли носителей эмотивного смысла и служат индикаторами различных аспектов эмоционального состояния, связанных с печалью [13].

В рамках настоящего исследования проводится лингвокогнитивный анализ концепта «Печаль» в английском языке. Согласно методике исследования концепта, в первую очередь, необходимо было определить ключевое слово – в данном случае была выбрана лексема «Sadness» как базовая единица, репрезентирующая исследуемый концепт в английском языке [14, с.281-288.]. Работа посвящается выявлению и анализу лексических единиц, словосочетаний, устойчивых выражений и контекстов употребления, связанных с лексемой «Sadness» («Печаль»), на материале текстов Британского национального корпуса английского языка (British National corpus). Целью анализа является установление языковых и этноспецифических особенностей репрезентации концепта «Печаль» в английском языке.

Британский национальный корпус (BNC) был первоначально создан издательством Оксфордского университета в 1980-х – начале 1990-х годов и содержит 100 миллионов слов текста самых разных жанров (например, устного, художественного, журнального, газетного и академического).

BNC связан со многими другими корпусами английского языка, которые также были созданы разработчиками корпуса. Эти корпуса ранее были известны как «BYU Corpora», и они предлагают беспрецедентное понимание вариаций английского языка [15].

С использованием лексикографического метода на материале толковых словарей английского языка [16, с. 4755; 17, с. 1896-1900] были выявлены

основные значения ключевого слова изучаемого концепта: *not happy; feeling or showing grief or unhappiness* (быть несчастным; чувствовать или демонстрировать свое горе или несчастье); *causing a feeling of grief or unhappiness* (то, что вызывает чувство горя или несчастья); *causing feelings of disappointment or pity* (то, что вызывает чувство разочарования или жалости) [18, с. 1433].

В толковом словаре «The American Heritage Dictionary of the English language» также есть несколько определений к лексеме «Sadness» (Печаль) [19, с. 6320]: *affected or characterized by sorrow or unhappiness* (подверженный влиянию или характеризующийся печалью, или несчастьем); *expressive of sorrow or unhappiness* (выражающий печаль или состояние несчастья); *causing sorrow or gloom; depressing* (вызывающий чувство печали или уныния; угнетенное состояние); *deplorable; sorry* (прискорбный; вызывающий сожаление); *dark-hued; somber* (темного оттенка; мрачный).

В английском языке основными репрезентантами-синонимами концепта «Sadness» («Печаль») являются: *concern* (беспокойство, озабоченность, опасение), *trouble* (волнение, тревога; беда, злоключение), *rain* (горе, огорчение, страдание), *worry* (беспокойство, тревога, волнение), *hurt* (страдание, душевная боль), *suffering* (страдание, боль, мука), *upset* (огорчение, расстройство), *anxiety* (тревога, боязнь, страх), *depression* (угнетенное состояние, уныние; депрессия), *pity* (жалость, сострадание), *tragedy* (несчастье, трагедия), *regret* (сожаление, раскаяние), *disappointment* (разочарование, недовольство, неудовлетворение, обманутые надежды), *distress* (горе, несчастье, душевное страдание), *despair* (отчаяние, упадок духа, безнадежность, безысходность), *grief* (горе, скорбь, печаль, боль, страдание), *misery* (страдание, мучение; несчастье, невзгода, напасть), *gloom* (депрессия, мрачность, уныние, подавленный взгляд), *torture* (пытка; агония, муки), *hardship* (трудности, неприятности, тяготы, невзгоды, лишения, муки), *sorrow* (горечь, печаль, скорбь; грусть, сожаление; муки, страдания).

Для выявления различных лексем, выражения, которые отражают исследуемый концепт и их признаков, нами был использован метод корпусного анализа. Как показывает результат поиска, слово «Sadness» в BNC зафиксировано суммарная частотность: 747 предложений в 747 документах.

В результате анализа полученных материалов (BNC), примеры – лексем, устойчивые сочетания и выражения распределились на следующие тематические группы:

1. Печаль как глубокое внутреннее отрицательное чувство (69);
2. Чувство печали в связи с кончиной, потерей или утратой, кого- или чего-либо (26);
3. Печаль, выраженная с помощью внешних признаков (23);
4. Чувство печали, выраженное через речь или голос (13);
5. События, объекты или атмосфера, воспринимаемые через призму печали (12);
6. Чувство печали, которое витает вокруг или окутывает человека, или пространство (5).

На основе данных, полученных из BNC, было выявлено, что большая часть предложений с лексемой «Sadness» выражают чувство печали как эмоциональное состояние, характеризующееся **ощущением беспокойства, глубокой тоски или горечи (69 вхождений)**. Это может быть связано с реальной ситуацией или с неопределенным и внезапным чувством тоски, которое трудно объяснить. Душевные переживания могут проявляться как тихая, но продолжительная боль, сопровождающаяся ощущением тяжести или пустоты внутри. Например:

*“Elizabeth shook her head, a **great sadness** on her”.* – «Элизабет покачала головой, ее охватила **глубокая печаль**».

*“Lissa watched her, filled with **deep sadness**.”* – «Лисса наблюдала за ней, преисполненная **глубокой печали**».

“Only Mr Evans seemed to share Carrie's queer, sinking feeling of sadness.” – «Только мистер Эванс, казалось, разделял странное, щемящее **чувство грусти**, охватившее Кэрри».

“His pleasure at the escape had for some reason given way now to even more sadness.” – «Его радость по поводу побега по какой-то причине сменилась еще **большей грустью**».

“Everywhere there was a deep sense of sadness.” – «Повсюду царило **чувство глубокой печали**».

“There she stood for a long time, gazing out to sea, her heart full of sadness and her eyes full of tears.” – «Там она долго стояла, глядя на море, и сердце ее было **полно печали**, а глаза полны слез».

“He felt a deep sadness in this thin, weak creature.” – «Он почувствовал **глубокую печаль** в этом худом, слабом существе».

“She lay for a long time in the enveloping warmth of the bath-water, feeling a strange sense of sadness.” – «Она долго лежала в обволакивающем тепле ванны, испытывая странное **чувство грусти**».

“As the sisters wait for their visas to arrive there is a tinge of sadness for Sister Inge, who was due to go to South Africa with them.” – «Пока сестры ждут получения своих виз, они **с грустью** вспоминают сестру Инге, которая должна была отправиться с ними в Южную Африку».

Следующая тематическая группа описывает чувство печали, которое возникает в связи с **кончиной, потерей или внезапной утратой кого-либо (26 вхождений)**. Это чувство является естественной эмоциональной реакцией на ситуацию, которая может включать в себя целую гамму чувств – от грусти и тоски до гнева и отчаяния.

Горевание может быть долгим и сложным процессом, в ходе которого человек переживает различные эмоциональные стадии, такие как отрицание, депрессия и принятие. Например,

“It is with great sadness that we report the death of Ken Rowlands. The former director and general manager of Wood Group Haven Engineering Limited,

passed away on 3 April following a massive stroke.” – «С **глубоким прискорбием** сообщаем о смерти Кена Роулендза, бывшего директора и генерального менеджера компании «Вуд Груп Хейвен Инжиниринг Лимитед», который скончался 3 апреля в результате обширного инсульта».

*“It was **with deep sadness** that I heard of the death of Fred Daly, to date the only Irish winner of The Open.”* – «С **глубокой печалью** я узнал о смерти Фреда Дейли, на сегодняшний день единственного ирландского победителя Открытого чемпионата».

*“Although born and brought up in England, Alfred found filming in Italy like going home. But that pleasure was **tinged with sadness** because his mother, Joanna, isn't alive to see him in a role he might have been born to play.”* – «Несмотря на то, что Альфред родился и вырос в Англии, для него съемки в Италии были как возвращение домой. Но это удовольствие было **омрачено грустью**, потому что его матери, Джоанны, уже нет в живых, чтобы увидеть его в роли, для которой он, возможно, был рожден».

*“The recent death of your food correspondent, Jeremy Round, was a **cause of great sadness** not only for his family and friends but also to the many thousands of readers who regularly enjoyed his articles.”* – «Недавняя смерть вашего корреспондента по продуктам питания Джереми Раунда стала **причиной глубокой скорби** не только для его семьи и друзей, но и для многих тысяч читателей, которые регулярно получали удовольствие от его статей».

*“The only **real sadness** in my life has been that both my parents died young, and within a comparatively short time of each other.”* – «Единственной **настоящей печалью** в моей жизни было то, что оба моих родителя умерли молодыми и с разницей в сравнительно короткое время».

Третья тематическая группа отражает печаль через **внешние признаки**, такие как изменение мимики, а также в **невербальных знаках (23 вхождения)**. Внешние признаки печали могут выражать глаза, лицо, общее состояние.

Глаза человека со стороны могут казаться безжизненными или затуманенными, будто он не видит, что происходит вокруг. Например:

*“Montgomery had expected an air of authority from this venerable man, who had spent most of his seventy-odd years lecturing students, but Aubrey St John Goth seemed distant, distracted, his grey eyes veiled by a **deep sadness**.”* – «Монтгомери ожидал, что этот почтенный человек, который провел большую часть своих семидесяти с лишним лет, читая лекции студентам, будет выглядеть авторитетно, но Обри Сент-Джон Гот казался отстраненным, рассеянным, его серые глаза были затуманены **глубокой печалью**».

*“Her dark eyes, which seemed almost too large for her small features, held an **expression of great sadness**.”* – «В ее темных глазах, казавшихся слишком большими для ее мелких черт, застыло **выражение глубокой печали**».

*“Afterwards, he is weak, and there is a **certain sadness** in his eyes.”* – «После этого он слабеет, и в его глазах появляется **какая-то печаль**».

*“With eager anticipation, though her clear golden-brown eyes held a **hint of sadness**, Luce Weston descended the steps.”* – «С нетерпеливым предвкушением Люси Уэстон спустилась по ступенькам, хотя в ее ясных золотисто-карих глазах была **легкая грусть**».

Чувство печали часто сопровождается слезами, которые могут быть следствием личных душевных переживаний или выражением раскаяния. Слезы помогают выплеснуть накопившиеся отрицательные эмоции и снизить напряжение. Например:

*“There she stood for a long time, gazing out to sea, her heart **full of sadness** and her eyes full of tears.”* – «Там она долго стояла, глядя на море, и сердце ее было **полно печали**, а глаза полны слез».

Когда губы плотно сжимаются в линию, то это указывает на подавление сильных эмоций или способ их сдерживания и контроля. Такой невербальный сигнал говорит о том, что человек пытается справиться с охватившим его напряжением и старается не показывать свою слабость. Например:

*“There was a **hint of sadness** now in Madame's eyes but her mouth was set and determined.”* – «В глазах мадам появилась **легкая грусть**, но ее губы были решительно сжаты».

Реакция тела на такое эмоциональное состояние, как печаль, отчетливо отражается на лице. Лицевые мышцы, подверженные длительному напряжению или, наоборот, вялости, формируют характерные складки и морщины. На лбу нередко появляются горизонтальные борозды – как след многократного внутреннего напряжения или мыслительного усилия, вызванного переживаниями. Область вокруг глаз теряет былую живость: веки чуть опущены, кожа под глазами тонкая и натянутая, с легкой синевой, как след бессонных ночей и пролитых слёз. В уголках рта могут пролегать вниз идущие морщины, придавая лицу выражение скорби даже в состоянии покоя. Например:

*“The skin on his elongated face resembled paper, and there were wrinkles on his forehead and around his mouth, making him look like a **sad mask**.”* – «Кожа на его вытянутом лице напоминала бумагу, на лбу и вокруг рта залегли морщины, что делало его похожим на **печальную маску**».

Все вышеуказанные внешние признаки помогают окружающим понять, что человек переживает печаль или страдание в душе, даже если он не может выразить это словами.

Четвертая группа **отражает переживание чувства печали через голос и речь (13 вхождений)**, которое может проявляться через различные признаки, такие как тон голоса, темп речи, интонация, произношение и артикуляция, эмоциональный оттенок слов, выражение через паузы. Например:

*“The priest shook his head then said, **with great sadness**: ‘You don't understand’.”* – «Священник покачал головой, затем сказал **с глубокой печалью**: «Ты не понимаешь».

*' You know, mistress,' said Gabriel in a deep voice **full of sadness**, ' that I love you and shall love you for ever. I accept that I can't marry you now that I'm*

poor.” – «Вы знаете, госпожа», – сказал Габриэль глубоким, **полным печали** голосом, – «что я люблю вас и буду любить вечно. Я признаю, что не могу жениться на вас теперь, когда я беден».

*“Her thin voice wavered in the night, sounding poignant, **full of sadness** despite the cheery lyrics about love and good times.”* – «Ее тонкий голос дрожал в ночи, звуча пронзительно, **был полон грусти**, несмотря на жизнерадостные слова о любви и хороших временах».

*“There was also a **tinge of sadness** in Gerry Britton's voice when he was asked about his old club.”* – «В голосе Джерри Бриттона также слышалась **нотка грусти**, когда его спросили о его старом клубе».

*“There was **real sadness** in his voice.”* – «В его голосе звучала **неподдельная грусть**».

*'E vero, mio figlio', said Allegra at last in an aching voice that seemed to express both **infinite sadness and acceptance.**'* – «Это верно, сын мой», наконец произнесла Аллегра с болью в голосе, который, казалось, выражал одновременно **бесконечную печаль** и принятие.

*'God willing, I am learning,' I answered **with some sadness.***” – «С божьей помощью, я учусь», – ответил я **с некоторой грустью**».

Следующая группа отражает эмоцию печали **как тяжелое внутреннее состояние или атмосферу, наполненную болезненными воспоминаниями (12 вхождений)**. Например:

*“So family memories are **tinged with sadness**: Male speaker He doesn't think Joe wanted it to end that way.”* – «Так что семейные воспоминания **были окрашены грустью**: Мужчина-оратор считает, что Джо не хотел, чтобы все так закончилось».

*“Kirkstead Abbey, near Woodhall Spa, is no exception but here the peace is **tinged with a hint of sadness.**”* – «Аббатство Киркстед, расположенное недалеко от Вудхолл-Спа, не является исключением, но здесь царит умиротворение **с оттенком грусти**».

“But the joy should be mixed with a tinge of sadness.” – «Но радость должна быть смешана с оттенком грусти».

Последняя группа характеризует печаль как нечто, что витает вокруг или окутывает человека, или пространство (5 вхождений). Оно часто воспринимается как нечто невидимое, но осязаемое. Такое чувство печали не ограничивается внутренним состоянием человека, но проникает в окружающую среду, наполняя её особой гнетущей атмосферой и все представляется тяжелым и непреодолимым. Например:

“She felt an aura of sadness around her like a pall.” – «Она чувствовала, как аура печали окутывает ее, словно пелена».

“Shiona wondered through the desperate sadness that consumed her.” – «Шиона задумалась, преодолевая охватившую ее отчаянную печаль».

“The laughter was suddenly gone and a desperate sadness enveloped Ruth as she closed the door after her and leant back against it.” – «Смех внезапно оборвался, и отчаянная печаль охватила Рут, когда она закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной».

“Still thinking about the woman and her aura of sadness, Polly started.” – «Все еще думая об этой женщине и ее ауре печали, Полли вздрогнула».

“Sure enough, she seemed to carry an aura of sadness.” – «И действительно, от нее, казалось, исходила аура печали».

“He felt for the first time in his life what it must be like to be one of them and was overwhelmed with a feeling of sadness and futility.” – «Впервые в жизни он почувствовал, каково это – быть одним из них, и его охватило чувство печали и тщетности».

Исходя из вышеизложенного, отметим, что в английском языке устойчивые сочетания слов с лексемой «Sadness» (Печаль), зафиксированных в значительном объёме на базе BNC (747 вхождений), позволили нам исследовать и систематически отобразить обширный практический материал, отражающий различные способы выражения эмоции печали.

Таким образом, в результате проведенного корпусного анализа устойчивых сочетаний с компонентом «Sadness» («Печаль»), полученных на базе BNC, мы можем заключить, концепт «Sadness» («Печаль») ярко отражается в английском языке.

Анализ показал, что наибольшее количество вхождений (69 вхождений) связано с представлением эмоции печали как глубокого внутреннего эмоционального состояния. Это подчёркивает, что «Печаль» в английском языке является основополагающим концептом, так как отражает особенности когнитивного и коммуникативного феномена, способного выражать сложные ментальные переживания и обеспечивать их вербальную и невербальную репрезентацию.

Результаты указывают на частотное использование лексемы «*Sadness*» в контексте, связанном с кончиной, потерей или утратой, кого- или чего-либо (26 вхождений). Такие случаи иллюстрируют печаль как универсальную эмоциональную реакцию на необратимые жизненные изменения. Контекстуальный анализ показал, что лексема «*Sadness*» в подобных случаях служит средством выражения глубокой скорби и утраты, сопровождающей процессы прощания, траура и личностного переосмысления.

Выражение эмоции печали с помощью внешних признаков (23 вхождения) также представляет особый интерес в рамках корпусного анализа. В данном случае лексема «*Sadness*» ассоциируется с невербальными проявлениями – мимикой, выражением глаз, жестами и общим обликом человека. Эти признаки фиксируют внешнюю сторону эмоционального состояния и позволяют интерпретировать печаль как состояние, проявляющееся физически и доступное наблюдению. Подобные контексты демонстрируют, что «*Sadness*» может быть представлена как нечто «видимое», выражающееся через «застывший» взгляд, слезы, тусклость глаз, угнетённую позу, что делает её узнаваемой в межличностной коммуникации без использования речевых средств.

Тематическая группа отражения печали через речь или голос (13 вхождений), представляет собой особый интерес, поскольку демонстрирует, каким образом эмоция «*Sadness*» может быть выражена не только на уровне лексики, но и с помощью паралингвистических средств – тона, тембра, интонации, ритма и пауз в речи. Анализ корпусных данных показал, что печаль в речевом оформлении часто сопровождается сниженным тембром, дрожанием голоса, замедленным темпом речи или вкраплениями эмоционально нагруженных лексем, указывающих на внутреннее переживание.

События, объекты или атмосфера, воспринимаемые через призму печали (12 вхождений), представляют собой отдельную тематическую группу, в рамках которой эмоция «*Sadness*» переносится на внешние явления или окружение. В таких случаях печаль не описывается напрямую как внутреннее переживание, а проецируется на предметы, пейзажи, воспоминания или атмосферу, тем самым формируя эмоционально окрашенное восприятие действительности.

Чувство печали, которое витает вокруг или окутывает человека, или пространство (5 вхождений), представляет собой особый способ репрезентации эмоции в английском языке, где лексема «*Sadness*» используется не как характеристика внутреннего состояния, а как внешняя, почти осязаемая субстанция. В таких контекстах печаль предстает в виде «ауры», «пелены», «волны» или «ощутимого присутствия», охватывающего не только человека, но и всё окружающее пространство.

Полученные результаты и их анализ показывают, что лексема «*Sadness*» в английском языке обладает многомерной природой и проявляется в различных коммуникативных и когнитивных формах – от внутреннего состояния и внешних проявлений до атмосферы и пространственного восприятия. Это подчеркивает важность комплексного подхода к изучению эмоций в языке и способствует более глубокому пониманию их лингвокогнитивной репрезентации.

Список источников

1. Levenson R.W. The Intrapersonal Functions of Emotion. *Cognition and emotion*. – University of California-Berkeley, USA. 1999. – №13 (5). – Pp. 481-504.
2. Haselton M.G., Ketelaar T. Irrational Emotions or Emotional Wisdom? The Evolutionary Psychology of Emotions and Behavior. – New York: Psychology Press, 2005. – 21 p.
3. Garland E.L., Fredrickson B., Kring A.M., Johnson D.P., Meyer P.S., Penn D.L. Upward spirals of positive emotions counter downward spirals of negativity: Insights from the broaden-and-build theory and affective neuroscience on the treatment of emotion dysfunctions and deficits in psychopathology. *Clinical Psychology Review*., 2010. – Vol. 30. – Pp. 849-864. doi: 10.1016/j.cpr.2010.03.002.
4. Nesse M.R. Evolutionary explanations of emotions. *Human Nature*, 1990. – Vol. 1. – No.3. – Pp. 261-289. doi: 10.1007/BF02733986.
5. Лазарус Р. Эмоции и адаптация / Р. Лазарус; пер. с англ. – СПб.: Питер, 1998. – 350 с. – (Ориг. изд.: *Emotion and Adaptation*, 1991).
6. Гирц К. Интерпретация культур: избранные эссе / К. Гирц; пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с. – (Ориг. изд.: *The Interpretation of Cultures*, 1973).
7. Лутц К. Эмоции в контексте: этнография чувств на островах Тихого океана / К. Лутц // Культура и эмоции. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. – С. 94-113. – (Ориг. изд.: *Unnatural Emotions*, 1988).
8. Gross J.J. The emerging field of emotion regulation: an integrative review. *Review of General Psychology*., 1998. – Vol. 2. – No. 3. – Pp. 271-299. doi: 10.1037/1089-2680.2.3.271.
9. Williams R. *Marxism and literature* / R. Williams. – Oxford: Oxford University Press, 1977. – 217 p.
10. Filmer P. Structures of feeling and socio-cultural formations: the significance of literature and experience to Raymond Williams's sociology of culture. *British Journal of sociology*. – L., 2003. – Vol. 54. – No. 2. – Pp. 199-219. doi: 10.1080/0007131032000080203.
11. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 512 с.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
13. Сафина Э.Ф. Семантика эмотивов печали в английском, немецком и русском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2012. – 21 с.
14. Тагаева Т.Р. Языковая объективация эмоционального концепта «печаль» на материале лексикографических источников английского языка / Т.Р. Тагаева // Материалы Международной научно-практической конференции «XIII Ломоносовские чтения», посвящённой 115-летию академика Бободжона Гафурова. – Ч. 1. – Душанбе, 2023. – С. 281-288.
15. Британский национальный корпус – <https://www.english-corpora.org/bnc/>
16. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. – 9th ed. – London: HarperCollins Publishers, 2018. – 6292 p.
17. Longman Collocations Dictionary and Thesaurus. – New ed. – London: Pearson Longman, 2013. – 2448 p.
18. Merriam-Webster's Advanced LEARNER'S English Dictionary. Merriam-Webster, Incorporated, 2016. – 1994 p.
19. Houghton Mifflin Harcourt. The American Heritage Dictionary of the English language. Third edition. – Houghton Mifflin Harcourt, 2016. – 8652 p.

References

1. Levenson R.W. The Intrapersonal Functions of Emotion. *Cognition and emotion*. – University of California-Berkeley, USA. 1999. – №13 (5). – Pp. 481-504.
2. Haselton M.G., Ketelaar T. Irrational Emotions or Emotional Wisdom? The Evolutionary Psychology of Emotions and Behavior. – New York: Psychology Press, 2005. – 21 p.
3. Garland E.L., Fredrickson B., Kring A.M., Johnson D.P., Meyer P.S., Penn D.L. Upward spirals of positive emotions counter downward spirals of negativity: Insights from the broaden-and-build theory and affective neuroscience on the treatment of emotion dysfunctions and deficits in psychopathology. *Clinical Psychology Review*., 2010. – Vol. 30. – Pp. 849-864. doi: 10.1016/j.cpr.2010.03.002.
4. Nesse M.R. Evolutionary explanations of emotions. *Human Nature*, 1990. – Vol. 1. – №3. – Pp. 261-289. doi: 10.1007/BF02733986.
5. Lazarus R. Emotsii i adaptatsiia [Emotion and Adaptation]. SPb.: Piter, 1998. – 350 p. – (Orig. izd.: *Emotion and Adaptation*, 1991).
6. Geertz K. Interpretatsiia kultur: izbrannye esse [The Interpretation of Cultures]. M.: ROSSPEN, 2004. – 560 p. – (Orig. izd.: *The Interpretation of Cultures*, 1973).
7. Lutz K. Emotsii v kontekste: etnografiia chuvstv na ostrovakh Tikhogo okeana [Emotions in Context: Ethnography of Feelings on Pacific Islands]. M.: In-t etnologii i antropologii RAN, 2000. – Pp. 94-113. – (Orig. izd.: *Unnatural Emotions*, 1988).
8. Gross J.J. The emerging field of emotion regulation: an integrative review. *Review of General Psychology*., 1998. – Vol. 2. – No. 3. – Pp. 271-299. doi: 10.1037/1089-2680.2.3.271.
9. Williams R. Marxism and literature / R. Williams. – Oxford: Oxford University Press, 1977. – 217 p.
10. Filmer P. Structures of feeling and socio-cultural formations: the significance of literature and experience to Raymond Williams's sociology of culture. *British Journal of sociology*. – L., 2003. – Vol. 54. – No. 2. – Pp. 199-219. doi: 10.1080/0007131032000080203.
11. Vezhbitskaya A. Iazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. M.: Russkie slovari, 1996. – 512 p.
12. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]. M.: Editorial URSS, 2004. – 256 p.
13. Safina E.F. Semantika emotivov pechali v anglijskom, nemeckom i rusском yazykah. Avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk [Semantics of emotional expressions of sadness in English, German and Russian languages. Abstract of thesis of Candidate of Philology]. Ufa, 2012. – 21 p.
14. Tagaeva T.R. Iazykovaia ob"ektivatsiia emotsional'nogo kontsepta «pechal'» na materiale leksikograficheskikh istochnikov angliiskogo iazyka [Linguistic Objectification of the Emotional Concept "Sadness" Based on Lexicographical Sources of the English Language]. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «XIII Lomonosovskie chteniia», posviashchennoi 115-letiiu akademika Bobodziona Gafurova [Materials of the International Scientific and Practical Conference "XIII Lomonosov Readings" dedicated to the 115th anniversary of Academician Bobojon Gafurov. 28-29 April 2023. Part 1]. Dushanbe, Moscow State University in Dushanbe, 2023. – Pp. 281-288.
15. Britanskij nacional'nyj korpus [British National Corpus]. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed 20 January 2025).
16. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. – 9th ed. – London: HarperCollins Publishers, 2018. – 6292 p.
17. Longman Collocations Dictionary and Thesaurus. – New ed. – London: Pearson Longman, 2013. – 2448 p.
18. Merriam-Webster's Advanced LEARNER'S English Dictionary. Merriam-Webster, Incorporated, 2016. – 1994 p.

19. Houghton Mifflin Harcourt. The American Heritage Dictionary of the English language. Third edition. – Houghton Mifflin Harcourt, 2016. – 8652 p.

Тагаева

Тахмина Рахматуллоевна

аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Душанбе, Республика Таджикистан.
Aquarion97@mail.ru

Tagaeva

Takhmina Rakhmatulloevna

postgraduate student department of theoretical and applied linguistics, Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan.
Aquarion97@mail.ru

Научная статья

УДК

5.9.6. Языки народов зарубежных

стран (английский)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ НАТУРОНИМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Игорь Владимирович Чекулай¹, Ольга Николаевна Прохорова², Владимир Сергеевич Пугач³, Наталья Александровна Лазарева⁴

^{1,2,3,4}Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

¹chekulai@bsu.edu.ru

²olgitsa2010@yandex.ru

³pugach@bsuedu.ru

⁴nata.lazareva@mail.ru

Аннотация. Изучение лексических единиц в языковедческой литературе представляет особый интерес, поскольку опыт духовного и культурного развития человека фиксируется названиями реальных предметов и явлений окружающей действительности. Актуальность заключается в необходимости определения способов передачи фразеологизмов с компонентом натуроним как культурных реалий, отражающих национальное своеобразие народа. Впервые использованы фразеологические единицы со словами, номинирующими растения, животных, природные явления, небесные тела и звезды, которые фиксируют и отражают процессы восприятия и освоения мира в той или иной культуре. Таким образом, исследование натуронимов может помочь в решении терминологических, лингвокультурных, этнолингвистических и лингводидактических проблем.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, фразеологическое значение, национально-культурная особенность, натуроним

Для цитирования: Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Пугач В.С., Лазарева Н.А. Национально-культурные особенности фразеологизмов с компонентом натуроним в английском языке // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – № 2. – С. 136-147. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-136-147>

Original article

NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A NATURONYM COMPONENT IN THE ENGLISH LANGUAGE

Igor V. Chekulay¹, Olga N. Prokhorova², Vladimir S. Pugach³, Nataliy A. Lazareva⁴

^{1,2,3,4} Belgorod state national research university, Belgorod, Russia

¹chekulai@bsu.edu.ru

²olgitsa2010@yandex.ru

³pugach@bsuedu.ru

⁴nata.lazareva@mail.ru

Abstract. The study of lexical units in linguistic literature lays a special interest, since the experience of spiritual and cultural human development is fixed by the names of real objects and

phenomena of the surrounding reality. The relevance lies in the necessity of determining the ways of transferring phraseological units with the component naturonym as cultural realities reflecting the national individuality. For the first time we used phraseological units with words nominating plants, animals, natural phenomena, celestial bodies and stars, which fix and reflect the processes of perception of the world in this or that culture. Thus, the study of naturonyms can help in solving terminological, linguocultural, ethnolinguistic and linguodidactic problems.

Keywords: phraseologism, phraseological unit, phraseological meaning, national-cultural peculiarity, naturonym

For citation: Chekulay I.V., Prokhorova O.N., Pugach V.S., Lazareva N.A. National and cultural features of phraseological units with a naturonym component in the English language, *Linguistics & education*, 2025. – Vol. 5 – No. 2. – Pp. 136-147. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-136-147>

Фразеологизмы, будучи неотъемлемой частью культуры, несут в себе отпечаток национального характера, отличаются стилистическим разнообразием и эмоциональной окраской, а их значение может меняться в зависимости от контекста. Фразеологические единицы представляют собой важнейший пласт языковой системы, в котором концентрируется национально-культурное своеобразие народа, их изучение способствует более глубокому пониманию культуры и языка в целом. Важной задачей современной лингвистики является изучение того, как культура отражается в языке. Анализ национально-культурной специфики фразеологических единиц позволяет глубже понять различные аспекты жизни народа – носителя языка, выявить общие и уникальные черты его мировосприятия. Кроме того, понимание специфики фразеологических единиц имеет важное значение для межкультурного общения, поскольку обеспечивает точное восприятие заложенного в них смысла. В связи с этим рассмотрение фразеологизмов-натуронимом в английском языке сквозь призму национально-культурной специфики актуально.

Н.Ф. Алефиренко, А.В. Кунин, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия определяют фразеологические единицы как важный лингвокультурный феномен, который выполняет функцию сохранения и трансляции национального культурно-исторического наследия через языковые средства [1; 2; 3; 4]. Их национальная специфика является неотъемлемой частью семантики. Возникновение фразеологических единиц обусловлено образным

восприятием мира, сформированным под влиянием истории и духовных ценностей этноса. Именно фразеология наиболее полно отражает национальную культуру, чьи образы выражают особое мировосприятие, сформированное культурными особенностями страны [5, с. 24].

Анализ национальных особенностей фразеологизмов помогает не только в лингвистических исследованиях, но и в межкультурной коммуникации, позволяя лучше понимать особенности национального характера и культурные коды, заложенные в языке. Процесс расширения номенклатуры натуронимов⁷ представляет собой сложное взаимодействие языковых процессов и экстралингвистических факторов. В нашей работе натуронимы включают в себя несколько групп: 1) фитонимы; 2) зоонимы; 3) космонимы (астронимы); 4) природные явления.

Современная лингвистика уделяет значительное внимание изучению языка в неразрывной связи с культурой его носителей, где фразеология занимает важное место благодаря своей высокой лингвистической и страноведческой ценности. Как подчёркивают исследователи Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, национально-культурная значимость фразеологических единиц формируется тремя ключевыми компонентами [6, с. 178-179]:

1. Фразеологические единицы, которые отражают национальную культуру во всей её совокупности, включая все элементы и смысловые оттенки. Для большинства подобных фразеологизмов сложно подобрать полноценный аналог в другом языке. Среди таких в первую очередь можно назвать фразеологические единицы, отражающие традиции и обычаи, например, **good vine needs no bush** – хороший товар сам себя хвалит, выражение используется, чтобы подчеркнуть, что **истинно хороший продукт (или человек) не требует излишней саморекламы** – его

⁷ Авторский термин. В рамках лингвистической терминологии была осуществлена концептуальная интеграция специализированных номинативных категорий – фитонимов (наименования растительных объектов), зоонимов (наименования животных), космонимов (наименования астрономических объектов) и терминологии природных явлений под единым понятием «натуроним» (от лат. nature – «природа»).

достоинства говорят сами за себя. Фразеологизм восходит к традициям средневековой Англии и имеет интересную историю. В XVI–XVII веках английские трактирщики и торговцы вином вывешивали у входа плющ как знак того, что здесь продают вино. Эта традиция связана с античными временами, когда виноградная лоза или плющ ассоциировались с Дионисом – богом виноделия. Если вино было плохим, хозяин старался привлечь покупателей яркой вывеской. Но качественное вино "рекламировало себя само", и ему не требовалось дополнительных украшений. *She never brags about her achievements, but everyone respects her. Truly, good wine needs no bush* – Она никогда не хвастается успехами, но все её уважают. Действительно, хорошее вино не нуждается в рекламе.

Pigeon's milk – обозначает нечто абсолютно нереальное, выдуманное и недостижимое. Это аналог русского "голубинового молока" как символа чего-то недостижимого [7]. *His promises were like pigeon's milk – sweet to imagine but impossible to obtain* – Его обещания были как голубиное молоко – приятны в мечтах, но недостижимы. В данном примере метафорическое использование для описания пустых обещаний.

2. Фразеологизмы, которые отражают национальную культуру языка отдельными лексическими компонентами в составе фразеологической единицы: **make the eagle scream** (досл. заставить орла кричать) означает «произносить ура-патриотические речи, превозносить американский образ жизни» и содержит прямой отсыл к национальной символике США, где орёл является центральным элементом герба и олицетворением американских ценностей [2].

Английский фразеологизм **halcyon days** (досл. дни зимородка) описывает идиллический период покоя, счастья и благополучия, часто с ностальгическим оттенком. В средиземноморских странах зимой (часто в декабре) бывает период штиля, который называли "halcyon days" – считалось, что в это время зимородки выют гнёзда на воде [2, с. 215]. Например: *The president spoke fondly of the halcyon days of his first term, ignoring current crises*

– Президент с теплотой вспоминал безоблачные дни своего первого срока, игнорируя нынешние кризисы. Пример ироничного употребления, подчеркивающего контраст между прошлым и настоящим.

Некоторые фразеологизмы обладают интересной особенностью – они включают в себя лексические компоненты, заимствованные из региональных вариантов английского языка, таких как шотландский, ирландский или австралийский. Ярким примером служит выражение **jump at something like a cock at a groser (groset)**, которое образно описывает ситуацию, когда кто-то с энтузиазмом и немедленно хватается за возможность или предложение [8]. Ключевой компонент **"groser/groset"** – крыжовник имеет шотландское происхождение, что придает фразеологизму особый локальный колорит. Не just jumped at the ready penny like a cock at a groser – Он с жадностью бросился за деньгами (как говорят шотландцы – будто петух, увидевший крыжовник).

Широкое распространение фразеологизмов с компонентом **turkey** в английском языке обусловлено двумя основными причинами: **1. историко-экономическим фактором.** Активная торговля между Англией и американскими колониями в XVI-XVIII веках способствовала проникновению индейки в Европу. Птица, будучи экзотическим товаром из Нового Света, быстро заняла важное место в английской гастрономической культуре; **2. культурным фактором.** Индейка приобрела статус культового праздничного блюда: как главное угощение рождественского стола в Великобритании и как неизменный атрибут Дня Благодарения в США.

Такое уникальное сочетание исторических обстоятельств и культурных традиций сделало индейку значимым концептом, отразившимся в языке через многочисленные фразеологические выражения.

Ярким примером служит выражение **(as) red as a turkey-cock** (досл. **красный как индюк**), которое описывает человека, **покрасневшего от сильных эмоций** – гнева, стыда или смущения – аналог русского **красный как рак** [5], например: The minister turned red as a turkey-cock during the

interview when journalists mentioned his offshore accounts - Министр покраснел, как индюк, во время интервью, когда журналисты заговорили о его офшорах. В современном английском это выражение считается устаревшим – чаще используют **red as a beetroot** (свёкла) или **red-faced**. Однако в литературе и юморе оно сохраняется для образности. Фразеологическое выражение **like turkey voting for Christmas** (досл. **как индюк, который голосует за Рождество**) означает, что человек действует вопреки своим интересам или добровольно соглашается на что-то губительное [7], например: *If small shops accept the megacorporation's terms, it's like turkeys voting for an early Christmas* – Если маленькие магазины примут условия корпорации, это будет добровольным самоубийством.

Английский язык богат фразеологизмами с названиями домашних птиц: *goose, chicken, cock, duck*, что напрямую связано с историческим развитием сельского хозяйства в Англии. Это явление объясняется несколькими факторами: 1) традиционным укладом жизни – разведение птицы было важной частью английского фермерского хозяйства; 2) близостью человека к природе – наблюдая за повадками птиц, люди создавали меткие сравнения; 3) народной смекалкой – многие выражения возникли как яркие метафоры из крестьянского быта. Например: **cook one's (own) goose** – погубить себя, подорвать свои позиции; совершить фатальную ошибку, ведущую к краху [7], например: *By ignoring the market trends, the company cooked its own goose and went bankrupt* – Компания сама себя погубила, проигнорировав тренды; **tame as a chicken** – крайне послушный, покорный, безропотный [7]; **live like a fighting cock** – жить в роскоши и комфорте, быть избалованным [7], например: *These influencers live like fighting cocks while their followers count pennie* – Эти блогеры живут как короли, пока их подписчики считают копейки.

Национальное восприятие образов домашних птиц в разных культурах имеет существенные различия. Например, английские фразеологизмы с компонентом **pigeon** приобретают особые смысловые оттенки: **a clay pigeon**

(досл. **глиняный голубь**) означает легкую цель и человека в уязвимом положении [7]; **shoot at a pigeon and kill a crow** (досл. **стрелять в голубя, а убить ворону**) используется в ситуациях, когда цель не достигнута или, когда действия привели к совершенно иным последствиям [7].

Образ петуха в английском языке используется для описания человека, характеризующегося агрессивностью, задиристостью и безрассудной храбростью, например: **the cock of the school** – главный задира или неформальный лидер в школе; ученик, который доминирует над другими [7], например: *The prefects strutted like cocks of the walk until the day the juniors rebelled* – Старшеклассники важничали, как петухи, пока младшие не устроили бунт; **a fighting cock** описывает человека, который любит провоцировать конфликты, а также неуступчив и готов драться за свои интересы [7], например: *The senator behaves like a fighting cock, attacking opponents instead of debating policies* – Этот сенатор ведёт себя как петух на ринге: атакует оппонентов вместо дискуссий.

3. Фразеологизмы, которые отражают национальную культуру через модели фразеологических единиц. Иными словами, свободные словосочетания описывали особенности быта, культуры и истории народа: **high tea** – это британская традиция позднего дневного приёма пищи (обычно между 17:00 и 19:00), который включает в себя сытные блюда, чай и десерты. Вопреки распространённому заблуждению, это не аристократический "afternoon tea" (с изысканными сэндвичами и сладостями), а рабочий ужин. Термин появился среди фабричных работников и фермеров Северной Англии и Шотландии. После тяжёлого труда люди нуждались в калорийной еде, а не в изысканных бутербродах. Например: *Don't confuse afternoon tea at The Ritz with a Yorkshire high tea – the latter involves shepherd's pie!* – Не путайте послеобеденный чай в "Ритце" с йоркширским "high tea" – последний включает "пастуший пирог"!

Фразеологизм **in a fog** означает состояние растерянности, непонимания. Это выражение уходит корнями в британскую метеорологическую

реальность и культурные ассоциации, связанные с туманом. Лондон и другие города Великобритании исторически страдали от густых туманов. В таких условиях видимость падала до нуля, люди буквально терялись в тумане, что породило метафору "**быть в замешательстве**". В викторианскую эпоху туман стал символом загадочности и неопределённости в литературе: Чарльз Диккенс использовал туман как метафору социальной несправедливости, а Артур Конан Дойл делал лондонский туман атрибутом тайн и преступлений. Например: *The flu left me in a fog for days – I couldn't even remember my phone number* – После гриппа я несколько дней был как в тумане – даже номер телефона не мог вспомнить.

Национально-культурная специфика фразеологизмов может выражаться через: буквальное значение компонентов, когда прямое значение словосочетания отражает уникальную ситуацию, характерную для культуры народа-носителя языка и образную основу – на базе этой ситуации формируется переносное (идиоматическое) значение [5, с. 13]. Такие фразеологизмы могут рассказать об исторических фактах или событиях, например: **as well be hanged (or hung) for a sheep as a lamp** – “семь бед – один ответ”, смысл в том, что если наказание ждет уже за овцу, то можно и ягненка прихватить. То есть, если результат один и он уже ждет, можно не сдерживаться в поступках. Речь идёт о суровом законодательном акте старой Англии, согласно которому за кражу овцы предусматривалась высшая мера наказания – смертная казнь через повешение.

Фразеологизм **save for a rainy day** – "откладывать на чёрный день". В сельской Англии дождь означал невозможность работать в поле (посев, сбор урожая, уход за скотом). В такие дни доходы прекращались, но расходы на еду и содержание семьи оставались, поэтому приходилось откладывать зерно, деньги или припасы, чтобы пережить непродуктивные периоды. Фразеологизм раскрывает ключевые ценности английской культуры: прагматизм, ответственность, климатический фатализм. Например: *Our company always keeps 3 months' worth of operating costs in reserve – it's our way*

of saving for a rainy day – Наша компания всегда держит запас на 3 месяца работы – это наш способ подготовиться к кризису.

А.В. Кунин говорит о нескольких источниках происхождения исконно английских фразеологических единиц, основанных на английских реалиях, связанных с именами ученых, писателей, также о фразеологизмах, связанных с астрологией и карикатурами, в которых отражаются традиции и обычаи английского народа, взятые из сказок, фразеологические единицы терминологического происхождения [2, с. 112-115]. В.Н. Телия, исследуя, как культура влияет на понимание фразеологизмов, выделяет следующие основные источники, из которых черпается их значение: 1) лексические единицы и фразеологизмы, обладающие дополнительным смысловым подтекстом, выходящим за рамки буквального значения; 2) устойчивые образы, концепты и речевые формулы, сформировавшиеся под влиянием библейских текстов и церковной традиции; 3) совокупность знаний и представлений, сложившихся как в национальной, так и в мировой культуре в процессе исторического развития; 4) уникальные явления материальной и духовной культуры, характерные для конкретного этноса и зафиксированные в справочных изданиях [4, с. 240]. Фразеологизм **talk turkey** – говорить прямо, честно и по делу, без лишних предисловий или уклончивости [9]. Этот фразеологизм, связанный с Днем благодарения, призывает к откровенному и честному разговору, особенно когда собеседник увильивает, шутит невпопад или пытается скрыть правду. Легенда гласит, что индеец, обманутый при дележе птиц (получивший невкусных воронов вместо индеек), потребовал прекратить уловки и перейти к сути дела, сказав: "Stop talking birds, let's talk turkey" – "Прекрати меня обманывать, давай поговорим серьезно". Таким образом, фраза стала синонимом призыва к прямоте и серьезности в разговоре.

Английский фразеологизм **to be no spring chicken** (не первой молодости, немолодой) появился еще в 18 веке [7]. В то время еще не было инкубаторов для цыплят, и маленькие птенцы не выживали в холод. Именно

поэтому цыплят не выращивали зимой, и первые появлялись только весной. Их мясо стоило очень дорого, некоторые продавцы пытались выдать тушку старой курицы за мясо весеннего цыпленка. Понимающие покупатели говорили, что это не весенний цыпленок. Со временем этот фразеологизм стал очень популярным. “Charles is a handsome man, but he is no spring chicken” – “Чарльз очень симпатичный мужчина, хотя он уже и немолод”.

A nest of singing birds (досл. гнездо певчих птиц) служил поэтическим фразеологизмом для обозначения **плеяды английских лирических поэтов елизаветинской эпохи (XVI век)** [7].

Перу Шекспира принадлежит фразеологизм **know a hawk from a handsaw** – понимать, что к чему [7].

Можно сделать вывод, что фразеологизмы, содержащиеся в своем составе натуронимы, часто отражают национальную культуру и передают уникальные особенности языка, присущие конкретному народу. Были обнаружены фразеологические единицы, прототипы которых уходят вглубь времен, но несмотря на это они остаются актуальными и в наше время. Такие фразеологизмы – это своеобразные свидетели прошлого, отражающие историю и культуру народа, использующего язык. Многие из них имеют аналоги в других культурах, что отражает единство человеческого опыта. Осознание культурного подтекста языка делает общение и восприятие текстов гораздо проще. Важно учитывать лингвострановедческий компонент и видеть в выражениях не только «буквальный» смысл. Изучение национально-культурной специфики устойчивых выражений позволяет глубже понять их образность.

© Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Пугач В.С., Лазарева Н.А., 2025

Список источников

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. Москва: ЭЛПИС, 2008. – 270 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М. – Дубна: Высш. шк.; Феникс, 1996. – 381 с.
3. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит. М.: Высш.шк., 1989. – 286 с.

4. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
5. Шарая О.В. Национально-культурная специфика немецкой флористической фразеологии: дисс. ... к. филол. н. М., 2005. – 364 с.
6. Верещагин Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура. Три лингвистические концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесловием академика Ю.С. Степанова. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. – 942 с.
8. Oxford idioms. Dictionary for learners of English. Oxford: Oxford University Press, 2006. – 470 p.
9. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 587 p.
10. Арсентьева Е.Ф. Русско-английский фразеологический словарь. Казань: Хэтер, 1999. – 318 с.
11. Квеселевич Д.И. Современный русско-английский фразеологический словарь. М.: Астрель; АСТ, 2002. – 624 с.

References

1. Alefirenko Nikolai F. Frazeologija v svete sovremennyh lingvisticheskikh paradigm [Phraseology in the light of modern linguistic paradigms]: A Monograph. M.: ELPIS, 2008. – 270 p.
2. Kunin A.V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka [The course of phraseology of modern English]: a textbook for students and teachers of foreign lang. M. – Dubna: Higher School; Phoenix, 1996. – 381 p.
3. Mokiyenko V.M. Slavjanskaja frazeologija [Slavic Phraseology]: Textbook for Universities. Higher School; 1989. – 286 p.
4. Teliya V.N. Russkaja frazeologija: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguoculturological aspects.] Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. – 288 p.
5. Sharaya O.V. Nacional'no-kul'turnaja specifika nemeckoj floristicheskoy frazeologii [National and cultural specifics of German floristic phraseology]: dissertation ... cand. philol. scien. M., 2005. – 364 p.
6. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Tri lingvisticheskie koncepcii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskih taktik i sapientemy [Language and culture. Three linguistic concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapientema] / ed. and with an afterword by academician Yu.S. Stepanov. – M.: Indrik, 2005. – 1040 p.
7. Kunin A.V. Anglo-russkij frazeologicheskij slovar' [English-Russian phraseological dictionary.] Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1984. – 942 p.
8. Oxford idioms. Dictionary of English. Oxford: Oxford University Press, 2006. – 470 p.
9. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 587 p.
10. Arsentieva E.F. Russko-anglijskij frazeologicheskij slovar'. [Russian-English phraseological dictionary.] Kazan: Hater, 1999. – 318 p.
11. Kveselevich D.I. Sovremennyj russko-anglijskij frazeologicheskij slovar' [Modern Russian-English phraseological dictionary.] Moscow: Astrel; AST, 2002. – 624 p.

**Чекулай
Игорь Владимирович**

доктор филологических наук, профессор, Белгородский
государственный национальный исследовательский
университет, Белгород, Россия
chekulai@bsu.edu.ru

Chekulai
Igor Vladimirovich

doctor of philology, professor, Belgorod state national research university, Belgorod, Russia
chekulai@bsu.edu.ru

Прохорова
Ольга Николаевна

доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
olgitsa2010@yandex.ru

Prokhorova
Olga Nikolaevna

doctor of philology, professor, Belgorod state national research university, Belgorod, Russia
olgitsa2010@yandex.ru

Пугач
Владимир Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
pugach@bsuedu.ru

Pugach
Vladimir Sergeevich

candidate of philology, Associate Professor, Belgorod state national research university, Belgorod, Russia
pugach@bsuedu.ru

Лазарева
Наталья Александровна

аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
nata.lazareva@mail.ru

Lazareva
Natalya Aleksandrovna

postgraduate student of the department of English philology and intercultural communication, Belgorod state national research university, Belgorod, Russia
nata.lazareva@mail.ru

Научная статья

УДК 811

5.9.6. Языки народов зарубежных
стран (английский)

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-148-165>

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ LEAN-ТЕРМИНОЛОГИИ

Полина Игоревна Якушкина¹, Елена Сергеевна Рулевская²

^{1,2}Российский университет транспорта, Москва, Россия

¹egorovapolina77@yandex.ru

²yudina_44@mail.ru

Аннотация. С конца XX века растет популярность технологии бережливого производства. Однако терминологический аппарат данной отрасли до сих пор остается малоизученным. По этой причине объектом исследования в данной работе выбрана lean-терминология (терминология бережливого производства) английского языка, так как именно он является языком международного общения. Предметом исследования служат японские заимствования (японизмы) в англоязычной lean-терминологии. Цель работы – выявить структурно-семантические особенности японизмов в lean-терминологии. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: изучить существующие словари и глоссарии по lean-терминологии, отобрать японизмы в lean-терминологии методом сплошной выборки, провести семантический анализ терминов-японизмов, определить особенности структуры терминов, заимствованных в английский язык из японского языка. Исследование показало, что особенностью lean-терминологии является обилие терминов-дублетов; типичны явления терминологической синонимии, омонимии и полисемии. С точки зрения структуры в lean-терминологии преобладают термины-слова и терминологические словосочетания комбинированного типа. Результаты исследования расширяют знания об англоязычной терминологии бережливого производства и могут использоваться в теоретических исследованиях, а также в практической деятельности переводчиков и преподавателей иностранного языка.

Ключевые слова: бережливое производство, терминология, японизм, структура, семантика

Для цитирования: Якушкина П.И., Рулевская Е.С. Особенности формирования англоязычной lean-терминологии // Лингвистика и образование. 2025. – Том 5. – № 2. – С. 148-165. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-148-165>

Original article

FORMATION FEATURES OF ENGLISH LEAN-TERMINOLOGY

Polina I. Yakushkina¹, Elena S. Rulevskaya²

^{1,2}Russian university of transport, Moscow, Russia

¹egorovapolina77@yandex.ru

²yudina_44@mail.ru

Abstract. Since the end of the 20th century, the popularity of lean manufacturing technology has been growing. However, the terminology of this industry is still poorly understood. For this reason, the object of research in this paper is lean terminology (lean manufacturing terminology) of the English language, since it is the language of international communication. The subject of the study is Japanese borrowings (Japanisms) in English-language lean terminology. The purpose of the work is to identify the structural and semantic

features of Japanisms in lean terminology. To achieve this goal, the following tasks were formulated: to study existing dictionaries and glossaries on lean terminology, to select Japanese terms in lean terminology using a continuous sampling method, to conduct a semantic analysis of Japanese terms, to determine the features of the structure of terms borrowed into English from Japanese. The study showed that a feature of lean terminology is the abundance of doublet terms; the phenomena of terminological synonymy, homonymy and polysemy are typical. From the point of view of structure, lean terminology is dominated by terms-words and terminological phrases of a combined type. The results of the study expand knowledge about the English-language terminology of lean manufacturing and can be used in theoretical research, as well as in the practical activities of translators and teachers of a foreign language.

Keywords: lean manufacturing, terminology, Japanism, structure, semantics

For citation: Yakushkina P.I., Rulevskaya E.S. Formation features of English lean-terminology, *Linguistics & education*, 2025. – Vol. 5 – No. 2. – Pp. 148-165. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2025-2-148-165>

Введение

Известно, что в практике научно-технического перевода всегда возникают трудности с подбором эквивалентных терминов, обозначающих новые понятия. В конце XX века в промышленно развитых странах активно стало распространяться и внедряться в фирменные технологии понятие, обозначаемое терминологическим сочетанием «бережливое производство». Термин «бережливое производство» является результатом перевода английских терминов, относящихся к англоязычным терминам *lean-технологии*, *lean production*, *lean manufacturing*. Необходимо заметить, что в русском языке увеличивается число слов-терминов, соответствующих *lean-методологии*: *бережливая логистика (лин-логистика)*, *бережливое здравоохранение*, *бережливое строительство*, разные виды *lean-производства* и т.д.

Бережливое производство (lean-производство) играет важную роль в современном мире, помогая компаниям оптимизировать свои процессы и повысить эффективность. Считается, что имеющаяся морфема *Lean* в составе терминов «*lean-производство*», «*lean-технологии*» в данном случае означает именно «производство без излишеств» – то, чего должно добиваться любое предприятие.

Главной целью бережливого производства является минимизация потерь, максимизация ценности продукта для клиента и повышение производительности. Внедрение бережливого производства позволяет

компаниям снизить затраты, улучшить качество продукции и ускорить процесс производства. Данная концепция применяется в различных сферах, от автомобилестроения до медицины, и способствует улучшению как внутренних процессов, так и конкурентоспособности на рынке.

Краткая история появления lean-методологии

Первоначальные идеи создания бережливой технологии зародились еще в 1832 году в Германии с «задачей коммивояжера»: необходимостью посетить все торговые точки так, чтобы побывать в каждой только один раз и не пропустить ни одной. Мысли относительно lean-технологий «были высказаны еще Генри Фордом, но они не были восприняты бизнесом, поскольку значительно опережали время» [1]. Уже в 1919 году заводы Форда начали внедрять принципы бережливого производства.

Основателем бережливого производства считается Тайити Оно, начавший работу в Toyota Motor в 1943 г. Изначально концепция касалась лишь отрасли автомобилестроения. Позднее, к середине 1950-х гг. была внедрена система Toyota Production System (TPS), которая затем ближе к 1980-м годам стала известна как *Lean*. Концепция была адаптирована к условиям непрерывного производства и стала применяться в торговле, сфере услуг, здравоохранении и т.д.

Актуальность изучения lean-терминологии

Развитие науки непременно влечет за собой и развитие терминологии. Актуальность проводимого исследования подчеркивается тем, что терминология бережливого производства является относительно молодой, терминосистема lean-терминологии находится на стадии формирования и нуждается в изучении.

В наши дни изучение профессиональной лексики имеет огромное значение, особенно в условиях глобализации и цифровизации. Для повышения качества профессионального общения требуются новые и эффективные средства коммуникации.

Объектом исследования в данной работе является англоязычная базовая lean-терминология. Материалом служат термины, отобранные из глоссариев и отраслевых словарей по бережливому производству [2, 3, 4, 5, 6, 7,8, 9]. Всего для анализа было собрано 132 термина, относящегося к lean-терминологии.

Глоссарий как вид справочной литературы

Наиболее распространенной формой организации отраслевой терминологии является глоссарий.

Согласно Большому энциклопедическому словарю, глоссарий – «собрание глосс - непонятных слов или выражений – с толкованием (толковый глоссарий) или переводом на другой язык (переводной глоссарий)» [10].

Глоссарии создаются в первую очередь для решения практических (в том числе – и переводческих) задач. Они характеризуются небольшим объемом, включают наиболее употребительную и в то же время трудную для адекватного понимания специальную лексику. Можно утверждать, что автор глоссария осуществляет попытку выделить в многообразии специальной лексики набор базовых терминов [11] и упорядочить их. Создание глоссариев обычно предшествует созданию полноценных отраслевых словарей.

Бережливое производство – относительно молодая отрасль, находящаяся в стадии интенсивного развития. Следовательно, терминология бережливого производства продолжает формироваться и ежедневно обогащается новыми единицами. Распространение данного вида производства на новых территориях сопровождается переводом базовой терминологии на разные языки. Данный процесс сопряжен с активным заимствованием терминов из других языков. Английский язык, как инструмент международного общения, представляет особый интерес. По этой причине основное внимание в данной работе уделяется анализу англоязычной базовой терминологии бережливого производства, своим происхождением связанной с заимствованием.

Так как концепция бережливого производства зародилась в Японии и затем стала популярна во всем мире, доля терминов, заимствованных из японского языка (*японизмов*) очень высока. Предметом данного исследования являются японизмы в lean-терминологии английского языка.

Проанализировав состав англоязычных глоссариев и отраслевых словарей по бережливому производству, которые находятся в открытом доступе в интернете, мы пришли к заключению, что доля японизмов составляет в среднем около 26% в английской lean-терминологии.

Однако стоит отметить, что в отдельных глоссариях, например Lean Manufacturing Glossary, более половины глосс являются японизмами [8].

Заимствования как результат межкультурной профессиональной коммуникации

В современной терминологии наблюдается ряд тенденций – таких, как, например, заимствование научно-технической лексики – терминов.

Согласно Словарю лингвистических терминов заимствования или иноязычные слова – это «слова, заимствованные из других языков. Заимствование является естественным следствием установления экономических, политических, культурных связей с другими народами, когда вместе с реалиями и понятиями приходят обозначающие их слова.

Заимствование происходит двумя путями: устным – через разговорное общение, в условиях контакта с носителями другого языка, и письменным – через книги, периодическую литературу, официальные документы и т. д.

Заимствование способствует обогащению словарного состава заимствующего языка; слова иноязычного происхождения, как правило, подчиняются законам фонетики, грамматики и словообразования этого языка» [12].

Процесс современного заимствования терминологической лексики характеризуется быстрым переносом терминов из языка в язык, в силу глобализации и роста международного сотрудничества. Не исключением стала и отрасль бережливого производства.

Зародившись в Японии и будучи перенятыми американскими коллегами, а позднее и другими странами, lean-технологии изобилуют терминами- заимствованиями, пришедшими из японского языка.

Если в целом говорить о лексических заимствованиях из японского языка в английский, то их количество невелико. Чаще всего японизмы наблюдаются в ряде предметных областей, таких, как спорт, кулинария, субкультура аниме и манго, религия и верования и др.

Автомобилестроение является одной из основных отраслей промышленности в Японии. Именно автомобильная продукция является главной статьей японского экспорта. «В 90-х годах автомобилестроение заняло 10% от ВВП Японии...Лидером первой пятерки является «Тойота мотор» (38,9%)» [13]. Несомненно, терминология автомобилестроения в английском языке будет содержать японизмы («заимствования из японского языка в другие языки. Ср. японизмы в русск. языке: бонза, бусидо, гейша, джиу-джитсу, дзюдо, икебана, карате, микадо, татами, хожу, харакири» [12]).

Вопрос о том, как формируется терминологическое значение в общеупотребительном слове, является проблемным в терминоведении. Термины и общеупотребительная лексика тесно связаны, а язык науки зачастую наделяет слова новыми смыслами, расширяя семантическое поле. Вопрос о терминологизации и детерминологизации лексики остается спорным: часть ученых убеждена, что сначала появляется термин, который позднее становится общеупотребительным словом; другие, напротив, считают, что термины образуются из общеупотребительных слов. В терминологии бережливой логистики наблюдается формирование терминов путем терминологизации общеупотребительной лексики. Переход общеупотребительных слов в сферу терминологии сопровождается как сужением значения, так и изменением значения в результате метафорического и метонимического переносов. Таким образом, одним из наиболее распространенных способов терминообразования является семантический способ.

Примерами метафорического переноса значений обычных слов для наименования специальных понятий в области бережливого производства являются: *andon*, *jinbou*, *kamishibai*, *mizusumashi*, *senseiu* др.

Слово «**andon**» в оригинале означает «бумажный фонарь» или просто «фонарь», то есть источник света, который использовался для освещения помещений или улиц, а также в качестве маяка или вывески. В бережливом производстве этот термин получил новое значение: это система визуального и/или звукового оповещения о проблемах на производстве. Аналогично тому, как фонарь освещает тьму, система *andon* «освещает» (делает видимыми) проблемы на производственной линии, позволяя быстро на них реагировать.

Слово «**jinbou**» (или *jinbutsu*) в контексте бережливой логистики происходит из японской философии управления производством. Термин *jinbou* означает «люди» или «персонал» и относится к человеческому фактору в процессах – к тем, кто непосредственно вовлечён в выполнение работы на местах. Термин подчёркивает роль человека в производственных и логистических процессах. В классической концепции 3М (*Muda*, *Mura*, *Muri*) и 5М (*Man*, *Machine*, *Material*, *Method*, *Measurement*) японского менеджмента, *jinbutsu/jinbou/Man* – это один из ключевых ресурсов, наряду с машинами, материалами и методами.

Слово «**kamishibai**» в контексте бережливой логистики происходит из японской культуры и буквально означает «бумажный театр» – традиционный японский способ рассказывать истории с помощью иллюстрированных картинок. В бережливом производстве и логистике термин именуется инструментом визуального управления и контроля, позволяя быстро и наглядно отслеживать выполнение задач, выявлять проблемы и обеспечивать непрерывное улучшение процессов.

Термин «**mizusumashi**» и его дублет «*mizu-sumashi*» буквально в японском языке означает «водяной жук» или «водяной бегун» – насекомое, которое быстро и легко перемещается по поверхности воды. В контексте

бережливой логистики и производства этот термин метафорически описывает сотрудника, который перемещается по производственной линии или цеху, обеспечивая своевременную доставку материалов и инструментов, поддерживая непрерывность процесса и минимизируя простои. Метафора «*mizusumashi*» отражает именно мобильность, быстроту и легкость перемещений такого сотрудника, который словно «бегает по поверхности» производственного потока, обеспечивая его бесперебойную работу.

Термин «*sensei*» в бережливой логистике используется как метафора, потому что он отражает роль наставника или учителя, который помогает сотрудникам и командам освоить философию и практики бережливого производства. В японской культуре *sensei* – это уважаемый учитель, обладающий глубокими знаниями и опытом, который направляет учеников к совершенствованию и развитию. В бережливой логистике *sensei* означает эксперта, который не просто передает знания, но и поддерживает процесс постоянного улучшения, обучая сотрудников выявлять и устранять потери, оптимизировать процессы и развивать культуру бережливого мышления.

Таким образом, очевидно, что семантическое преобразование общеупотребительных слов влечет за собой проблему тождества слова, многозначности и омонимии.

Следует отметить обилие терминов-дублетов в английской *lean*-терминологии. Зачастую это явление вызвано различиями в транскрибировании японских звуков латиницей: *bakayoke* – *rokaoyoke* («устранение ошибок»); *gemba* – *genba* («место действия»); *gembutsu* – *genbutsu* («реальный объект»); *mizusumashi* – *mizu-sumashi* («курьер»); *shojinka* – *Shoujinka* – *Shouninka* – *Shoninka* – *Shoryokukai* («гибкое распределение рабочей силы») др.

Эти термины пришли из японской культуры и бережливого производства, где они обозначают ключевые принципы и инструменты повышения эффективности и качества в логистике и производстве.

Ряд терминов-дублетов являются полными разноязычными эквивалентами: *Value Added– Shigoto* («добавленная стоимость – работа»); *Tsurube Houshiki – Tsurube System* («Система Цурубе»).

Все японские заимствования адаптируются в языке-реципиенте, ассимилируясь в разной степени как грамматически, так и семантически. Следует отметить, что семантическая адаптация происходит значительно медленнее, так как изменение значения слова связано с глубинными культурными и когнитивными аспектами, которые сложнее трансформируются в языке-реципиенте. Логично будет разделить такие заимствования на полные и неполные семантические эквиваленты.

На первый взгляд дублетные термины могут в последствии являться неполными семантическими эквивалентами, как, например, в случае с лексемами «blitz» и «kaizen»: «blitz» – это проект, обычно длящийся неделю, нацеленный на достижение конкретных результатов; «kaizen» в более широком смысле – это любое усилие сделать что-то лучше. Данный пример наглядно иллюстрирует возможное возникновение межкультурного недопонимания или конфликта, поскольку не всегда понятно, говорите ли вы о структурированном мероприятии или просто о стремлении к общему улучшению.

Во-первых, различие в семантическом объёме этих терминов отражает разницу в их функциональном назначении и культурном контексте. «Blitz» – сжатая, интенсивная и целенаправленная активность с чётко ограниченными сроками и измеримыми результатами. В то же время «kaizen» охватывает более широкую философию постоянного совершенствования, которая не ограничена конкретным временным промежутком и может проявляться в самых разных формах и масштабах.

Во-вторых, подобная семантическая неоднородность приводит к тому, что при переводе этих терминов на язык-реципиент часто бывают ситуации, когда слушатель или пользователь не в состоянии однозначно понять, о каком именно аспекте улучшения идёт речь.

Наконец, данный пример подчёркивает, что семантическая адаптация требует не только лингвистической трансформации, но и глубокого культурного осмысления и контекстуализации. Без этого даже правильный перевод или заимствование могут стать источником недопонимания и снижать эффективность коммуникации и совместной работы.

Еще одним таким примером являются термины «*tuda*» (потери, бесполезные действия), «*miri*» (перегрузка, чрезмерные нагрузки), «*muga*» (неравномерность, колебания в процессах), которые в словаре даны в качестве синонимов, однако, семантика этих слов отличается:

- «*tuda*» – наиболее общий и распространенный термин, обозначающий «отходы», на самом деле, обозначает отходы, возникающие из-за ненужных действий, которые не добавляют ценности продукту или услуге;
- «*muga*» – отходы, возникающие из-за неравномерности или непостоянства в процессах;
- «*miri*» – отходы, возникающие из-за чрезмерной нагрузки на людей, оборудование или процессы.

Таким образом, семантические различия данных трех терминов являются смысловозначительными в процессе профессиональной коммуникации.

Интерес представляет лексема «*waigaaya*» (открытое коллективное обсуждение), которая образована слиянием двух слов: английского «*why*» («почему») и японского «*gaaya*», что является приближенным произношением «*guu*» («парень, человек»). Изначально эта лексема появилась как сленговое слово в японском деловом языке и обозначала стиль проведения собраний в компании Honda, известной своей спонтанностью и незапланированным характером, если на производственном участке возникают проблемы. Этот термин часто негативно окрашен и подразумевает неэффективность подобных собраний. Таким образом, термин «*waigaaya*» стал устоявшимся в

японском языке, что в свою очередь отражает взаимное влияние английских слов и концептов на современную японскую культуру и язык.

При описании специфики терминологии той или иной отрасли интерес вызывают особенности структуры терминов. Анализ терминов с точки зрения формального подхода имеет особое значение в случае обогащения терминологического аппарата отрасли посредством заимствования, так как способствует более глубокому пониманию механизмов данного процесса.

Анализ формальной структуры терминов lean-терминологии

Формальная структура терминов представляет собой значительный интерес в качестве объекта исследования. Большое внимание теоретической разработке данного вопроса уделил в своей работе В.М. Лейчик, преследуя главным образом цель дать «исчерпывающие рекомендации по достижению оптимальной структуры и оптимальной длины термина» [14, с. 48].

В.П. Даниленко разделяет термины на три основные группы в соответствии/и с особенностями их строения: термины-слова, символ-слова, термины-словосочетания [15, с. 37]. Исследователи Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин считают, что основными структурными типами терминов являются термины-слова и термины-словосочетания [16, с. 70]. Согласно Л.Б. Ткачёвой, термины делятся на простые и сложные, отдельно стоит рассматривать терминологические сочетания, которые подразделяются на связные, свободные и фразовые [17, с. 40].

В данной работе анализ будет проводиться с опорой на классификацию терминов, описанную С.В. Гриневым [18]. Согласно С.В. Гриневу, с формальной точки зрения термины делятся на «термины, состоящие из одного слова, и терминологические словосочетания. Термины-слова подразделяются на корневые термины, основа которых совпадает с корнем, аффиксальные, основа которых содержит корень и аффикс(ы), и сложные, основа которых содержит несколько корневых морфем. Сложные термины подразделяются на термины-редупликаты (второй корень которых повторяет первый иногда с незначительным изменением), термины-символ-слова (в их

состав входит буквенный или числовой символ), термины-моделеслова (в состав входит графический знак), многокомпонентные термины (в состав входит три и более корня). Разновидностями многокомпонентных терминов являются цепочечные и агглютинативные термины. Термины-словосочетания подразделяются на двухсловные, трехсловные и многословные (в состав которых входит четыре и более слова)» [18, с. 62–64].

В вопросах анализа языковых явлений важную роль имеет точка зрения исследователя и выбранный им подход. В данной работе рассматривается англоязычная lean-терминология, то есть анализируется материал с позиции английского языка. Та или иная лексема японского языка, заимствованная английским языком, будет отнесена к той или иной категории в формальной классификации, с опорой на особенности восприятия данной лексемы носителями английского языка. Это замечание особенно значимо в контексте структурного анализа терминов, заимствованных из языка с принципиально отличающимся способом графической записи. В языке-оригинале, а именно в японском языке, анализируемые термины записываются иероглифами. При переходе в систему английского языка термины приобретают форму, созданную посредством латинского алфавита. Такая значительная трансформация ощутимо влияет на структурные особенности слов. Термины, которые выражаются в японском языке несколькими иероглифами, часто оформляются в языке-реципиенте, в данном случае – в английском языке, одним словом. Например, термин «Yatai» (сборочная ячейка, в которой осуществляется процесс сборки прибора от начала до самого конца), который функционирует в английском языке как термин-слово, в японском языке записывается двумя иероглифами (屋台) и по своей семантике и структуре является термином-словосочетанием.

Большая часть проанализированных терминов-японизмов в lean-терминологии относится к категории «термины-слова». Случаев

присоединения к японским корням англоязычных аффиксов нами зафиксировано не было. Японизмы в lean-терминологии представлены корневыми и сложными терминами-словами нескольких типов. Рассмотрим термины корневого типа:

- **Obeya** (название рабочего пространства, предназначенного не только для периодических совещаний проектной команды, но и для постоянной совместной работы);
- **Nemawashi** (неформальный процесс получения поддержки от коллег и других лиц перед началом проекта, чтобы увеличить шансы на успех);
- **Minomi** (способ доставки материала к месту потребления (например, на сборочную линию) без какой-либо упаковки или контейнеров);
- **Karoshi** (термин, обозначающий крайнюю степень эмоционального выгорания сотрудника);
- **Kaikaku** (фундаментальные и радикальные изменения).

Нами было выявлено несколько примеров дефисного написания японизмов. В этом случае можно говорить о сложных терминах-словах различных типов. Например, **Mizu-Sumashi** (оператор-поставщик, обеспечивающий поставку материалов туда и тогда, когда они необходимы) – двухосновный термин.

Термины **Raku-Rakuseats** (сиденья, прикрепленные к подвижному кронштейну или аналогичному устройству, обеспечивают рабочим удобное положение при сборке изделий) и **Chaku-Chaku** (метод реализации непрерывного потока единичных изделий) – примеры двухосновных терминов-слов с редупликацией основы, т.к. второй из корней является повторением первого корня.

Примерно половину изученных терминов-японизмов составляют словосочетания. Преимущественно это – двухсловные термины-словосочетания. Например, терминологическое словосочетание «**Yokoni Tenkaisuru**», состоящее из двух слов, относится к данному типу. «**Yokoni**

Tenkaisuru» – практика распространения информации по всей организации, как о результатах, так и, что еще более важно, о процессе достижения этих результатов);

- **Hoshin Kanri** (внедрение политики согласования целевых показателей на всех уровнях иерархии предприятия);
- **Jinzai Katsuyou** (способность не только использовать, но и развивать имеющиеся человеческие ресурсы);
- **Kadai Souzouryoku** (способность выявлять основные проблемы);
- **Setsuban Kanri** (японский метод управления производством, ориентированный на изготовление по индивидуальному заказу).

Об активном освоении английским языком слов, заимствованных из японского языка, свидетельствуют комбинированные терминологические словосочетания, в которых используются слова японского происхождения вместе с английскими терминами.

- **Tatami Conveyor** (разновидность конвейера, разработанная Mitsubishi, в которой автомобильная сборочная линия не имеет оборудования, подвешенного к потолку, а полностью установлена на полу и, следовательно, может перемещаться);
- **Nagara Fixture** (приспособление для движущейся сборочной линии, в частности в автомобилестроении, на которой перевозятся детали или инструменты);
- **Kansei Engineering** (процесс разработки продукта с особым вниманием к эмоциям, потребностям и чувствам потребителя);
- **Kanban Signal** (производственные инструкции, используемые на производственных линиях, где обрабатываются различные изделия и требуется время для перехода от обработки одного изделия к обработке другого);
- **Kaizen kits** (пакеты инструментов и расходных материалов, которые поддерживают деятельность по постоянному совершенствованию).

Доля трехсловных терминологических сочетаний не велика. И составляет 7% от общего числа терминов. Присутствуют термины-словосочетания из трех японских слов:

- **Ichi Nin Ku** (японская философия или концепция о том, что работа должна соответствовать способностям работника);
- **Ji Kotei Kanketsu** (концепция Toyota, согласно которой каждый работник несет личную ответственность за свою работу, как в плане качества, так и эффективности).

Однако, как и в случае с двухсловными терминологическими сочетаниями, зафиксированы комбинированные трехсловные терминологические словосочетания, в которых слова японского происхождения соединяются с английскими терминами.

- **Kaizen Newspaper Form** (инструмент как для управления рабочей нагрузкой во время кайдзен-мероприятий, так и для отслеживания последующих мероприятий);
- **Kanban Parts Withdrawal** (инструмент, который используется между производственными процессами для следующих процессов, чтобы подобрать необходимые детали из предыдущих процессов).

В собранном нами языковом материале «многословные термины-словосочетания» [18, с. 63] (включающие четыре-, пять- компонентов) отсутствуют.

Полученные результаты анализа формальной структуры терминов-японизмов в lean-терминологии можно представить в виде таблицы:

Таблица 1. Структурные разновидности терминов японского происхождения в lean-терминологии (по С.В. Гринёву)

Термины-слова				Термины-словосочетания				
Корневые	Аффиксальные	Сложные		Двухсловные		Трехсловные		Многословные
		Редупликации	2-основные	Англ+яп	Яп+яп	Англ+яп	Яп+яп	
49%	-	3%	2%	22%	7%	4%	3%	

Заключение

Опираясь на проведенный анализ и полученные числовые показатели, можно утверждать, что большая часть терминов, заимствованных из японского языка, существует в формате терминов-слов. Большая доля терминологических словосочетаний комбинированного типа свидетельствует о том, что японизмы активно осваиваются английским языком, и их значительная часть прочно закрепилась в англоязычной lean-терминологии.

В ходе исследования выявлено, что различия в японской и англоязычных культурах привели к отсутствию прямых эквивалентов для многих японских понятий в английском языке. Это стало причиной заимствований, что, в свою очередь, вызвало ряд сложностей: заимствования частично ассимилировались в английский, но сохранили ряд иноязычных характеристик, таких, как произношение и написание.

Изучение японизмов в английской терминосистеме lean-производства необходимо для повышения эффективности профессиональной межкультурной коммуникации в сфере lean-технологий. Теоретическая значимость проведенного исследования может быть оценена как определенный вклад в теорию научно-технического перевода. Практическая ценность определяется возможностью использования результатов анализа в практической деятельности переводчика и преподавателя иностранных языков.

© Якушкина П.И., Рулевская Е.С., 2025

Список источников

1. Егорова М.В. История развития системы бережливого производства / М.В. Егорова, Л.В. Субботина. – Текст: непосредственный // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы IX Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию доктора исторических наук, профессора А.В. Бакунина, Екатеринбург, 8-9 октября 2009 г. / Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский государственный технический университет – УГТУ-УПИ. В 2-х т. – Т. II. – Екатеринбург: Издательский дом "Автограф", 2009. – С. 211-215.

2. Lean Manufacturing Glossary. Lean Production URL: <https://www.leanproduction.com/lean-glossary/> (дата обращения 22.10.24)

3. Glossary of Lean Terms. Lean Horizons Consulting URL: <https://leanhorizons.com/lean-glossary-terms/> (дата обращения 22.10.24)

4. Glossary of Lean Terminology. Simpler URL: https://www.ame.org/sites/default/files/query_archive_docs/LeanGlossary_01_08_1.pdf (дата обращения 22.10.24)
5. Glossary of Lean Terms. TMS Lean Solutions URL: <https://txm.com/learn-about-lean/lean-glossary/> (дата обращения 22.10.24)
6. Lean Dictionary. Agile Genesis URL: <https://www.agilegenesis.com/lean-dictionary> (дата обращения 22.10.24)
7. Lean Terms. Velacon Continuous Improvement URL: <https://www.velacon.com/lean-dictionary/> (дата обращения 22.10.24)
8. Lean Manufacturing Glossary. WMEP Manufacturing Solutions URL: <https://wmeper.org/about/lean-glossary/> (дата обращения 22.10.24)
9. Glossary of Lean Production Related Terms. All About Lean URL: <https://www.allaboutlean.com/lean-glossary/> (дата обращения 22.10.24)
10. Академик URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/104586> (дата обращения 28.04.25)
11. Куликова И.С., Салмина Д.В. К вопросу о терминологическом статусе словосочетания «базовый термин» // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №2(21). – С. 20-31
12. Словарь лингвистических терминов URL: <https://rus-lingvistic-term.slovaronline.com> (дата обращения 28.04.25)
13. Автомобильная промышленность Японии // DM-ISUZU URL: https://web.archive.org/web/20120509073918/http://dm-isuzu.ru/autoprom_japan.shtml (дата обращения: 23.10.2024).
14. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
15. Даниленко В.И. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. – 246 с.
16. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. Вузов. М.: Высш. шк., 1987. – 104 с.
17. Ткачева Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 200 с.
18. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.

References

1. Egorova M.B. History of lean manufacturing system development [Istorija razvitija sistemy berezhlivogo proizvodstva] / M.B. Egorova, L.V. Subbotina. – Tekst: neposredstvennyj // Ural industrial'nyj: Bakuninskie chtenija: materialy IX Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 85-letiju doktora istoricheskikh nauk, professora A. V. Bakunina, Ekaterinburg, 8-9 oct. 2009 / Institut istorii i arheologii UrO RAN; Ural'skij gosudarstvennyj tehničeskij universitet – UGTU-UPI. V 2-h t. – T. II. – Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Avtograf", 2009. – Pp. 211-215.
2. Lean Manufacturing Glossary. Lean Production URL: <https://www.leanproduction.com/lean-glossary/> (access date 22.10.24)
3. Glossary of Lean Terms. Lean Horizons Consulting URL: <https://leanhorizons.com/lean-glossary-terms/> (access date 22.10.24)
4. Glossary of Lean Terminology. Simpler URL: https://www.ame.org/sites/default/files/query_archive_docs/LeanGlossary_01_08_1.pdf (access date 22.10.24)
5. Glossary of Lean Terms. TMS Lean Solutions URL: <https://txm.com/learn-about-lean/lean-glossary/> (access date 22.10.24)
6. Lean Dictionary. Agile Genesis URL: <https://www.agilegenesis.com/lean-dictionary> (access date 22.10.24)

7. Lean Terms. Velaction Continuous Improvement URL: <https://www.velaction.com/lean-dictionary/> (access date 22.10.24)
8. Lean Manufacturing Glossary. WMEP Manufacturing Solutions URL: <https://wmep.org/about/lean-glossary/> (access date 22.10.24)
9. Glossary of Lean Production Related Terms. All About Lean URL: <https://www.allaboutlean.com/lean-glossary/> (access date 22.10.24)
10. Akademik URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/104586> (access date 28.04.25)
11. Kulikova I.S., Salmina D.V. K voprosu o terminologicheskom statuse slovosochetaniya «bazovyj termin» [On the issue of the terminological status of the phrase «basic term»] // Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2016. №2(21). – Pp. 20-31
12. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms] URL: <https://rus-lingvistic-term.slovaronline.com> (access date 28.04.25)
13. Avtomobil'naja pomyslennost' Japonii [Automobile industry of Japan] // DM-ISUZU URL: https://web.archive.org/web/20120509073918/http://dm-isuzu.ru/autoprom_japan.shtml (data obrashhenija: 23.10.2024).
14. Lejchik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. [Terminology: subject, methods, structure] Izd. 3-e. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. – 256 p.
15. Danilenko V.I. Russkaja terminologija: opyt lingvisticheskogo opisaniya. [Russian terminology : an experience of linguistic description] M.: Nauka, 1977. – 246 p.
16. Golovin B.N., Kobrin R.Ju. Lingvisticheskie osnovy uchenija o terminah [Linguistic foundations of the theory of terms] : ucheb. posobie dlja filol. spec. Vuzov. M.: Vyssh. shk., 1987. – 104 p.
17. Tkacheva L.B. Osnovnye zakonomernosti anglijskoj terminologii. [Basic patterns of English terminology] Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1987. – 200 p.
18. Grinev S.V. Vvedenie v terminovedenie. [Introduction to terminology.] M.: Moskovskij licej, 1993. – 309 p.

**Якушкина
Полина Игоревна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика»,
Российский университет транспорта, Москва, Россия
egorovapolina77@yandex.ru

**Yakushkina
Polina Igorevna**

candidate of philology, associate professor of the department of
linguistics, Russian university of transport, Moscow, Russia
egorovapolina77@yandex.ru

**Рулевская
Елена Сергеевна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика»,
Российский университет транспорта, Москва, Россия
yudina_44@mail.ru

**Rulevskaya
Elena Sergeevna**

candidate of philology, associate professor of the department of
linguistics, Russian university of transport, Moscow, Russia
yudina_44@mail.ru

Требования к оформлению статьи

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе *Microsoft Word* и сохраняется с расширением *.doc* или *docx*. Рукопись присылается через личный кабинет автора на сайте.

Параметры страницы. Формат А4 (книжный). Поля: все по 20 мм.

Форматирование основного текста. Абзацный отступ 1,25 см.

Межстрочный интервал шапки статьи – одинарный, текста статьи – полуторный. Нумерация страниц располагается внизу страницы в углу справа. *Шрифт Times New Roman*, Обычный. Размер кегля (символов) – 14 пт.

Объем статьи. Минимальный объем статьи 8 страниц, максимальный объем – до 12 страниц машинописного текста.

Требования к составу публикуемой статьи.

Публикуемая в журнале статья должна состоять из следующих последовательно расположенных элементов:

- «Научная статья» – слева, шрифт 12пт;
- индекс (УДК) – слева, шрифт 12пт;
- шифр научной специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым представлена статья в соответствии с Приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 года № 118 – слева, шрифт 12пт;
- 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)
- 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.9.5 Русский язык.
 - заголовок (название) статьи на русском языке – по центру, заглавными буквами, шрифт 14пт, полужирный;
 - имя, отчество и фамилия автора (ов) на русском языке – слева, шрифт 12пт, полужирный;
 - сведения о месте работы (учёбы) авторов на русском языке указывают после имён авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений¹⁾ (название вуза, область, город, страна) – слева, шрифт 12пт;
 - электронная почта автора (ов) – слева, шрифт 12пт
 - аннотация на русском языке – шрифт 12пт;
 - ключевые слова на русском языке – шрифт 12пт;
 - «Original article» – слева, шрифт 12пт;
 - заголовок (название) статьи на английском языке – по центру, заглавными буквами, шрифт 14пт, полужирный;
 - имя, отчество и фамилия автора (ов) – слева, шрифт 12пт, полужирный на английском языке;
 - сведения о месте работы (учёбы) авторов на английском языке (название вуза, область, город, страна) – слева, шрифт 12пт;
 - аннотация на английском языке – шрифт 12пт;

- ключевые слова – шрифт 12пт;
- текст статьи – шрифт 14пт, интервал полуторный;
- список источников – шрифт 12пт, интервал одинарный.

Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30
Linguistics & education 2024 Vol 4, No. 3. P. 18-30

Научная статья
УДК 811.133.1 5.9.6 Языки народов зарубежных стран
<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30> (французский)

РОЛЬ И СВОЙСТВА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАССА ПРЕДЛОГОВ (на материале французского языка)

Земфира Ришадовна Гречухина¹, Евгения Юрьевна Кислякова²

¹Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@vandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие термина «грамматикализация», его интерпретация отечественными и зарубежными авторами. Затрагивается проблема соотношения грамматикализации и лексикализации в процессе формирования предлогов. Авторы статьи предпринимают попытку описать основные характеристики и особенности проявления грамматикализации в формировании предлогов французского языка.

Ключевые слова: грамматикализация, лексикализация, полнозначное слово, десемантизация, предложная единица, предложное выражение, составной предлог

Для цитирования: Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. Роль и свойства грамматикализации в процессе формирования класса предлогов (на материале французского языка) // Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

Original article

THE ROLE AND PROPERTIES OF GRAMMATICALIZATION IN THE PROCESS OF FORMING A CLASS OF PREPOSITIONS (based on the French language)

Zemfira R. Grechukhina¹, Evgeniya Yu. Kislyakova²

¹Astrakhan state medical university, Astrakhan, Russia

²Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@vandex.ru

Abstract. The article discusses the concept of the term grammaticalization, its interpretation by domestic and foreign authors. The problem of correlation of grammaticalization and lexicalization in the process of prepositions formation is touched upon. The purpose of the article is to describe the main characteristics and features of the manifestation of grammaticalization in the formation of French prepositions.

Keywords: grammaticalization, lexicalization, full-meaning word, desemantization, prepositional unit, prepositional expression, lexical preposition, functional preposition

For citation: Grechukhina Z.R., Kislyakova E.Yu. The role and properties of grammaticalization in the process of forming a class of prepositions (based on the French language, Linguistics & education 2024;3: 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2024. Том 4 №3(15)

18

Редакция журнала рекомендует придерживаться традиционной структуры написания статьи (введение, цели исследования, методы исследования, полученные результаты, обсуждение результатов и выводы). Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.

Аннотация. Объем – не превышает 250 слов.

Ключевые слова. не меньше 3 и не больше 15 слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.

Список источников. Список цитируемой литературы приводится в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.7–2021. **Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.**

Следовательно, неотъемлемыми свойствами грамматикализации являются однонаправленность, градуальность и частичность процесса для определенной формы предлога в конкретный период развития языка.

© Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. 2024

Список источников

1. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale/ Meillet A. – Paris, Librairie Honoré Champion, 1965. – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. La grammaticalisation en question : du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, consulté le 22 juin 2023. URL: <http://journals.openedition.org/ml/523> (дата обращения 22.07.23).
3. Авагян А.А. Основные аспекты расхождений в исследованиях грамматикализации / А.А. Авагян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

References

1. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale, Paris, Librairie Honoré Champion, 1965. – Pp. 130-148.
2. Benjamin Fagard. La grammaticalisation en question: du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques [En ligne], 53 | 2006, mis en ligne le 01 février 2015, URL : <http://journals.openedition.org/ml/523> (consulté le 22 juin 2023).
3. Avagyan A.A. Osnovnye aspekty raskhozhdenij v issledovaniyah grammatikalizacii [Main aspects of differences in grammaticalization studies]/ A.A. Avagyan // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2021. – T. 18. – № 2. – Pp. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.

Гречухина Земфира Ршадовна	кандидат филологических наук, Астраханский ГМУ, г. Астрахань grechukhinaz@mail.ru
Grechukhina Zemfira Rishadovna	candidate of philology, Astrakhan SMU, Astrakhan grechukhinaz@mail.ru
Евгения Юрьевна Кислякова	кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград evgenia.kislyakova2@yandex.ru
Kislyakova Evgeniya Yurievna	candidate of philology, associate professor, Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia evgenia.kislyakova2@yandex.ru

Библиографическая запись.

Для связи списка цитируемой литературы с текстом статьи используют отсылки в ГОСТ Р 7.0.7–2021. Отсылки в тексте статьи заключают в квадратные скобки. Порядковый номер цитируемого источника приводят в соответствующей строке текста статьи, например, [5]. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой, например, [5, с. 23].

References составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке. Для транслитерации с кириллицы на латиницу рекомендуем использовать систему автоматического транслитерирования на сайте <http://www.translit.ru> (выбрав при этом опцию «МВД»).

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

Familija A.A. Nazvanie stat'i [Title of article]. *Nazvanie zhurnala [Title of Journal]*, 2005. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 49-53.

▪ представлять в *References* описание журнала только в транслитерированном варианте (без перевода) недопустимо;

▪ при описании изданий без авторов (сборников, коллективных монографий) допускается вместо авторов писать одного, максимум двух редакторов издания;

▪ для неопубликованных документов можно делать самое короткое название с указанием в скобках (unpublished), если оно имеет авторство (для учета ссылок автора), либо просто “Unpublished Source” или “Unpublished Report” и т.д., если авторство в документе отсутствует;

▪ так как русскоязычные источники трудно идентифицируются зарубежными специалистами, необходимо в описаниях оригинальное название источника выделять курсивом, как в большинстве зарубежных стандартов;

▪ нежелательно в ссылках делать произвольные сокращения названий источников. Это часто приводит к потере связки, так как название может быть не идентифицировано;

▪ все основные выходные издательские сведения (в описаниях журнала: обозначение тома, номера, страниц; в описаниях книг: место издания – город, обозначение издательства (кроме собственного

непереводного имени издательства, оно транслитерируется)) должны быть представлены на английском языке;

- в описаниях русскоязычных учебников, учебных пособий не надо указывать тип изданий;

- в выходных данных публикаций в ссылках (статей, книг) необходимо указывать количество страниц публикации: диапазон страниц в издании указывается “Рр.” Перед страницами; количество страниц в полном издании (книге) – указывается как “р.” после указания количества страниц;

- перевод заглавия статьи или источника берется в квадратные скобки;

- одна публикация описывается в списке литературы один раз, независимо от того, сколько раз в тексте публикации был упомянут источник;

- если книга в списке литературы (в любом варианте – основном или в References) описывается полностью, тогда в описании должен быть указан полный объем издания, независимо от того, какие страницы издания были процитированы в тексте; исключения составляют случаи, когда используются отдельные главы из книги; в этом варианте в списке литературы дается описание главы, с указанием страниц “от-до”;

- для транслитерации необходимо использовать системы автоматического перевода кириллицы в романский алфавит; не делать транслитерацию вручную;

- для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.

Примеры оформления списка источников.

- Блэйк П.Г. Современные представления об анемии при почечной недостаточности / П.Г. Блэйк // Нефрология и диализ. – 2000. – Т. 2. – № 4. – С. 278-286.

- Аронов Д.А. Функциональные пробы в кардиологии / Д.А. Аронов, В.П. Лупанов. – М.: МЕДпресс-информ, 2007. – 328 с.

- Горелкин А.Г. Пат. 2387374 Рос. Федерация, МПК А61В5/107 Способ определения биологического возраста человека и скорости старения / А.Г. Горелкин, Б.Б. Пинхасов; заявитель и патентообладатель ГУ НЦКЭМ СО РАМН. – № 2008130456/14; заявл. 22.07.2008; опубл. 27.04.2010. Бюл. № 12.

- Онищенко Г.Г. Иммунобиологические препараты и перспективы их применения в инфектологии / Г.Г. Онищенко, В.А. Алешкин, С.С. Афанасьев, В.В. Пospelова; под ред. Г.Г. Онищенко, В.А. Алешкина, С.С. Афанасьева, В.В. Пospelовой – М.: ГБОУ ДПО ВУНМЦ МЗ РФ, 2002. – 608 с.

- Иванов В.И. Роль индивидуально-типологических особенностей студентов в адаптации к учебной деятельности: автореф. дис. ... канд. биол. наук / В.И. Иванов. – Томск, 2002. – 18 с.

▪ Johnson D.W. Novel renoprotective actions of erythropoietin: New uses for an old hormone / D.W. Johnson, C. Forman, D.A. Vesey // *Nephrology*. – 2006. – Vol. 11. – № 4. – Pp. 306-312.

▪ Государственный реестр лекарственных средства. URL: <http://grls.rosminzdrav.ru/> (дата обращения: 11 февраля 2019).

Далее следует список источников («References»), оформленный в следующем порядке:

▪ все авторы и название статьи в транслитерированном варианте (использовать сайт <https://translit.net/>, выбрав стандарт BGN. Окошко переключения между стандартами размещается над строкой с буквами алфавита),

▪ перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках,

▪ наименование русскоязычного источника в транслитерированном варианте,

▪ перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках,

▪ выходные данные с обозначениями на английском языке.

Примеры оформления списка источников в латинице (References).

▪ Пример оформления *книги*: Osipenkova-Vichtomova T.K. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza kostey* [Forensic examination of bones]. Moscow, BINOM Publishing House, 2017. – 272 p.

▪ Пример оформления *статьи из журнала*: Bleyk P.G. *Sovremennye predstavleniya ob anemii pri pochechnoy nedostatochnosti* [Modern concepts of anemia in kidney insufficiency]. *Nefrologiya i dializ* [Nephrology and dialysis], 2000. – Vol. 2. – No. 4. – Pp. 278-286.

▪ Пример оформления *патента*: Gorelkin A.G., Pinkhasov B.B. *Sposob opredeleniya biologicheskogo vozrasta cheloveka i skorosti stareniya* [The way of definition of man's biological age and senility speed]. Patent RF, No. 2387374, 2010.

▪ Пример оформления *диссертации*: Ponezheva Zh.B. *Kliniko-immunologicheskie aspekty patogeneza khronicheskogo gepatita C i puti optimizatsii terapii. Avtoreferat dissertatsii doktora meditsinskikh nauk* [Clinico-immunological aspects of pathogenesis of chronic hepatitis C and ways to optimize therapy. Abstract of thesis of Doctor of Medical Sciences]. Moscow, 2011. – 38 p.

▪ Пример оформления *статьи с DOI*: Bassan R., Pimenta L., Scofano M., Gamarski R., Volschan A; Chest Pain Project investigators, Sanmartin C.H., Clare C., Mesquita E., Dohmann H.F., Mohallem K., Fabricio M., Araújo M., Macaciel R., Gaspar S. Probability stratification and systematic diagnostic approach for chest pain patients in the emergency department. *Crit. Pathw. Cardiol.*, 2004. – Vol. 3. – No. 1. – Pp. 1-7. doi: 10.1097/01.hpc.0000116581.65736.1b.

▪ Пример оформления *статьи из сборника трудов*: Kantemirova V.I., Kasatkina T.I., Vyazovaya I.P., Timofeeva N.V. *Issledovanie*

detoksitsiruyushchey funktsii pecheni po vosstanovlennomu glutationu krovi u detey s razlichnoy somaticheskoy patologiyey [The investigation of liver detoxicytic function according to restoring blood glutation in children with different somatic pathology]. Sbornik nauchnykh trudov Astrakhanskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii [Collection of scientific works of the Astrakhan State Medical Academy], 2003. – Pp. 388-391.

▪ Пример оформления *материалов конференций*: Mazlov A.M., Vorontseva K.P., Bulakh N.A. Optimizatsiya ispol'zovaniya antibakterial'nykh preparatov v akusherskom observatsionnom otdelenii oblastnogo perinatal'nogo tsentra [Optimizing the use of antibacterial drugs in the obstetric observational department of the regional perinatal center]. Materialy III mezhdunarodnoy konferentsii Prikaspiyskikh gosudarstv "Aktual'nye voprosy sovremennoy meditsiny" [Materials of III International Conference of the Caspian States "Actual issues of modern medicine". 4-5 October 2018]. Astrakhan', Astrakhan State Medical University, 2018. – Pp. 116-117.

▪ Пример оформления *интернет-ресурса*: Gosudarstvennyy reestr lekarstvennykh sredstv [State Register of Medicines]. Available at: <http://grls.rosminzdrav.ru/> (accessed 11 February 2019).

Рисунки, схемы, диаграммы. В качестве иллюстраций статей принимается не более 3 рисунков. Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например, (*рис. 2*). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.

Фотографии. Прилагаемые фотографии должны быть четкими, пригодными для сканирования либо в электронном виде (формат *tif, jpg*).

Таблицы. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТов 7.12-93, 7.11-78. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе *Microsoft Word* (формат *.doc) и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами АГМУ или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией.

Дополнительно к статье автор высылает следующие документы

1. Сведения об авторе(ах).

Сведения об авторе(ах) присылаются на электронный адрес журнала lingv_edu@astgmu.ru отдельным файлом, имеющим название Сведения_Фамилия. Сведения об авторе(ах), которые содержат данные:

- фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; место работы (кафедра, институт (факультет)); занимаемая должность; контактный телефон (рабочий, сотовый); адрес электронной почты.

Сведения в полном объеме приводятся на русском и английском языках.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи

Фамилия Имя Отчество	
Ученая степень, ученое звание	
Должность или профессия	
Место работы или учебы	
Контактный телефон	
Адрес электронной почты	
Тема статьи	

Requirements for article arrangement

General requirements. The electronic version of the article is executed in a *Microsoft Word* text editor and saved with the *.doc* or *.docx* extension. The manuscript is sent through the personal account of the author on the website of the online edition.

Page parameters. A4 format (book). Margins: all 20 mm.

Formatting of the main text. Paragraph indentation 1.25 cm.

The line spacing of the article header is single; the text of the article is one and a half. Page numbering is located at the bottom of the page in the corner on the right. *Times New Roman Font*, Regular. The size of the pin (characters) is 14 pt.

The volume of the article. The minimum volume of the article is 8 pages, the maximum volume is up to 12 pages of typewritten text.

Requirements for the composition of the published article.

The article published in the online edition should consist of the following sequentially arranged elements:

- "Scientific article" – on the left, font 12pt;
- index (UDC) – on the left, font 12pt;
- cipher of the scientific specialty and the corresponding branches of science, for which the article is presented in accordance with the Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated February 24, 2021 No. 118 – on the left, font 12pt;
- 5.9.6 Languages of peoples of foreign countries (indicating a particular language or group of languages)
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics
- 5.9.5 Russian language
 - title (name) of articles in Russian – centered, in capital letters, font 14pt, bold;
 - the author's first name, patronymic and surname in Russian – on the left, font 12pt, bold;
 - information about the place of work (study) of authors in Russian is indicated after the authors' names on different lines and linked to the names using superscript numeric designations) (name of the university, region, city, country) – on the left, font 12pt;
 - e-mail of the author(s) – on the left, font 12pt
 - abstract in Russian – font 12pt;
 - keywords in Russian – font 12pt
 - "Original article" – on the left, font 12pt;
 - title (name) of articles in English – centered, in capital letters, font 14pt, bold;
 - first name, patronymic and surname of the author(s) – on the left, font 12pt, bold in English;
 - information about the place of work (study) of the authors in English (name of the university, region, city, country) – on the left, font 12pt;
 - abstract in English – font 12pt;
 - keywords – font 12pt;

- the text of the article is 14pt font, one and a half interval;
- the list of sources is 12pt font, the one interval.

Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30
Linguistics & education 2024 Vol 4, No. 3. P. 18-30

Научная статья

УДК 811.133.1

5.9.6 Языки народов зарубежных стран

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30> (французский)

РОЛЬ И СВОЙСТВА ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАССА ПРЕДЛОГОВ (на материале французского языка)

Земфира Ришадовна Гречухина¹, Евгения Юрьевна Кислякова²

¹Астраханский государственный медицинский университет, Астрахань, Россия

²Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@vandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие термина «грамматикализация», его интерпретация отечественными и зарубежными авторами. Затрагивается проблема соотношения грамматикализации и лексикализации в процессе формирования предлогов. Авторы статьи предпринимают попытку описать основные характеристики и особенности проявления грамматикализации в формировании предлогов французского языка.

Ключевые слова: грамматикализация, лексикализация, полнозначное слово, десемантизация, предложная единица, предложное выражение, составной предлог

Для цитирования: Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. Роль и свойства грамматикализации в процессе формирования класса предлогов (на материале французского языка) // Лингвистика и образование. 2024. Том 4. №3. С. 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

Original article

THE ROLE AND PROPERTIES OF GRAMMATICALIZATION IN THE PROCESS OF FORMING A CLASS OF PREPOSITIONS (based on the French language)

Zemfira R. Grechukhina¹, Evgeniya Yu. Kislyakova²

¹Astrakhan state medical university, Astrakhan, Russia

²Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia

¹grechukhinaz@mail.ru

²evgenia.kislyakova2@vandex.ru

Abstract. The article discusses the concept of the term grammaticalization, its interpretation by domestic and foreign authors. The problem of correlation of grammaticalization and lexicalization in the process of prepositions formation is touched upon. The purpose of the article is to describe the main characteristics and features of the manifestation of grammaticalization in the formation of French prepositions.

Keywords: grammaticalization, lexicalization, full-meaning word, desemantization, prepositional unit, prepositional expression, lexical preposition, functional preposition

For citation: Grechukhina Z.R., Kislyakova E.Yu. The role and properties of grammaticalization in the process of forming a class of prepositions (based on the French language, Linguistics & education 2024;3: 18-30. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-3-18-30>

ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2024. Том 4 №3(15)

18

The editorial board of the online edition recommends adhering to the traditional structure of writing an article (introduction, research objectives, research methods, results obtained, discussion of results and conclusions). The elements of the article are separated from each other by one empty line.

Abstract. The volume does not exceed 250 words.

Keywords. No less than 3 and no more than 15 words (phrases) that carry the main semantic load in the text.

List of sources. The list of cited literature is given in accordance with the requirements of GOST R 7.0.7–2021. **Bibliographic entries in the list of non-textual bibliographic references are numbered and arranged in the order of citation of sources in the text of the article.**

<p>Следовательно, неотъемлемыми свойствами грамматикализации являются однонаправленность, градуальность и частичность процесса для определенной формы предлога в конкретный период развития языка.</p> <p>© Гречухина З.Р., Кислякова Е.Ю. 2024</p> <p style="text-align: center;">Список источников</p> <p>1. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale/ Meillet A. – Paris, Librairie Honoré Champion, 1965, – Pp. 130-148.</p> <p>2. Benjamin Fagard. La grammaticalisation en question : du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques [En ligne], 53 2006, mis en ligne le 01 février 2015, consulté le 22 juin 2023. URL: http://journals.openedition.org/ml/523 (дата обращения 22.07.23).</p> <p>3. Авагян А.А. Основные аспекты расхождений в исследованиях грамматикализации / А.А. Авагян // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021. – Т. 18. – № 2. – С. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.</p> <p style="text-align: center;">References</p> <p>1. Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale, Paris, Librairie Honoré Champion, 1965. – Pp. 130-148.</p> <p>2. Benjamin Fagard. La grammaticalisation en question: du latin aux langues romanes modernes. Modèles linguistiques [En ligne], 53 2006, mis en ligne le 01 février 2015, URL : http://journals.openedition.org/ml/523 (consulté le 22 juin 2023).</p> <p>3. Avagyan A.A. Osnovnye aspekty raskhozhdenij v issledovaniyah grammatikalizacii [Main aspects of differences in grammaticalization studies]/ A.A. Avagyan // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika. – 2021. – T. 18. – № 2. – Pp. 63-68. – DOI 10.14529/ling210210. – EDN ZVUJUA.</p>	
Гречухина Земфира Ршадовна	кандидат филологических наук, Астраханский ГМУ, г. Астрахань grechukhinaz@mail.ru
Grechukhina Zemfira Rishadovna	candidate of philology, Astrakhan SMU, Astrakhan grechukhinaz@mail.ru
Евгения Юрьевна Кислякова	кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград evgenia.kislyakova2@yandex.ru
Kislyakova Evgeniya Yurievna	candidate of philology, associate professor, Volgograd state socio-pedagogical university, Volgograd, Russia evgenia.kislyakova2@yandex.ru
<p>ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2024. Том 4 №3(15) 28</p>	

Bibliographic entry. To link the list of cited literature with the text of the article, references are used in accordance with GOST R 7.0.7–2021, References in

the text of the article are enclosed in square brackets. The serial number of the cited source is given in the corresponding line of the text of the article, for example, [5]. If the link is given to a specific fragment of the document text, the reference indicates the serial number and pages on which the link object is placed. The information is separated by a comma, for example, [5, p. 23].

References are compiled in the order completely identical to the Russian-language version with a similar numbering.

References must be issued according to the following rules:

1. Authors (transliteration), the title of the article in transliterated version [translation of the title of the article into English in square brackets], the name of the Russian-language source (transliteration) [translation of the name of the source into English is a paraphrase (for journals, you can not do)], output data with notation in English. For transliteration from Cyrillic to Latin, we recommend using the automatic transliteration system on the website <http://www.translit.ru> (by selecting the option "Interior Ministry").

2. It is forbidden to use the signs "/" and "-" to separate the structural elements of the bibliographic description.

Example:

Familija A.A. Nazvanie stat'i [Title of article]. Nazvanie zhurnala [Title of Journal], 2005. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 49-53.

- it is unacceptable to submit a description of the journal in References only in a transliterated version (without translation).;

- when describing publications without authors (collections, collective monographs), it is allowed to write one, maximum two editors of the publication instead of the authors;

- for unpublished documents, you can make the shortest name with an indication in parentheses (unpublished), if it has authorship (to take into account the author's references), or simply "Unpublished Source" or "Unpublished Report", etc., if there is no authorship in the document;

- since Russian-language sources are difficult to identify by foreign experts, it is necessary to italicize the original name of the source in the descriptions, as in most foreign standards;

- it is undesirable to make arbitrary abbreviations of source names in links. This often leads to the loss of the bundle, as the name may not be identified;

- all the main output publishing information (in the descriptions of the journal: the designation of the volume, number, pages; in the descriptions of books: the place of publication – the city, the designation of the publishing house (except for the publisher's own untranslated name, it is transliterated)) must be submitted in English;

- in the descriptions of Russian-language textbooks, teaching aids, it is not necessary to indicate the type of publications;

- in the output data of publications in references (articles, books), the number of pages of the publication must be indicated: the range of pages in the publication is indicated by "Pp." Before pages; the number of pages in the complete edition (book) – indicated as "p." after specifying the number of pages;

- the translation of the title of the article or source is taken in square brackets;
- one publication is described in the list of references once, regardless of how many times the source was mentioned in the text of the publication;
- if the book in the list of references (in any version - main or in References) is described in full, then the description should indicate the full volume of the publication, regardless of which pages of the publication were cited in the text; the exception is when individual chapters from a book are used; in this version, the list of references gives a description of the chapter, indicating the pages “from-to”;
- for transliteration, it is necessary to use systems for automatically translating Cyrillic into the Roman alphabet; do not transliterate manually;
- for journals published in Russian and English, a link is given to the English version of the journal.

The following is a list of sources (“References”), arranged in the following order:

- all authors and the title of the article in a transliterated version (use the site <https://translit.net/>, selecting the BGN standard. The window for switching between standards is located above the line with the letters of the alphabet),
- translation of the title of the article into English in square brackets,
- the name of the Russian-language source in a transliterated version,
- translation of the source name into English in square brackets,
- output data with symbols in English.

Examples of formatting a list of sources in Latin (References).

▪ *Example of book formatting:* Osipenkova-Vichtomova T.K. Sudebno-meditsinskaya ekspertiza kostey [Forensic examination of bones]. Moscow, BINOM Publishing House, 2017. – 272 p.

▪ *Example of formatting an article from a magazine:* Bleyk P.G. Sovremennye predstavleniya ob anemii pri pochechnoy nedostatochnosti [Modern concepts of anemia in kidney insufficiency]. Nefrologiya i dializ [Nephrology and dialysis], 2000. – Vol. 2. – No. 4. – Pp. 278-286.

▪ *Example of a patent formatting:* Gorelkin A.G., Pinkhasov B.B. Sposob opredeleniya biologicheskogo vozrasta cheloveka i skorosti stareniya [The way of definition of man's biological age and senility speed]. Patent RF, No. 2387374, 2010.

▪ *Example of theses formatting:* Ponezheva Zh.B. Kliniko-immunologicheskie aspekty patogeneza khronicheskogo gepatita C i puti optimizatsii terapii. Avtoreferat dissertatsii doktora meditsinskikh nauk [Clinico-immunological aspects of pathogenesis of chronic hepatitis C and ways to optimize therapy. Abstract of thesis of Doctor of Medical Sciences]. Moscow, 2011. – 38 p.

▪ *Example of article formatting with DOI:* Bassan R., Pimenta L., Scofano M., Gamarski R., Volschan A; Chest Pain Project investigators, Sanmartin C.H., Clare C., Mesquita E., Dohmann H.F., Mohallem K., Fabricio M., Araújo M., Macaciel R., Gaspar S. Probability stratification and

systematic diagnostic approach for chest pain patients in the emergency department. Crit. Pathw. Cardiol., 2004. – Vol. 3. – No. 1. – Pp. 1-7. doi: 10.1097/01.hpc.0000116581.65736.1b.

▪ *Example of formatting an article from a collection of works:* Kantemirova B.I., Kasatkina T.I., Vyazovaya I.P., Timofeeva N.V. Issledovanie detoksitsiruyushchey funktsii pecheni po vosstanovlennomu glutationu krovi u detey s razlichnoy somaticheskoy patologiyey [The investigation of liver detoxicytic function according to restoring blood glutation in children with different somatic pathology]. Sbornik nauchnykh trudov Astrakhanskoy gosudarstvennoy meditsinskoy akademii [Collection of scientific works of the Astrakhan State Medical Academy], 2003. – Pp. 388-391.

▪ *Example of formatting conference materials:* Mazlov A.M., Vorontseva K.P., Bulakh N.A. Optimizatsiya ispol'zovaniya antibakterial'nykh preparatov v akusherskom observatsionnom otdelenii oblastnogo perinatal'nogo tsentra [Optimizing the use of antibacterial drugs in the obstetric observational department of the regional perinatal center]. Materialy III mezhdunarodnoy konferentsii Prikaspiyskikh gosudarstv “Aktual'nye voprosy sovremennoy meditsiny” [Materials of III International Conference of the Caspian States “Actual issues of modern medicine”. 4-5 October 2018]. Astrakhan', Astrakhan State Medical University, 2018. – Pp. 116-117.

▪ *Example of formatting of an Internet resource:* Gosudarstvennyy reestr lekarstvennykh sredstv [State Register of Medicines]. Available at: <http://grls.rosminzdrav.ru/> (accessed 11 February 2019).

Drawings, schemes, diagrams. No more than 3 figures are accepted as illustrations of articles. Illustrations must be clear. In the text of the article, a link to a specific figure should be given, for example, (Fig. 2). Figures should have a minimum number of words and symbols. Each figure must have a serial number, title and explanation of the meanings of all curves, numbers, letters and other symbols placed under the figure.

Photo. Attached photographs must be clear, suitable for scanning or in electronic form (.tif, jpg format).

Tables. There should be no more than 3 tables. Each table should be given a serial number and a heading. Abbreviation of words is allowed only in accordance with the requirements of GOST 7.12-93, 7.11-78. Tables must be provided in a Microsoft Word text editor (*.doc format) and numbered in order. The simultaneous use of tables and graphs (figures) to present the same results is not allowed.

Additional materials for published articles

1. Information about the author(s).

Information about the author(s) is sent to the email of the online edition lingv_edu@astgm.ru in a separate file called Information_Surname. Information about the author(s), which contains data: last name, first name, patronymic in full;

academic degree; academic title; place of work (department, institute (faculty)); position held; contact phone (work, cell); E-mail address.

Information in full is given in Russian and English.

Full Name	
Academic degree, academic title	
Position or profession	
Place of work or study (with address)	
Contact number	
E-mail address	
Article topic	

The responsibility for the accuracy of the specified information lies with the author of the article.

ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Сетевое издание

2025

Том 5 № 2

Сетевое издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации
средства массовой информации Эл № ФС77-79816 от 07 декабря 2020 г.)

Учредитель: ФГБОУ ВО Астраханский ГМУ Минздрава России

Адрес учредителя: 414000, г. Астрахань, Бакинская, 121, каб 410

Тел: +7 (8512) 66-94-80

E-mail: post@astgmu.ru

Редакционная коллегия

Научный редактор – Гречухина З.Р.

Ответственный секретарь – Дьякова Е.М.

